

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ **6 (39)**

2013

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Е.Ю. Сидорова**, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2013

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***
Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Science (Philosophy);
V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

G.N. Utenkov
The Idea of Civil Society
and Problems of Its Development
in the Context
of the Stratification Theory

The problems of civil society development are examined in the context of the stratification theory of Pitirim Sorokin. The civil society is presented as a totality of various social groups that have different interests.

Key words and word-combinations: civil society, theory of stratification, social groups, state authority.

Рассматриваются проблемы развития гражданского общества в контексте теории стратификации Питирима Сорокина. Гражданское общество представляется как совокупность различных социальных групп, имеющих различные друг от друга интересы.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, теория стратификации, социальные группы, государственная власть.

УДК 1:316
ББК 60.027

Г.Н. Утенков

ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СТРАТИФИКАЦИИ

Многовековая история формирования гражданского общества, восходит к развитию политико-юридической мысли Античности, Средневековья, Нового времени. Разработкой данной проблематики занимались Гоббс, Локк, Руссо, Гегель. Значимым представляется вклад П. Сорокина в изучение гражданского общества в соответствии с концепцией стратификации.

В современных условиях научный и практический интерес к гражданскому обществу не ослабевает. В большей степени это связано с тем, что в условиях правового демократического государства возрастает взаимовлияние элементов гражданского общества – граждан, их объединений – и государства на общественно-политические и социально-экономические процессы. Данное обстоятельство находит отражение в программных документах и зако-

нодательстве России. На это обратил внимание Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ: «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга»[1].

В современном виде гражданское общество возникло и развивалось в русле либеральной идеологической парадигмы и ее различных направлений и оттенков. Основным ее принципом, на чем сходятся точки зрения большинства авторов, изучающих данную проблему, являются личные права, интересы и свободы, нередко противопоставляемые интересам общегосударственным. Эта «либерально-негосударственная модель»[2, с. 55] гражданского общества, предполагающая жесткое разграничение государственной власти и частного интереса, стала господствующей в политической мысли XIX – первой половины XX в.

Обилие характеристик гражданского общества сводятся в основном к тому, что гражданское общество прямо или косвенно, жестко или мягко, в поисках конфронтации или консенсуса, на принципах конструктивной или деструктивной оппозиции противостоит государству. Такой взгляд на гражданское общество в условиях современной России придает ему более политический, нежели социальный или экономический характер. При этом социальные элементы, составляющие гражданское общество, могут противостоять не только государству, но и по различным основаниям конфликтовать между собой.

Квинтэссенцией современных рассуждений о гражданском обществе за рубежом и в России являются сетования о его отсутствии или недостаточном развитии. Как остроумно выразились американские антропологи, гражданское общество становится известным в основном по своему отсутствию или неполноте: скорее стремление, чем свершение; оно быстро улетучивается перед слишком пристальным взглядом [3; 4].

На эти «исчезновения» элементов гражданского общества при его ближайшем рассмотрении указывал в своих работах П. Сорокин. В частности, анализируя дискуссии по национальному вопросу в контексте социального равенства, он отмечал, что при определении отличительных признаков национальности «признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен», «на почве одного языка нельзя построить здание национальности». Не может служить искомым критерием национальности, считал П. Сорокин, «единство культуры», «единство морали, права и нравов», «осознание своей принадлежности к определенному политическому телу». В итоге национальный вопрос он вывел за рамки собственно национальной проблематики и придал ему острый политический характер как «учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства» [5, с. 245–248]. Следовательно, линию разлома в социуме, стратификации, согласно концепции П. Сорокина, можно провести и по этому признаку.

В современной России к так называемым национальным конфликтам также приводят социальные, но далеко не этнические различия. В Послании Федеральному Собранию РФ В.В. Путин указывает, что истинной причиной «межэтнического напряжения» являются «коррупция и изъяны в работе государственных институтов», «провалы в образовательной и культурной политике»[1]. Этим

порой успешно пользуются «люди, лишенные культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые “крышуют” этническую мафию, и так называемые “русские националисты”, разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы» [1].

Таким образом, Президент РФ проблемы «межэтнического напряжения» выводит за рамки собственно национального вопроса. В данном случае определенная часть российского общества стратифицируется по принципам антиконституционным, криминальным. Возвращаясь к рассуждениям П. Сорокина по данному вопросу, обратим внимание на его вывод: нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства (т.е. стратификации по различным признакам и основаниям. – *Авт.*), выступающая в различных видах и производимая различным сочетанием общих социальных факторов, среди которых нельзя специально выделить национальный фактор [5, с. 250].

Анализ различных характеристик гражданского общества позволяет сделать вывод, что оно далеко не однородно. Социальные группы дифференцированы по весьма различным целям, интересам, социально-экономическим, общественно-политическим, организационным возможностям, по механизмам взаимодействия с государством и между собой. С этой точки зрения целесообразно рассматривать не единое, однородное гражданское общество, а множество элементов гражданского общества, представленных в виде множества социальных групп. При этом гражданин может одновременно входить в разные социальные группы, которые могут быть временными или, что менее вероятно, постоянными. Имея в виду это множество, Ч. Кукатас говорил об огромном либеральном архипелаге различных социальных групп и праве их членов переходить из одной группы в другую [6].

Разнообразие элементов гражданского общества нередко приводит к выводу о невозможности привести их к общему знаменателю. Так, Б.И. Коваль указывает на неоднородность гражданского общества, в котором одновременно действуют «правое» и «левое» крылья, а также «центр». Здесь необходимо учитывать региональные, этнические, религиозные и иные особенности гражданского общества в России. На этом основании автор заключает, что термин «гражданское общество» носит весьма условный и символический характер [7].

Взаимоотношения государства и гражданского общества представляют собой сложный диалектический процесс. С одной стороны, развитие гражданского общества рассматривается как процесс либеральной деградации государства, утраты им многих специфических функций; с другой – гражданское общество не может развиваться вне государства. Следовательно, существуют структурные пределы изъятия или ограничения функций государства. Тезис, восходящий еще к философии Платона, гласит, что сущее (в данном случае государство) распадается на множество в самом себе. Парадоксальным образом вещь в своем существовании должна быть одновременно и одним и многим [8, с. 14; 9].

При анализе проблем гражданского общества, опираясь на концепцию социальной стратификации, П. Сорокин определял его в рамках «социального пространства» и «социальной дистанции» как «дифференциацию некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность состоят в неравномерном распределении прав и привилегий, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [10, с. 302–303].

При этом П. Сорокин подчеркивал, что «конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны». В качестве основных ее типов он выделял экономическое, политическое и профессиональное расслоение общества. Каждый из этих типов стратификации имеет сложную иерархию и структуру. Отмечая научную и практическую значимость социальной стратификации, П. Сорокин указывал, что в свою очередь любая социальная группа всегда социально стратифицирована; общество без расслоения, с реальным равенством их членов – миф. Он приходит к выводу, что для общества на протяжении тысячелетий характерно было состояние глубокого социального расслоения, причем в прошлом контрастов было не меньше, чем в настоящее время [10, с. 333].

В контексте анализа гражданского общества особый интерес в теории П. Сорокина представляет политическая стратификация. Он утверждает, что с развитием и ростом общественных отношений политическая стратификация усиливалась, а число различных рангов увеличивалось [10, с. 335]. К усилению политического неравенства (т.е. политической стратификации. – *Авт.*) приводит возрастание неоднородности населения, которая может развиваться на фоне различных эмоциональных состояний и простирается до поглощения одной политической структуры другой, будучи пропорциональной сложности и размеру политического организма. В качестве примера П. Сорокин приводит характеристики ряда малых стран Европы, а также Британию, Российскую империю и т.д. [10, с. 346–347].

Концепции социальной стратификации в зарубежной и отечественной социологии позволяют выделить несколько типов дефиниций. Так, при структурно-институциональном подходе стратификация рассматривается как структурированное [11, с. 154; 12], либо как институциональное [13] неравенство между различными социальными стратами. Н. Смелзер считает стратификацию способом сохранения и передачи ранжирования от одного поколения к другому [14, с. 274]. Т. Парсонс в качестве главного функционального показателя стратификации рассматривает не само неравенство, не способы его передачи, а социальную оценку этого неравенства обществом и отдельным человеком [15, с. 114].

Тем не менее государство как наиболее мощный и динамичный субъект общественно-политических отношений создает закрепленные в законах правила действий элементов гражданского общества. Оно в условиях их фактического неравенства, о чем писал П. Сорокин, обеспечивает их равенство перед законом, в системе гуманистических ценностей и т.д. Этому политическому равенству, к которому П. Сорокин относит парламентаризм, политическую свободу, демократию, угрожает само государство в виде различного вида диктатур – коммунизма, большевизма, фашизма [10, с. 337].

Государство как субъект политики, считает А.А. Борисенков, обладает своей политической властью, с помощью которой принимает необходимые для себя руководящие решения. Гражданское общество имеет свои возможности и свою политическую власть, совсем не тождественную государственной. По этой причине и государство и гражданское общество как политические субъекты являются субъектами разных «политик». Каждый из данных субъектов принимает руководящие решения на основе своих возможностей и с помощью собственных политических учреждений [16].

П. Сорокин систему взаимоотношений государства и гражданского общества соотносит со становлением демократии. В связи с развитием гражданского общества как фактора совершенствования демократии В.К. Левашов предлагает термин «гражданская демократия», которую он определяет демократией гражданской и созидательной, в отличие от демократии, носящей протестный характер [17]. Один из создателей теории демократического транзита Д. Ростоу считал, что успешный переход к демократии связан со способностью гражданского общества содействовать достижению «согласия элит», что создает предпосылки для разрешения конфликтов на основании демократических «правил игры», признаваемых всеми сторонами [18, с. 5–15].

В связи с этим важна точка зрения А.А. Борисенкова: в современном демократическом государстве право бороться за политическую власть принадлежит всем дееспособным гражданам [16]. Но право использовать эту власть принадлежит только тем, кто оказался действительно избранным. Это право относится к небольшой части граждан, которые вследствие вхождения их в политические учреждения государства получили политические полномочия. Граждане, участвуя в митингах, демонстрациях, различных объединениях и т.д., реализуют свои, закрепленные в Конституции РФ, гражданские права и тем самым осуществляют свою гражданскую деятельность.

Однако в новейшей российской истории, считает С. Ильинская, гражданское общество, к сожалению, следует только одной традиции – борьбе с государственным монстром. Всесилие российской бюрократии лишь подогревает антигосударственную направленность правозащитных организаций, которые чаще всего являются филиалами международных структур или напрямую финансируются западными фондами и нередко используются теми в своих целях. Подобные организации нередко слепо защищают общечеловеческие принципы, не принимая во внимание, что в ряде случаев их деятельность нарушает элементарные права российских граждан [19].

Исследователи отмечают, что российский социум не является «отсталым» или «неразвитым» вариантом социальных систем развитых демократических стран. Он представляет собой своеобразный, во многом альтернативный западным аналогам и самоценный в культурно-историческом смысле социальный организм, в основе которого лежит властно-правовая иерархия как базовый принцип организации социального пространства [20, с. 59].

Таким образом, в соответствии с концепцией П. Сорокина российское общество стратифицировано по имущественно-властным, культурно-этническим, национально-религиозным и иным основаниям. В связи с этим государству, не

впадая в потерпевшую фиаско концепцию мультикультурализма, предстоит длительная работа по формированию российской нации, сохраняя право каждой социальной группы на свою идентичность. Именно такой подход заложен в Стратегии государственной национальной политики. «Наша базовая задача, – отмечает в своем выступлении Президент РФ В.В. Путин, – заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди, независимо от своей этнической, религиозной принадлежности, осознавали себя гражданами единой страны» [21, с. 13].

Теория стратификации П. Сорокина позволяет глубже понять особенности развития и функционирования гражданского общества в России как сложного, полифункционального образования. Оно дифференцировано по территориальным, профессиональным, имущественно-экономическим, культурно-историческим и многим другим признакам. По этой причине управление процессами взаимодействия с ним органов государственной власти и местного самоуправления, а также между элементами гражданского общества требует гибкого подхода, оперативного и адекватного реагирования на возникающие проблемы на основе стратегии развития страны.

Библиографический список

1. Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 12 дек. 2013 г., Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>
2. Маркелов К.В. Между гражданским обществом и государством: информационная политика на перепутье // Социология власти. 2004. № 5.
3. Putnam R., Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community. ny: Simon & Schuster, 2000.
4. Democracies in Flux: the Evolution of Social Capital in Contemporary Society, ed. R. Putnam. ny: Oxford University Press, 2002.
5. Сорокин П. Проблема социального равенства // Проблема социального равенства: Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
6. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А.В. Куряева. М., 2011.
7. Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: мат-лы науч. конф. Москва, 7 дек. 2000 г. М., 2001.
8. Платон. Филеб // Собр. соч.: в 4 т. М., 1971. Т. 3.
9. Исследования по истории платонизма / под общ. ред. В.В. Петрова. М., 2013.
10. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
11. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
12. Асп Э.К. Введение в социологию. СПб., 2000.
13. Дэвис К. Ответ М. Тьюмену // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. I.
14. Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М., 1994.
15. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. I.
16. Борисенков А.А. Гражданское общество как социальное явление // Мир человека. 2008. № 4.
17. Левашов В.К. Мера гражданственности в социализации // Социс. 2007. № 1.
18. Ростю Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
19. Ильинская С. Современное российское гражданское общество и государство. URL: <http://www.politvektor.ru/glavnaya-tema/5337/> (30.01.2011)

20. Пляйс Я.А. Тема гражданского общества в диссертациях докторов и кандидатов политических наук (1998–2001) // Политическая наука. 2002. № 1.

21. Конспект выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Москва, Кремль, 19 февр. 2013 г. // Вестник российской нации. 2013. № 1/2.

Z.A. Isimbekova
Electoral Competition
Technologies of Parties of Power
in Parliamentary Campaigns
of Modern Russia
(by the example of the party
“United Russia”)

The analysis of electoral technologies of parties of power in parliamentary campaigns is done. The technological side of canvassing of the political party “United Russia” for three election cycles is analyzed.

Key words and word-combinations: political party, election process, electoral competition, political elite.

Проводится анализ электоральных технологий партий власти в парламентских кампаниях. Анализируется технологическая сторона агитационной работы политической партии «Единая Россия» на протяжении трех предвыборных циклов.

Ключевые слова и словосочетания: политическая партия, избирательный процесс, электоральная конкуренция, политическая элита.

УДК 329(470+571): 32.01(470+571)
ББК 66.69(2)+ 66.04(2)

З.А. Исимбекова

ТЕХНОЛОГИИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ
КОНКУРЕНЦИИ
ПАРТИЙ ВЛАСТИ
В ПАРЛАМЕНТСКИХ
КАМПАНИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»)

На избирательный процесс в современной России в значительной степени влияет технологизация методов подготовки организации и проведения выборных компаний. От верного определения и четкой реализации набора технологических инструментов в период избирательной кампании зависит успешность результатов полученного политическими партиями по итогам проведенных выборов. Представляется интересным проанализировать избирательные технологии партий власти на примере участия политической партии «Единая Россия» в парламентских кампаниях 2003, 2007, 2011 гг.

Под «партиями власти» понимаются партии, созданные правящей политической элитой для своего позиционирования в российском политическом пространстве, в первую очередь для участия в выборах. Базовой

характеристикой партии власти является отождествление себя с политической элитой, выражение своих интересов в публичной сфере. Рассматривая «партию власти» в качестве «продукта политической элиты» [1], исследователи непосредственно связывают практики их формирования с этапами генезиса элитной структуры. Как отмечает Е.Ю. Носкова, если в 1990-е годы, в условиях разъединения элит, предпринимались попытки создания сразу нескольких партийных структур, представляющих интересы различных политических групп, то в 2000-е годы весьма отчетливо просматриваются тенденции формирования полноценных партий власти, образующихся по принципу доминантной партии и партии большинства [2, с. 263].

В качестве базовых компонентов в анализе электоральных технологий партий власти рассмотрим следующие критерии: имиджевая составляющая политической партии, состоящая из личностного фактора лидеров и идеологической компоненты; ключевые моменты программы политической партии в тех форматах, в которых она была представлена; реализация предвыборной тактики и полученный результат на выборах.

Итак, согласно проведенному анализу избирательных технологий, используемых российскими политическими партиями в парламентских кампаниях после 2000-х годов, отметим следующее.

Предвыборная программа «Единой России» в 2003 г. имела весьма развернутый формат. В отличие от предыдущих программ партий власти, сводившихся к перечню тезисов-лозунгов, каждый тематический пункт завершается выводами из трех – четырех предложений. Однако в целом идеологическая составляющая программы «Единой России» в 2003 г. крайне мала. Главным образом она состоит в обозначении своей центристской позиции по отношению к остальным партиям. Подобное позиционирование обосновывается рационалистским доводом – прагматизмом и способностью решать проблемы. Идеологическая компонента программы выявляется и в обозначении «Единой России» себя как партии, положившей начало «подлинной демократии». При этом под демократией, исходя из текста, понимается лишь декларация работы партии на благо народа в прошлом и будущем. В контексте партия проводит связь между собой и государством: государство есть совершенный механизм решения проблем, партия в состоянии сформировать правительство, способное эффективно функционировать. Задачи внешней политики партия видит в борьбе с терроризмом.

В программе обозначен период, на который рассчитана реализация данной программы, – до следующих выборов в Государственную Думу 2007 г. Отдельно рассматривается вопрос о СМИ двумя противоречащими тезисами о свободе и контроле со стороны общественных структур. Самый большой тематический блок программы посвящен экономике и социальным вопросам. В целом же данная программа традиционно состоит из тематических блоков и выдвигаемых предвыборных лозунгов, в основном имеющих популистский характер.

В 2007 г. «Единая Россия» в качестве программы представляла «План Путина», что объяснялось конъюнктурными причинами. Во-первых, второй срок президентства В.В. Путина завершался в 2008 г., в связи с чем партия власти, лидером которой в тот момент официально значился глава государства, стреми-

лась использовать связанные с его персоной предвыборные дивиденды. С другой стороны, после президентства В.В. Путин должен был занять должность Председателя Правительства РФ, и «План Путина» служил фактическим обоснованием и фактором легитимации этого решения.

Программа 2007 г. состояла из краткого обзора прошлых партийных заслуг и предвыборных предложений. По структуре ее текст схож с предыдущей избирательной программой. Основное содержание вновь сводится к экономическим и социальным проблемам, а также вопросам обороноспособности страны. Политический и международный блоки в данном документе практически не представлены. В основной части появляются положения о «качестве жизни», «инновационной экономике», «сокращении численности населения страны», «эффективности государства». Идеологическая составляющая в программе напрямую не представлена.

К парламентским выборам 2011 г. «Единая Россия» подготовила так называемое «Программное обращение». В этом документе партия власти целенаправленно уходит от обезличенного описания своих прежних заслуг. В тексте снова применяется объединительное местоимение «мы», что контекстно связывает граждан с партией, приобщая их к числу ее сторонников. Выделяются шесть основных предвыборных тезисов с той же тематикой, что и в предыдущих программных документах. Новое направление представляет тема необходимости работы над судебной системой, вновь возвращается вопрос реформирования политической системы. Но, как и прежде, данные тезисы являются максимально абстрактными в формулировках. Используется тот же прием, что и в 2007 г., когда уже в программе обосновывается кандидатура будущего Председателя Правительства РФ и одновременно выдвигается кандидат на место Президента РФ.

Технологическая сторона агитационной кампании строилась уже по иному принципу. В отличие от практики предыдущих кампаний, в ходе этих выборов партия власти фактически полностью отказалась от использования черного пиара. Исключения можно было встретить, пожалуй, лишь на региональном уровне. Федеральная кампания, напротив, выглядела положительно. Относительно новым методом в предвыборной кампании стало использование административного ресурса. Ранее он тоже применялся, но с небольшой интенсивностью. Однако с 2003 г. наблюдается эволюция данного процесса применения административного ресурса.

Избирательная кампания 2003 г. отличалась разнообразием распространяемых листовок, причем они различались по целеполаганию и тематическому содержанию. Часть листовок посвящались общей концепции участия партии в выборах и раскрывали основные идеи, другие были тематическими. При этом темы трансформировались в слоганы и речевки [3], доносившие предвыборные идеи без необходимости личных встреч с избирателями. Это технология, известная как «матрица повторяемости» [4]. Отдельные листовки были выполнены в виде писем – обращений лидеров партии. В тот же период появляется слоган, до последнего времени остающийся неизменным «Сильная Россия – единая Россия».

Профильные темы листовок содержали такие слоганы, как «динамичная

экономика и цивилизованный рынок», «развитый агропромышленный сектор». В социальном направлении декламировались «социальная защита», «доступное и качественное высшее образование» (здравоохранение, жилье), «сохранение бесплатных мест в вузах», «привилегированная категория – дети», «пенсионная реформа». Вопросы государства как носителя суверенитета освещались в слоганах «ответственная власть», «реформа по закону», «сильная современная армия», «мощный военно-промышленный комплекс».

Помимо односложных формулировок в лозунгах начинают активно применяться формулировки, направленные на объединение: «Мы – партия ответственной власти!»; «Мы – партия национального успеха»; «Мы возродили студенческие отряды»; «Мы – инициаторы создания рабочих мест для студентов» и т.д. Контекст активной деятельности в 2003 г. заключался в слоганах с повторением слова-маркера «дело»: «Пока одни говорят, “Единая Россия” делает»; «Честные дела»; «“Единая Россия” делает»; «“Единая Россия” добилась»; «Возьмем власть – ответим делом». Немного реже употребляются побудительные формулировки: «Пора делать выводы», «Пора делать выбор».

В раскрытии темы «Что мы уже сделали для граждан России» «Единая Россия» перечисляет заслуги только с начала 2003 г. Это обстоятельство, безусловно, является манипулятивной техникой: напоминание успехов, состоявшихся не так давно (указаны конкретные цифры, также воспринимающиеся в сравнении с определенным периодом) и тесно увязанных с политической конъюнктурой (до 2003 г. был первый этап выстраивания «вертикали власти»).

Предвыборная кампания 2003 г. редко, но все-таки использовала популистские лозунги: «Единые учебники – для каждого школьника страны за государственный счет»; «Нищий учитель – позор России». Но в отличие от предыдущих предвыборных кампаний, партия власти сформулировала три основные идеи: преодоление бедности, удвоение ВВП, модернизация Вооруженных Сил. Данные слоганы отличаются сочетанием абстрактности и конкретности, поскольку любой положительный результат можно рассматривать как успешное выполнение данных обязательств.

Кампании 2007 и 2011 гг. продолжали использовать стратегию и тактику первой избирательной кампании. В предвыборный цикл 2011 г. в качестве нововведения был использован следующий ход: «Единая Россия» стала открыто позиционировать себя как партию с консервативной идеологией [5], что вызвано потребностью общества в идеологической компоненте, активно пропагандировавшейся партиями-конкурентами.

Таким образом, технологическая сторона агитации политической партии «Единая Россия» на протяжении трех предвыборных циклов в целом является грамотно и эффективно выстроенной. Предвыборные программы создавались по классической схеме, состоящей из главного идейного направления, на базе которого выделялись основные предвыборные темы (в данном случае – социальное и экономическое направления, оборона); формулировались предвыборные лозунги. Идеологическая составляющая широко не раскрывается; обозначается только положение партии в российском партийном спектре.

Необходимо отдельно рассмотреть программное заявление 2009 г., где обозначается консервативное направление партии. Документ по содержанию прак-

тически дублирует предвыборную программу 2007 г.; прослеживаются интенции, где «Единая Россия» признает кризисное положение в стране: экономика недостаточно эффективна, сохраняются очаги социальной напряженности, реалиями остается демографический кризис. В качестве перспективы обозначается «стратегия обновления» (по аналогии с уже используемым в международной практике феноменом «перезагрузки»).

Технически выверенная стратегия агитации «Единой России» подкреплялась административным ресурсом, выполнявшим также страховочную и контролирующую функции. В результате выборов партия власти впервые за историю становления данного формата в России во всех трех предвыборных циклах смогла набрать большинство голосов: 2003 г. – 37,57%, 2007 – 64,3%, 2011 г. – 49,32%.

Итак, в соответствии с базовыми компонентами был осуществлен анализ технологической стороны агитации партии власти. В рамках первого параметра – имиджа политической партии – можно сделать следующий вывод. Личностный аспект имиджа представлен лидерами партий, которые являются, как правило, известными политиками, представляющими собой государственную власть. Кроме того, в предвыборный период возможно привлечение к агитации известных личностей из других сфер общественной жизни, непрофессиональных политиков в качестве сторонников партии.

Идеологический аспект предвыборных технологий партии власти напрямую связан с политической конъюнктурой на момент выборов. Поскольку партийные лидеры являлись представителями существующей власти, это предопределяло консервативный характер идеи и выдвигаемых предвыборных лозунгов.

Предвыборную программу «Единой России» в 2003 г. по сравнению с программами отечественных партий власти можно оценить как полноценную. Для остальных выборов в Государственную Думу предвыборная программа, сохраняя основные логические части, имела несколько упрощенный формат, акцент делался на контекстные маркеры («План Путина»). Главной тематикой программ выступали вопросы социально-экономической сферы; в качестве основного политического фона, как правило, выбиралась международная конъюнктура (борьба с терроризмом, последствия экономического кризиса).

Презентация своей коренной составляющей программы партии власти заключалась в использовании слов, обозначающих рабочий процесс и указывающих на результат деятельности. Одновременно все предвыборные лозунги и тезисы перспектив были, как правило, абстрактными и популистскими. Эффективность предвыборных тактик партий власти положительно соотносится с затраченными ресурсами и результатами голосования.

Таким образом, применение электоральных технологий для партий власти в первую очередь зависит от гармоничного сочетания разработанной программы агитационных мероприятий с внешними условиями, учитывая как общероссийскую конъюнктуру, так и ситуацию внутри самой политической элиты. Идеологическое направление основывается на базе консерватизма, хотя может по-другому именоваться и выбирать либеральную или социал-демократическую тенденции в соответствии с реализуемым на момент выборов правительственным курсом.

Вербальная сторона предвыборных технологий партий власти выстраивается на основе демонстрации работоспособности правительства, представляемого этой партийной структурой, а также результативности принимаемых законов, которые разрабатывала и за которые голосовала партийная фракция. Эффективность вербального уровня электоральных технологий для данного вида партий состоит в использовании динамических и статических интенций, где первые будут указывать на вектор развития партийных воззрений в отношении будущего государства, а вторые – на последовательность предлагаемых действий.

Библиографический список

1. *Трунтягин А.А.* Процессы формирования доминирующей партии в постсоветской России // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 3(15). С. 93–101.
2. *Носкова Е.Ю.* От партии власти к «партии большинства»: этапы эволюции партии власти // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14, № 4.
3. *Юрченко В.М., Щербаль С.С.* Технологический аспект пропаганды российских партий в период парламентских выборов (1999–2007 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 260–261.
4. *Янбухтин Э.Х.* «Единая Россия»: Технологии успешной избирательной кампании. М.; СПб., 2008.
5. *Фомин О.Н., Наумов С.Ю.* Идеология в социуме современной России: политический аспект. Саратов, 2009.

A.V. Korotenko
**The Concept of Military Culture:
Essential Characteristics
and the Final Definition**

Theoretical concepts of military culture are analyzed. Basing on the analysis of the other researchers' approaches the author gives his own definition of military culture.

Key words and word-combinations: military culture, Army culture, basic definitions.

Анализируются теоретические концепты военной культуры. На основании анализа подходов исследователей дается авторское определение военной культуры.

Ключевые слова и словосочетания: военная культура, армейская культура, основные определения.

УДК 355
ББК 68.0

А.В. Коротенко

ПОНЯТИЕ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИТОГОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ

Период стабилизации, последовавший за перестройкой 1990-х годов, ознаменовался формированием четкой вертикали власти, укреплением Российского государства на мировой политической и экономической аренах, а также заметным изменением идеологической сферы. Укрепление Российского государства повлекло за собой возвращение в

официальную риторику таких понятий, как «патриотизм», «гражданский долг», «здоровье нации» и т.п. Заметно усилилось влияние на идеологию государства и его культуру наиболее представительных в России религиозных конфессий – православия и ислама.

Все эти изменения затронули не только область повседневной жизни, но и локальные сферы человеческой деятельности: науку, образование и армию. В частности, под влиянием общекультурных трансформаций на первый план в сфере образования, равно как и в военной сфере, выдвинулась проблема патриотического воспитания. Дело касается не только подготовки кадровых военных или военного образования, но также военно-патриотического воспитания российской молодежи в целом. Необходимость воспитания обуславливает повышение интереса ученых к понятию военной культуры, к ее традициям, нормам и ценностям. Однако, несмотря на то что за последние 5–10 лет ученые наработали солидный материал, репрезентирующий отечественную военную культуру, само это понятие до настоящего времени остается достаточно слабо очерченным.

Данное понятие представляет собой сложный феномен, для изучения которого требуются, с одной стороны, анализ самого концепта, а с другой – выявление места и основных функций военной культуры в системе духовной культуры общества.

Наиболее близким к военной культуре понятием представляется понятие воинской культуры. Несмотря на то что в большинстве исследованных работ на данную тему понятия воинской культуры и военной культуры представляются синонимичными, не составляет труда выявить их принципиальные существенные отличия. Ощутимая разница заключается в смысловых оттенках понятий «воин» и «военный». Согласно словарю С.И. Ожегова воин – это «человек, который служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом» [1, с. 90]; военный же – это «относящийся к службе в армии, обслуживанию армии, военнослужащих» [1, с. 87]. Таким образом, понятие воина оказывается существенно шире понятия военного.

Есть и еще один смысловой нюанс, позволяющий разделить понятия воинского и военного. Понятие «воин» употребляется чаще всего по отношению к воинам прошлого (придает оттенок архаичности), либо когда подчеркивается высокий статус современных военных, то есть добавляет пафоса в особо значимые, торжественные моменты. Например, понятие «воин» прекрасно выглядит в контексте речи о патриотизме, духовных основах военной культуры: «Материальные основы воинской культуры России имеют огромное значение и заслуживают отдельного серьезного разговора. Но в настоящее время особое значение приобретает укрепление духовных основ, которые всегда обуславливали духовную мощь и непобедимость русского воинства» [2]. В обыденной речи указанный нюанс разводит также понятия «воинского служения» и «военной службы».

Аналогична ситуация и с понятиями воинской и военной культуры. Воинская культура включает в себя нормы, правила поведения, ценности и т.п., которые характерны для любого человека, принимающего участие в военных действиях. Военная культура отличается тем, что целенаправленно внедряется в сознание военнослужащих или профессиональных военных.

Однако отличия военной и воинской культуры на этом не исчерпываются. Достаточно часто понятие воинской культуры закрепляется за этнической военной культурой. Например, так понимает воинскую культуру С.В. Черницын, изучивший воинскую культуру казаков. Исследователь дает понятию воинской культуры следующее определение: «Под воинской культурой мы подразумеваем подсистему культуры этноса (в том числе – на ее традиционном этническом уровне), связанную с военной практикой и включающей в себя как формы, непосредственно порожденные войной и военной службой, так и компоненты, проявляющиеся в повседневной жизни» [3].

Раскрывая данное определение, С.В. Черницын выявляет структуру воинской культуры, которую, по его мнению, составляют следующие элементы:

«1. Военный, который включает те компоненты, которые непосредственно соотносятся с войной или военной (армейской) службой. Они связаны с «вхождением» в военное или армейское состояние, пребывание на войне или на действительной службе, наконец – возвращение к повседневной жизни.

2. Военизированные компоненты, которые порождены воинской практикой, ориентированы на нее, но протекают в условиях повседневной жизни.

3. Опосредованные военизированные компоненты (или военизированные компоненты второго порядка), которые проявляются в сферах жизни, в общественном и семейном быту, не связанных непосредственно с войной и службой (в свадебной, похоронной, календарной и др. обрядности)» [3].

Совокупность выявленных исследователем элементов выходит далеко за пределы культуры профессиональных военных и включает в себя феномены, относящиеся к повседневному существованию казаков в мирное время. Таким образом, понятие воинской культуры оказывается существенно шире понятия военной культуры, а его определение должно иметь следующий вид: воинская культура – это совокупность связанных с войной элементов, проявляющихся как в мирной, так и в военной жизни конкретного этноса. Все выявленные отличия касаются только русского языка. В английском языке понятие военной культуры, как правило, безальтернативно определяется словосочетанием «military culture», в то время как понятия «воин» и «кадровый военный» определяются, соответственно, как «солдат» («soldier») и «профессиональный солдат» («professional soldier»), нюансы понимания которых обеспечиваются введением дополнительного уточнения «professional».

С учетом этого понятие военной культуры целесообразно отождествлять с культурой армейской, хотя данное понятие обычно употребляется для определения ряда феноменов неформальной военной культуры. Современная армия по определению полиэтнична, и поскольку данное исследование имеет целью анализ культурных трансформаций в постперестроечной российской армии, далее здесь будут употребляться понятия военной и армейской культуры как синонимичные, также данные понятия разграничиваются с более широким понятием военной культуры общества (далее ВКО), поскольку последнее включает в себя не только элементы собственно армейской культуры, но также и общественного сознания, так или иначе относящиеся к военной сфере.

Понятие «военная культура» впервые употреблено российским публицист-

том М.О. Меньшиковым по отношению к военному гению А.В. Суворова («Суворов – это Пушкин военной культуры») [4]. Между тем, как это иногда бывает, данное понятие опередило собственно теорию, в связи с чем было актуализировано лишь во второй половине XX в. Что касается его содержания, то, определяя понятие военной культуры, авторы идут по самому простому пути, то есть по пути дескрипции, давая данному термину по большей части различные по широте охвата суммативные определения. Советские авторы понятие военной культуры, как правило, не употребляли, однако, большое внимание уделяли выявлению, описанию и теоретическому обоснованию воспитываемых в армии морально-волевых качеств, а также легитимных средств их формирования (И.Е. Будовский). По А.Б. Григорьеву, военная культура – «это объемное понятие. Сюда относятся язык, мышление, этика, философия военных. Физическая культура. В прикладном отношении деятельность на ниве военной культуры – это обеспечение жизни военной силы за счет отбора, систематизации, хранения, изучения и организации использования правил и прецедентов военной деятельности» [5].

Понятие армейской культуры фиксирует многочисленные феномены неформальной военной культуры, являющейся по большей части культурой солдат срочной службы: «Армейская культура – это армейские стихи, присказки, рисунки, песни и тосты, которые рождались в сердцах солдат за годы тяжелой службы в армии» [6]. При этом армейская культура включает в себя не только перечисленные компоненты, но также элементы формальной, регламентированной военными уставами культуры.

Значительно большим охватом отличается определение, представленное в диссертационном исследовании В.И. Бажукова: «Военная культура определяется как система ценностно-нормативных, духовно-идеологических и знаково-символических элементов, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности различных субъектов. Военная культура рассматривается в широком и узком смыслах, находящаяся между собой в тесном взаимодействии. В широком смысле военная культура представляет собой все, созданное человеком в области военного дела. В узком смысле военная культура предстает как комплекс устойчивых, исторически сложившихся на индивидуальном, групповом и массовом уровнях установок сознания и моделей поведения человека в военной сфере» [7].

Наконец, наиболее широким представляется определение, даваемое понятию военной культуры общества (ВКО). В частности, В.Н. Гребеньков пишет: «ВКО включает в себя те элементы общественного сознания и духовной культуры страны или региона, которые связаны с военно-политическими институтами и процессами. Она представляет руководящие принципы поведения в военной сфере, нормы, идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность военной сфере. В качестве составных элементов ВКО включает в себя сформировавшиеся в течение многих поколений традиции военной защиты общества, действующие нормы воинской деятельности, идеи, концепции и убеждения народа в отношении вооруженной защиты существующей политической системы и отечества в целом» [8].

Понятие ВКО раскрывает данное В.И. Бажуковым понятие военной культуры в ее широком смысле: как всего того, что создано человеком в области военного дела. В силу этой причины понятие ВКО целесообразно отделить от понятия военной культуры как культуры армейской, созданной и функционирующей внутри армии. Кроме того, необходимо дополнить данное определение элементами материальной культуры, без которых военная культура общества просто немыслима. Не может военная культура общества существовать и функционировать без соответствующей военной формы и материально воплощенной военной символики.

В целом данные определения не выявляют самого основного, а именно первичных элементов, составляющих структуру военной культуры. Военную культуру, равно как и любую другую, можно разделить на формальную и неформальную, материальную и духовную.

Военная культура обладает высоким уровнем формализованности. Именно формализация отношений внутри армии как организации обеспечивает ее структурированность и функциональность. Формализация отношений становится возможной благодаря наличию таких феноменов формальной культуры, как нормативные документы. В первую очередь к ним относятся уставы Вооруженных Сил РФ (например, Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ). Отношения, регламентированные правилами уставов, определяются понятием уставных отношений. В связи с тем, что отношения внутри армейского коллектива не полностью регламентируются уставом, часть их определяется понятием неуставных отношений и регламентируется нормами, правилами поведения и ценностями неформальной военной культуры.

В отличие от формальной военной культуры, разрабатываемой и утверждаемой на уровне официальных инстанций, неформальная создается непосредственно внутри армейского коллектива. Наиболее ярким примером неформальной военной культуры могут служить неформальные «звания», соответствующие сроку службы и задающие модели поведения военнослужащих срочной службы («запах», «дух», «черпак», «дед»). Таким образом, военную культуру можно разделить на формальную и неформальную.

Понятия формальной и неформальной армейской культуры дают возможность деления военной культуры по характеру ее носителей. Армия, с одной стороны, состоит из отдельных родов войск, с другой – внутри каждого из родов войск существует система военных званий. Внутри каждого из родов войск формальная культура является тем, что сплачивает воинский коллектив в единое целое, однако, она будет обладать собственной спецификой в сравнении с формальной культурой других родов войск. Неформальная культура, в свою очередь, будет в значительной мере отличаться как у различных родов войск, так и внутри каждого отдельного рода. Это дает возможность авторам, с одной стороны, употреблять понятия, например, «феномен «гвардейской культуры» в Петербурге» [9, с. 14–23], и в то же время с другой стороны, отделять неформальную культуру солдат от неформальной культуры офицеров. Наконец, неформальная культура будет варьироваться в зависимости от конкретного подразделения и даже конкретного места прохождения службы.

Разделение военной культуры на материальную и духовную тоже касается и формальной, и неформальной культуры. Это означает, что структура военной культуры включает в себя соединяемые в различных пропорциях формальную и неформальную культуры, каждая из которых далее подразделяется на материальную и духовную составляющие. Например, формальная культура подразумевает в качестве элементов военную форму (объект материальной культуры) и военные песни (объект духовной культуры).

Таким образом, определение В.Н. Гребенькова, согласно которому военная культура общества (ВКО) включает в себя те элементы общественного сознания и духовной культуры страны или региона, которые связаны с военно-политическими институтами и процессами, в достаточной мере отражает сущность данного феномена. Однако необходимо привнесение в определение военной культуры общества элементов материальной военной культуры.

Понятие воинской культуры охватывает совокупность связанных с войной материальных и духовных элементов, проявляющихся как в мирной, так и в военной жизни конкретного этноса.

Наконец, добавив к сформулированной первичной структуре выделенные В.И. Бажуковым элементы, получаем следующее определение военной культуры: военная культура – это созданная и функционирующая внутри военного коллектива совокупность формальной и неформальной культур, каждая из которых складывается из материальной и духовной составляющих, включающих ценностно-нормативные, духовно-идеологические и знаково-символические элементы, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности.

Библиографический список

1. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1996.
2. *Черкасов А.* Духовная основа воинской культуры. URL: <http://prizyvnikmoy.ru/news/2011-01-31-40>
3. *Черницын С.В.* Некоторые вопросы изучения воинской культуры донских казаков. URL: <http://dikoepole.com/2013/01/22/chernizin-tokarevskie/>
4. *Савинкин А.* Уникальный духовный арсенал. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/voennoe-delo/statii.php>
5. Что такое «военная культура»? URL: http://wv2.vrazvedka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=138:—q-q&catid=88888906&Itemid=88888919
6. Армия изнутри. URL: <http://rusarmia.com/index/0-7>
7. *Бажуков В.И.* Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. URL: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?from54=7&id54=2632>
8. *Гребеньков В.Н.* Методологический потенциал концепта «военная культура общества» в исторических и политических исследованиях. URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/1a1/хевсрпмewоурtkcknflh_83-89.pdf
9. *Михайлов А.А.* Феномен «гвардейской культуры» в Санкт-Петербурге // История культуры Петербурга и современность: мат-лы межвузовской науч.-практ. конф., 30 июня 2005 г. СПб., 2006.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

E.Yu. Sidorova, E.S. Avdeeva
**The Model of Strategic
Partnership of Countries
in the Frameworks of the
Eurasian Economic Community**

The comparative analysis of export activity of the Eurasian Economic Community countries is done. Clusters of economic development defining strategic prospects of their functioning are distinguished. The matrix of strategic development of branches in the integration grouping of the Eurasian Economic Community is built.

Key words and word-combinations: integration, strategic partnership, globalization, indicators, matrix.

Проведен сравнительный анализ экспортной деятельности государств ЕвразЭС. Выделены кластеры экономического развития, определяющие стратегические перспективы функционирования. Построена матрица стратегического развития отраслей в рамках интеграционной группировки ЕвразЭС.

Ключевые слова и словосочетания: интеграция, стратегическое партнерство, глобализация, индикаторы, матрица.

УДК 338(100)
ББК 65.5

Е.Ю. Сидорова, Е.С. Авдеева

МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА СТРАН В РАМКАХ ЕВРАЗЭС¹

Интеграционные процессы, осуществляющиеся практически во всех регионах мира, представляют собой качественно новую форму межгосударственного взаимодействия, которая характеризуется общей направленностью к возникновению межгосударственных и надгосударственных начал.

При формировании интеграционного объединения страны-участницы ставят перед собой в основном идентичные цели, однако способы их достижения, системы мотивационных критериев, принципы функционирования различны и складываются из конк-

¹ Статья подготовлена в рамках работ по внутреннему гранту Поволжского института управления им. П.А.Столыпина – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» по теме «Развитие стратегического партнерства стран и оценка состояния торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации в рамках ЕвразЭС». Руководитель – д.э.н., доцент Сидорова Е.Ю.

ретных условий странового и межстранового сотрудничества, включающие исторические, валютные, политические и другие особенности. Представляется актуальным количественное измерение состояния торгово-экономического сотрудничества в рамках интеграционной группировки, что позволит оценить эффективность ее функционирования.

Развитие региональной интеграции соответственно требует определения общих стратегических задач государств – участников интеграционного сообщества как по разрешению противоречий между интернациональными и национальными экономическими интересами, так и по вопросам борьбы с различными проявлениями террористических и экстремистских тенденций.

Среди множества интеграционных группировок мирового хозяйства особое место занимают объединения стран на постсоветском пространстве, связанных их исторической, политической, культурной общностью. Одной из наиболее успешных, на наш взгляд, является Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Его можно отнести к разряду группировок типа «Юг – Юг», которые характеризуются множественными проблемами, связанными с технологической отсталостью экономик и низким уровнем инновационности. Экспортная структура стран, входящих в ЕврАзЭС, во многом схожа, однако есть и отличия в ее товарной направленности. Для преодоления общей экономической отсталости и ускорения технологической модернизации производства странам ЕврАзЭС одних рыночных реформ и разрозненных национальных усилий недостаточно. Необходимы принципиальные изменения в подходах к эффективному развитию их экономических отношений – расширение и совершенствование экономического и научно-технического сотрудничества и отношений цивилизованной конкуренции, интенсивное развитие регионального информационного производства на основе научно-технической интеграции.

Проведем сравнительный анализ экспортной деятельности этих государств с использованием базы данных Trade Competitiveness map, разработанном ООН в основном ее инструменте Trade Performance Index. Именно он позволяет оценить многогранность экспортной деятельности государств, их конкурентоспособность на мировом рынке. Кроме того, на основании этого индекса выделим кластеры экономического развития интеграционной группировки, которые помогут определить стратегические перспективы ее функционирования, а также необходимость присоединения к ней различных стран.

Структура Trade Performance Index состоит из следующих составляющих:

1. Индикаторы общего профиля: N – количество стран-экспортеров выбранной категории товара; G_1 – объем экспорта; G_2 – рост экспорта, %; G_3 – доля экспорта данной продукции в общем экспорте страны; C_4 – доля данной продукции в импорте страны; G_5 – относительный торговый баланс, %; G_6 – относительная торговая ценность (среднемировая = 1).

2. Положение текущего индекса за год: P_1 – чистый экспорт; P_2 – среднедушевой объем экспорта; P_3 – доля мирового рынка; P_{4a} – продуктовая диверсификация (количество подобных продуктов); P_{4b} – концентрация продукта; P_{5a} – рыночная диверсификация (количество подобных рынков); P_{5b} – рыночная концентрация.

3. Индекс изменения в экспорте за последние годы: C_1 – относительное изменение доли мирового рынка; C_{1a} – эффект конкурентоспособности; C_{1b} – начальная географическая специализация; C_{1c} – начальная специализация продукта; C_{1d} – адаптационный эффект; C_2 – соответствие с динамикой мирового потребления.

В целом Trade Performance Index включает около 20 количественных показателей, представленных в абсолютных и относительных величинах. При анализе выбрано несколько показателей или пары индикаторов: G_1 / G_2 ; G_3 / C_4 , P_2 ; G_1 / P_3 ; G_3 / P_3 ; P_{4a} / P_{5a} . Все продукты разделены на 14 подгрупп. Данные группы объединены в пять групп в зависимости от направленности экспорта стран – членов ЕврАзЭС (табл. 1).

Таблица 1

Интегральный показатель торговой деятельности стран – членов ЕврАзЭС по отдельным секторам экспорта, 2011 г.²

Страна	I группа			II группа				III группа			IV группа		V группа	
	Электронные компоненты	Потребительская электроника	Смешанное производство	Основное производство	Неэлектронное машиностроение	Транспортное оборудование	Древесина и деревообработка	Одежда	Кожа	Текстиль	Минералы	Химикаты	Свежие продукты питания	Обработанные продукты питания
Россия	0,65	0,55	0,64	0,76	0,49	0,62	0,64	0,35	0,36	0,50	0,75	0,71	0,54	0,65
Беларусь	0,51	0,33	0,58	0,51	0,35	0,48	0,63	0,51	0,43	0,62	0,45	0,66	0,50	0,60
Казахстан	0,31	0,32	0,46	0,69	0,31	0,50	0,33	0,00	0,29	0,28	0,71	0,38	0,48	0,35
Таджикистан	0,00	0,00	0,28	0,31	0,29	0,00	0,00	0,24	0,00	0,26	0,34	0,27	0,33	0,22
Киргизстан	0,33	0,24	0,33	0,38	0,44	0,48	0,25	0,39	0,33	0,35	0,43	0,37	0,47	0,36

В результате исследования двух важнейших показателей, характеризующих экспортный потенциал стран – участниц ЕврАзЭС как с точки зрения абсолютных значений, так и в относительных величинах, можно сделать выводы. В подгруппе «Электронные компоненты» в абсолютных показателях лидирует Россия, однако лучшие темпы роста, а также ранг демонстрирует Белоруссия. Подобная тенденция по темпам роста наблюдается практически по всем подвидам продукции. Белоруссия показывает значительное увеличение темпов роста экспорта (иногда в несколько раз превышающие российские показатели: «Минералы», «Химикаты», «Свежие продукты питания», «Обработанные продукты питания»), в то время как российские темпы роста экспорта незначительны, а иногда даже отмечаются отрицательные значения («Транспортное оборудование», «Одежда», «Смешанное производство», «Основное производство»,

² Рассчитано авторами. URL: http://legacy.intracen.org/appli1/tradecom/RS_TP_CI.aspx?RP=643&YR=2011

«Неэлектронное машиностроение», «Древесина и деревообработка», «Текстиль»). Казахстан также демонстрирует значительные темпы роста по сравнению с Россией, а их отрицательные значения наблюдаются только в категориях «Транспортное оборудование», «Кожа», «Свежие продукты питания», «Текстиль». Экспорт Таджикистана и Киргизстана незначителен, однако и они по некоторым категориям демонстрируют значительные темпы роста экспорта. Таким образом, объемы российского экспорта пока превышают экспорт других стран-участниц, однако при подобных темпах роста через несколько лет по ключевым категориям лидирующие позиции будут занимать Белоруссия и Казахстан. Таджикистан и Киргизстан еще достаточно долго будут значительно отставать от стран-лидеров.

Исследование соотношения экспорта конкретных видов продукции в общем экспорте страны с долей ее импорта в ту же страну позволило выделить основные экспортные направления стран по видам продукции, проследить зависимость стран ЕврАзЭС от импортной продукции и возможности ее импортозамещения. Так, в России основную долю экспорта занимают «Минералы» (при минимальной доле их импорта), «Основное производство» (при равенстве долей с импортом) и «Химикаты» (однако доля импорта данной категории более чем в два раза больше доли экспорта). В Белоруссии наблюдается более оптимистичная картина соотношения долей экспорта и импорта. Так, значительные доли экспорта в общей структуре экспорта занимают товары категорий «Химикаты», «Минералы», «Основное производство», «Неэлектронное машиностроение», «Обработанные продукты питания». При этом доля экспорта данной продукции практически равна доле импорта ее. Та же картина наблюдается и в других странах ЕврАзЭС, что свидетельствует о более эффективной деятельности по защите отечественных товаропроизводителей от глобального импорта и диверсификации экспорта.

В результате исследования объемов среднелюдиного объема экспорта и их рангов можно сделать вывод, что практически по всем товарным категориям среднелюдиного экспорт Белоруссии выше, чем в России; по Казахстану также этот показатель выше, чем в России – значит, производительность труда в этих странах выше, чем в России.

Изучив статистику по объемам экспорта отдельных стран по товарным категориям в разрезе доли мирового рынка в них (этот показатель зависит от абсолютного значения экспорта по конкретным товарным группам), необходимо отметить, что лидером практически по всем товарным категориям в абсолютных значениях является Россия – следовательно, и доля экспорта данной продукции в мировом хозяйстве максимальна у России. Однако значения долей в мировом экспорте не превышают 2–3% (исключением является категория «Минералы»).

По рассмотренным показателям были определены интегральные показатели деятельности стран на мировом рынке. Чтобы рассчитать его, воспользуемся показателями, имеющим ранги: G2, P2, P3, P4a, P4b, P5a, P5b. Составим таблицу рангов I, II, III, IV, V групп.

Для неранжированных стран в определенных секторах выставим наихудшие ранги. Чем меньше сумма всех рангов, тем выше интегральный показатель

торговой деятельности по всем секторам. Для перевода рассчитанной суммы рангов в интервал от 0 до 1 используется формула:

$$I_i(R_i) = \frac{\max R_i - R_i}{\max R_i - \min R_i},$$

где R_i – сумма всех рангов i -й страны;

I_i – интегральный показатель;

$\max R_i$ – максимально возможное значение суммы всех рангов;

$\min R_i$ – минимально возможное значение суммы всех рангов.

Таким образом, чем выше интегральный показатель к 1, тем выше экспортная деятельность государства по исследуемой группе товаров, а следовательно, выше конкурентоспособность на мировом рынке и возможность занять на нем лидирующие позиции по определенной категории.

Анализ товаров первой группы показывает, что лидирующие позиции в ней занимает Россия по всем категориям. Ближайшим конкурентом по категориям «Электронные компоненты» и «Смешанное производство» является Беларусь, наихудшие показатели в первой группе – у Киргизстана и Таджикистана. Во второй группе лидирующее положение также занимает Россия. Однако, в отличие от первой, в подгруппе «Основное производство» и «Транспортное оборудование» второе место принадлежит Казахстану, в подгруппе «Древесина и деревообработка» – Беларуси, а в подгруппе «Неэлектронное машиностроение» – Киргизстану. Достаточно слабо в этой группе представлен Таджикистан. В третьей группе лидирующее положение занимает Беларусь, достаточно активно представлены Киргизстан и Россия, Казахстан и Таджикистан практически отсутствуют в этих секторах.

Для того чтобы провести расширенный анализ экспортной деятельности и выделить страновые кластеры стратегического развития, необходимо выявить интегральный показатель торговой деятельности в каждой категории экспорта. Модифицируем формулу в ряд показателей, в результате чего получим ряд формул, объединяемых в общий интегральный показатель.

$$I_{1i}(R_i) = \frac{\max R_i - R_i}{\max R_i - \min R_i};$$

$$I_{2i}(R_i) = \frac{\max R_i - R_i}{\max R_i - \min R_i};$$

$$I_{3i}(R_i) = \frac{\max R_i - R_i}{\max R_i - \min R_i};$$

$$I_{ni}(R_i) = \frac{\max R_i - R_i}{\max R_i - \min R_i},$$

где R_i – сумма всех рангов i -й страны по секторам экспорта;

I_{ni} – интегральный показатель;

$\max R_i$ – максимально возможное значение суммы всех рангов;

$\min R_i$ – минимально возможное значение суммы всех рангов.

Лидирующее положение в четвертой группе занимает Россия, демонстрируя высокие рейтинги в мировом хозяйстве. В подгруппе «Минералы» второе место занимает Казахстан, а в подгруппе «Химикаты» – Беларусь. Достаточно низкие

позиции в данной группе у Таджикистана и Киргизстана. В пятой группе первенство принадлежит России, далее следует Беларусь, а самые низкие результаты демонстрирует Таджикистан.

С использованием интегрального показателя были произведены расчеты рангов по каждой группе и каждому виду продукции (табл. 2). Предположим, что в случае, когда интегральный показатель находится в интервале от 0,5 до 0,7, вполне реально ставить краткосрочную цель по достижению высокого уровня развития соответствующей экспортной группы товаров; при значении показателя в интервале от 0,4 до 0,5 – среднесрочную цель. Показатель интегрального развития по группе меньше 0,4 свидетельствует о возможности долгосрочного планирования увеличения экспортного потенциала в данной группе. Если интегральный показатель находится в интервале от 0,7 до 1, то цель может считаться достигнутой.

Однако в современных рыночных условиях достаточно трудно использовать стратегию догоняющего развития и ставить перед конкретной отраслью среднесрочные и долгосрочные цели, так как научно-технический прогресс развивается довольно стремительно и следование этой стратегии подразумевает огромные вложения денежных средств. При этом невозможно для развивающихся стран и стран с переходной экономикой равномерно развивать все отстающие отрасли – необходим избирательный подход и ранжирование по степени их значимости для экономик региона. Именно в этих целях и создаются интеграционные группировки, чтобы, используя теории абсолютных и относительных преимуществ, равномерно развивать максимальное число отраслей, распределяя их по странам и регионам, а процесс кооперации осуществляя на уровне интеграционной группировки, а не в рамках отдельной страны. Таким образом, для формирования гармоничной структуры интеграционной группировки необходимо сформировать кластеры развития различных отраслей внутри нее и присоединять новые страны с позиции потенциального развития данных кластеров.

Основываясь на данной концепции, построим матрицу стратегических целей и задач развития интеграционной группировки ЕврАзЭС, а также сформируем различные кластеры ее развития (табл. 2).

Таблица 2

**Матрица стратегического развития отраслей
в рамках интеграционной группировки ЕврАзЭС**

Страна	I группа			II группа				III группа			IV группа		V группа	
	Электронные компоненты	Потребительская электроника	Смешанное производство	Основное производство	Неэлектронное машиностроение	Транспортное оборудование	Древесина и деревообработка	Одежда	Кожа	Текстиль	Минералы	Химикаты	Свежие продукты питания	Обработанные продукты питания
Россия	+	+	+	+++	*	+	+	-	-	*	+++	+++	+	+

Окончание табл. 2

Страна	I группа			II группа				III группа			IV группа		V группа	
	Электронные компоненты	Потребительская электроника	Смешанное производство	Основное производство	Неэлектронное машиностроение	Транспортное оборудование	Древесина и деревообработка	Одежда	Кожа	Текстиль	Минералы	Химикаты	Свежие продукты питания	Обработанные продукты питания
Беларусь	+	-	+	+	-	*	+	+	*	+	*	+	*	+
Казахстан	-	-	*	+	-	*	-	---	---	---	+++	-	*	-
Таджикистан	---	---	---	-	---	---	---	---	---	---	-	---	-	---
Киргизстан	-	---	-	-	*	*	---	-	-	-	*	-	*	-

Примечание. «+» – краткосрочная цель развития отрасли;
 «*» – среднесрочная цель развития отрасли;
 «-» – долгосрочная цель развития отрасли;
 «—» – слабые возможности достижения цели;
 «+++» – цель достигнута.

Наиболее отсталым государством ЕврАзЭС в настоящее время является Таджикистан. Именно он не достиг хороших результатов ни в одной из экспортных категорий и только в трех категориях – «Основное производство», «Минералы» и «Свежие продукты питания» имеет незначительные перспективы в долгосрочном плане. По остальным категориям либо экспортная деятельность не ведется совсем, либо объем и ранг ее слишком мал. Немного лучшие результаты показывает Киргизстан, который в четырех сферах деятельности – «Неэлектронное машиностроение», «Транспортное оборудование», «Минералы» и «Свежие продукты питания» – демонстрирует объемы экспорта, позволяющие стране в среднесрочной перспективе достичь желаемых результатов. В остальных видах деятельности (кроме «Потребительской электроники», «Древесины и деревообработки», где наблюдаются слабые возможности роста) возможно достижение значительных результатов в долгосрочном периоде. Ведущей страной в группировке выступает Россия – лидер практически во всех товарных группах.

Подробный сравнительный анализ экспортной деятельности стран позволяет выявить, с одной стороны, взаимозависимость, а с другой – схожесть конкурентных преимуществ экспорта определенных групп товаров на внешних рынках.

Таким образом, можно выделить следующие трансграничные производственные кластеры:

Кластер электронных компонентов и потребительской электроники. Ведущими странами здесь выступают Россия и Беларусь, причем Россия представ-

лена и в секторе электронных компонентов, и в секторе потребительской электроники; Беларусь – только в потребительской электронике.

Кластер смешанного производства. Странами-участницами являются Россия и Беларусь. За последние годы неплохих результатов в этой сфере добился Казахстан.

Кластер основного производства: Россия, Беларусь, Казахстан.

Кластер неэлектронного машиностроения и транспортного оборудования: Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизстан. Он отличается невысокой долей экспорта, а также слабым развитием стран в этой области. Среди них только Россия имеет возможность краткосрочного развития экспортного потенциала. Остальные страны характеризуются среднесрочными и даже долгосрочными возможностями развития.

Кластер производства древесины и деревообработки: Россия, Беларусь.

Кластер одежды и текстиля: Россия и Беларусь. Один из наиболее слабых с точки зрения перспектив развития секторов.

Кластер производства минералов: Россия, Казахстан. Неплохие возможности развития в этом секторе показывают Беларусь и Киргизстан.

Кластер производства химикатов: Россия, Беларусь.

Кластер производства продуктов питания: Россия, Беларусь. Неплохие возможности роста в этой сфере демонстрируют в настоящее время Казахстан и Киргизстан.

Таким образом, из 14 укрупненных видов деятельности стран – участниц ЕврАзЭС можно сформировать девять кластеров. Из них особой прочностью отличаются «Основное производство», «Минералы», «Химикаты». Выделение сектора «Кожа» в отдельный кластер, на наш взгляд, нецелесообразно, так как все страны – участницы ЕврАзЭС демонстрируют очень слабые экспортные возможности в этой сфере. Остальные страны смогут присоединиться к этим кластерам только после достижения критического уровня интегрального показателя – 0,5. Для интеграционной группировки с крупной экономикой и достаточно диверсифицированной отраслевой структурой выбор варианта политики технологической модернизации не может быть универсальным для всех отраслей и секторов.

Более того, модель ЕврАзЭС имеет яркий ассиметричный характер: существуют страны-лидеры и слаборазвитые страны. По итогам 2012 г., в структуре инвестиционного портфеля преобладает доля проектов, финансируемых на территории России (50,2%) и Казахстана (35,8%). Это в первую очередь связано с размером экономик двух крупнейших участников банка. Но не стоит забывать и о том, что часть инвестиций идет на развитие деятельности российских и казахстанских компаний на территории других государств-участников.

В стратегии развития ЕврАзЭС будет существенно усилен азиатский акцент. Следует принимать во внимание смещение центра мирового хозяйства в Азиатско-Тихоокеанский регион, связанное прежде всего с высокими темпами развития и модернизации экономики Китая и Индии, а также с необходимостью развития экономики Сибири и Дальнего Востока России – само-

го перспективного для увеличения потенциала и конкурентных преимуществ ЕврАзЭС российского региона. При этом в дальнейшей интеграции взаимовыгодное партнерство будет осуществляться под руководством страны-лидера, однако и затраты его по развитию других стран будут максимальными. Политика лидера будет направлена на формирование «стран – экономических колоний». Так, в апреле 2012 г. утверждена программа «Рекультивация территорий государств – членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств», на реализацию которой в 2013–2018 гг. должно быть направлено 1,16 млрд руб. из бюджетов стран. Будут рекультивированы два радиационно опасных объекта в Кыргызстане и один в Таджикистане.

С нашей точки зрения, для данной интеграционной группировки, равно как и для России, в современных условиях оптимальной является смешанная стратегия с элементами стратегии лидерства в некоторых сегментах, в которых имеются (или могут быть быстро созданы) конкурентные преимущества, но с реализацией догоняющей стратегии в большинстве секторов экономики и промышленности параллельно с восстановлением инженерного и конструкторского потенциала [1]. При этом необходимо учитывать, что специализация и кооперация в рамках ЕврАзЭС – это не только торговое сотрудничество и торговый обмен. Реальный эффект от объединения, на наш взгляд, лежит гораздо глубже, а именно в производственной сфере, так как производство является тем базисом, на котором функционируют государства и интеграционные группировки. Эффект же роста объемов экспорта может быть связан только с благоприятной ценовой конъюнктурой на мировых рынках. Реальный положительный результат интеграции лежит в сфере повышения производительности труда, качества продукции и услуг в национальной экономике на основе внедрения новейших технологий и современной техники. При этом существующая сегодня система сотрудничества стран – участниц ЕврАзЭС акцентирует свое внимание на увеличении объемов внешнеторгового оборота, что является только подготовительным этапом функционирования группировки, то есть способствует сближению интересов стран-участниц и увеличению межстранового оборота, однако не становится еще Таможенным союзом. Подобная ступень развития не позволяет решать задачи по углублению интеграционного взаимодействия и обсуждать противоречия между национальными интересами в сфере экономики, важнейшими из которых являются вопросы межстрановой производственной специализации и кооперации.

Библиография

1. Инновационная Россия – 2020: стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. / Минэкономразвития РФ. М., 2010.

**E.B. Khoroltseva, A.V. Fedorova
Risk-Management as a Specific
Practice of Migratory Streams
Regulation in Eurasia**

Specificities of risk-management in changing temporality and increasing migratory streams intensity conditions are analyzed in the article. The emphasis is put on the risks, connected with the tolerance / intolerance of young people and the modern mass media activity. Measures to increase the efficiency of migratory streams regulation in Eurasia are proposed.

Key words and word-combinations: migrants, risk-management, modern social practices, tolerance, intolerance.

Анализируются особенности управления рисками в условиях изменяющейся темпоральности и возрастающей интенсивности миграционных потоков. Особое внимание уделяется рискам, связанным с толерантностью / интолерантностью молодежи, с деятельностью современных СМИ. Предлагаются меры по повышению эффективности процесса регулирования миграционных потоков евразийского пространства.

Ключевые слова и словосочетания: мигранты, управление рисками, современные социальные практики, толерантность, нетолерантность.

УДК 33: 325/327
ББК 60.8+66.4(0),3

А.В. Федорова, Е.Б. Хорольцева

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ КАК ОСОБАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

В условиях формирования единого экономического и культурного пространства в рамках ЕврАзЭС, интенсификации транснациональных перемещений и межнациональных контактов, миграционных процессов межэтнические и межкультурные взаимодействия приобретают новую специфику. Эта специфика конституирует уникальную *ситуацию риска, проявляющую себя посредством причин рисков, условий, факторов, видов рисков, риск-субъектов и риск-объектов, практик рисков*. Эффективное взаимодействие различных этнических групп в евразийском пространстве, интегрированном под знаком наднационального, имеющих различные ценностные и религиозные ориентации, достигается за счет выработки норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия. Повышение уровня толерантности, веротерпимости и миролюбия становятся необходимыми ценностными ориентирами евразийской интеграции.

На толерантность / интолерантность влияют особенности современной ситуации, ее

¹ Статья выполнена в рамках работ по внутреннему гранту Поволжского института имени П.А. Столыпина на тему «Коммуникационные механизмы формирования и развития межкультурной толерантности в контексте миграционных процессов евразийского пространства (на примере г. Саратова как регионального центра)».

темпоральные характеристики. Современность отличается высокими темпами социальной жизни и изменений в экономическом, политическом, культурном, технологическом, организационном, интеллектуальном полях, кризисными явлениями, пронизывающими все перечисленные поля, повышением общего уровня конфликтности и отсутствием практик солидарности как среди мигрантов, так и среди принимающего сообщества. Доминирующим направлением, в том числе и государственного регулирования миграционных потоков, стало экономическое поле. Приток трудовых мигрантов из стран ЕврАзЭС, создание для них «резерваций», низкий уровень толерантности принимающего населения – это те проблемы, которые требуют активного привлечения и использования ресурсов других полей: интеллектуального, культурного, организационного.

Важен поиск путей повышения эффективности управления рисками как одной из современных практик, направленных на регулирование миграционных потоков из стран ЕврАзЭС. Под управлением рисками современных миграционных потоков здесь понимается открытый, нелинейный, непропорциональный, системно организованный процесс, направленный на преодоление временной и информационной неопределенности, результатом которого может стать повышение / понижение конфликтности между членами принимающего сообщества и прибывающими мигрантами. Управление рисками предполагает наличие следующих стратегий: повышение, распределение, принятие, переложение, снижение и т.д.

Возможности для снижения современных миграционных рисков могут быть найдены в рамках интеллектуального, культурного и организационного поля, в которые должны быть перенесены проблемы планирования, координации и контроля за миграционными потоками. Поле культуры выстраивается на основе коммуникативной интеграции норм, традиций, верований принимающей стороны и мигрантов. Интеллектуальное и культурное поля способны стать в ближайшее время дискуссионными площадками для обсуждения проблем толерантности, особенно среди молодежи, по поводу роли СМИ в формировании образа «мигранта», толерантного отношения к мигрантам со стороны принимающего сообщества.

Управление рисками, связанными с мигрантами, происходит в условиях интенсификации миграционных потоков. Они пронизывают социальное поле и соответствующие им практики агентов. Камнем преткновения в ближайшие годы станет борьба за трудовые ресурсы, так как конкуренция между странами разворачивается на фоне борьбы за трудовых мигрантов. «Согласно прогнозу Росстата, миграционный прирост в 2012–2030 гг. даже по «среднему» варианту будет существенно выше современных масштабов и составит 7,2 млн человек» [1, с. 302]. Увеличение количества прибывающих мигрантов способствует тому, что управление становится реактивным. Оно осуществляется в режиме «вызов – реакция», основной целью которого является разрешение ситуативно возникшей проблемы.

Особая категория мигрантов – иноэтничные мигранты, прибывающие «из государств Средней Азии, с которыми сохраняется большой разрыв в оплате труда (до 11 раз с Таджикистаном, апрель 2011 г.) и качеству жизни: по

индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) эти государства отстают от России на 37–47 пунктов (HDI 2010). С 2000 по 2010 г. доля мигрантов из Средней Азии увеличилась с 6,3 до 54,8% среди имеющих разрешение на работу. В 2011 г. она составила 71% среди работающих на законных основаниях в России (с учетом имеющих разрешение на работу у физических лиц» [2].

К сожалению, в современной ситуации проводится лишь мониторинг по показателям, связанным с критериями трудоспособного населения. При этом отсутствует планирование потребности в мигрантах, эффективное с точки зрения рационального использования имеющихся ресурсов со стороны принимающего сообщества по отдельным категориям, которые могут быть определены на основе владения теми или иными профессиональными компетенциями, уровня образования. Применение селективных механизмов по отношению к мигрантам могло бы помочь определить ценности и принципы создания действенной системы регулирования трудовой миграции и социальной защиты мигрантов.

Ситуация усугубляется настроениями, преобладающими в принимающем сообществе. Низкий уровень толерантности, сформировавшийся в молодежной среде, провоцирует рост конфликтов на национальной почве, которые все чаще становятся уголовно окрашенными. Все эти практики социальных агентов констатируют факторы риска.

По мнению В.И. Мукомеля, «в течение последних десяти лет отмечается рост ксенофобных настроений во всех слоях российского общества. Лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов с начала 2000-х годов. И если в 1998 г. этот слоган в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, а в 2000 г. – 49%, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 53%, достигнув 58% в 2011 г. Количество жертв расистского и ксенофобно ориентированного насилия в последние годы составляет сотни человек, из которых гибнут десятки человек» [3, с. 37].

Эффективность управления миграционными потоками во многом зависит и от потенциала принимающей стороны. Какие установки нами движут, как мы относимся к мигрантам, какие статусные позиции готовы им предоставить? Ответам на эти вопросы посвящены современные исследования миграционных процессов в г. Саратове.

В процессе изучения фокус-группы «Роль СМИ в формировании толерантности среди молодежи» важным стало определение уровня межэтнической толерантности молодежи и роли СМИ в этом процессе (N = 28, женщин – 18, мужчин – 10, на примере студентов направления подготовки «Управление персоналом», «Конфликтология», «Реклама и связи с общественностью», а также магистрантов, обучающихся по направлению «Конфликтология» в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина).

В числе приоритетных перед фокус-группой ставились задачи выявления образов и стереотипов, которые молодежь связывает с понятиями «толерантность», «мигрант», «управление миграционными процессами», «риски»; осуществления аналитики и систематики рисков, связанных с современными миграционными процессами, а также с формированием межэтнической толерант-

ности; определения базовых функций СМИ в процессе формирования толерантности к мигрантам из стран ЕврАзЭС.

Выбор студентов определенных направлений подготовки был не случаен. В первую очередь интерес представляли мнения студентов и магистрантов направления подготовки «Конфликтология», поскольку именно они по окончании своего обучения будут играть решающую роль в процессе управления современными конфликтами, в том числе и межэтническими, значение которых возрастает в связи с интенсификацией миграционных процессов. Важным является и отношение к мигрантам из стран ЕврАзЭС студентов направления подготовки «Управление персоналом», так как уровень их толерантности / интолерантности во многом будет определять особенности кадровой политики в современных организациях. Принадлежность к тому или иному направлению подготовки является причиной рисков, связанных с управлением миграционными потоками, поскольку уже в процессе обучения формируются компетенции, ориентированные на снижение уровня конфликтности социального поля и рисков / опасностей, связанных с мигрантами.

Изучение фокус-группы проводилось в течение трех часов по заранее разработанному сценарию (за основу обсуждения был взят опросник, состоящий из 15 вопросов). Состав участников характеризовался однородностью социально-демографических характеристик, а также опыта обучения. При проведении исследования было важно выяснить позицию молодежи, которая обучается в вузе. Сюжеты, связанные с проблемами толерантности / интолерантности, были определены задачами, стоящими перед фокус-группой. Тем не менее ряд сюжетов возникали спонтанно и явились результатом дискуссий студентов и магистрантов, а также в ходе обмена мнениями между студентами, магистрантами и модераторами.

По ряду вопросов участники фокус-группы были солидарны. В частности, они поддержали точку зрения модераторов, что толерантность – это активная позиция в противовес терпимости – пассивной позиции, хотя было очевидно, что респонденты задумались о соотношении толерантности и терпимости впервые. И до начала обсуждения вопросов, связанных с толерантностью, они использовали понятие «толерантность» и «терпимость» как синонимы. Респонденты признали, что реклама в целом и социальная реклама в частности влияет на процесс формирования толерантного отношения к мигрантам из стран ЕврАзЭС.

Р15: Толерантность – это терпение и уважительное отношение к другим народам. Эта неприязнь есть. Мы не должны чуждо относиться к другим народам. Мы должны относиться к ним сносно.

М: Сносно или уважительно?

Р15: Сложно относиться уважительно к другим народам, если они неуважительно относятся к нам. Почему можно приехать, включить музыку в районе, в котором все спят?! А когда это делают русские, то им говорят, что им не позволят так себя вести».

В данном случае респонденты продемонстрировали интолерантное отношение к «мигрантам-чужакам». Эта закономерность наблюдалась и в случае обсуждения обобщенного образа «мигранта». Но как только модераторы направ-

ляли обсуждение на конкретных мигрантов: «мигрантов-соседей», «мигрантов-друзей», «мигрантов-сокурсников», то интолерантная позиция сменялась толерантной. Можно предположить, что позиции толерантность / интолерантность зависимы от персонифицированного образа «мигранта». Чем больше персонифицирован образ «мигранта», тем выше уровень толерантности респондентов по отношению к нему.

Участниками фокус-группы было отмечено, что толерантность – это нравственно-моральная установка, выполняющая роль механизма, который позволяет людям находить консенсус, достигать положительных результатов и быть эффективными в социальных взаимодействиях принимающей стороны с мигрантами. Респонденты в своих ответах отмечали, что сталкиваются как с толерантным, так и с интолерантным отношением со стороны мигрантов, что не должно являться определяющим фактором в отношении к мигрантам со стороны членов принимающего сообщества. Студенты, участвовавшие в процессе исследования фокус-группы, осознавали себя гражданами многонационального государства, на которых лежит больше ответственности по отношению к прибывающим мигрантам. Неоднократно было заявлено, что позиционирование себя как социальных акторов многонационального государства предъявляет новые требования к социальным практикам. Мы должны воспитывать в себе терпимость и не поддаваться влиянию негативных оценок и отношений к мигрантам. Такие суждения респондентов свидетельствуют, скорее, о желаемом состоянии, об идеальной модели выстраивания коммуникаций между принимающей стороной и прибывающими мигрантами.

В целом членами фокус-группы было продемонстрировано терпимое отношение к мигрантам, которое заключалось в описании своего бытового, личного опыта и опыта, связанного с трудоустройством мигрантов. С другой стороны, позиция «жертвы», высказываемая участниками фокус-группы, может свидетельствовать о стремлении респондентов объединиться перед лицом «общего врага». В ходе обсуждения поднимались вопросы о роли государства в процессах регулирования толерантного / интолерантного отношения как к мигрантам, так и к членам принимающего сообщества. Например, респонденты затрагивали проблемы, связанные с несправедливым отношением к членам принимающего сообщества и прибывающим мигрантам. Обсуждение затрагивало вопросы асоциального поведения лиц других национальностей, чаще всего из Кавказского региона, совершающих преступления, за которые они не несут наказания. Происходит это, по мнению респондентов, потому что государство «смотрит на это сквозь пальцы». В качестве основной причины подобного отношения со стороны государства была названа коррупция.

В качестве основного субъекта риска названо «государство» – предельно неконкретное, неперсонифицированное понятие. При этом респонденты не конкретизируют само понятие «государство», транслируя обобщенное понимание субъекта экономических, культурных, политических интеракций, наделенного властью. Обсуждая проблематику справедливого / несправедливого отношения государства к членам принимающего сообщества и к прибывающим мигрантам, респонденты высказывались о том, что наказания, назначаемые по

отношению к совершившим преступление или проступок, для русских всегда больше, чем наказания за те же самые проступки для представителей других национальностей. Было сказано, что русские вообще находятся в каком-то угнетенном состоянии.

Далее члены фокус-группы увлеченно излагали различные истории о несправедливом, а порой и противозаконном отношении к преступникам / мигрантам и преступникам / русским. Позицию «жертвы» поддержали 71% членов группы.

Респонденты отметили, что решающим фактором в развитии толерантности / интолерантности является воспитание как результат трансляции внутрисемейных ценностей и традиций.

Мнения респондентов разделились по гендерному признаку: женщины (64%) утверждали, что часто сталкивались с неприемлемым поведением со стороны «чужаков», а мужчины (36%) – придерживались мнения, что и среди русских есть разные люди, как с «приемлемым» поведением, так и с асоциальным.

В целом стереотипное мышление опрашиваемых свидетельствует о том, что весьма мощную пропагандистскую политику проводят СМИ: «И все-таки соучастие массмедиа (в конструировании реальности) становится неизбежным в случае необходимости широкого распространения (коммуникации), возможности анонимного и тем самым непредсказуемого восприятия информации... Поэтому результат воздействия массмедиа, а может быть и их функция, видимо, состоит в воспроизводстве непрозрачности на основе прозрачности знания» [4, с. 160].

Стереотипизация мышления респондентов проявилась в резком противопоставлении принимающего сообщества, русских и мигрантов. При этом «наши», «русские» наделялись только положительными качествами, а «мигранты», «чужаки» – отрицательными, потому что они другие, отличные от нас, требуют иных коммуникативных практик. Эти настроения могут служить благоприятными основаниями для проведения резервационной политики со стороны государства, когда для мигрантов создаются «резервации». Изоляционизм, проявляющийся по отношению к мигрантам, настораживает, увеличивает неопределенность и риски, связанные с взаимодействием на основе ведущего национального признака с мигрантами, в том числе и из стран ЕврАзЭС.

В процессе работы фокус-группы респондентам были заданы вопросы «Являются ли русские титульной нацией?» и «Россия – многонациональное государство?». Положительно на первый вопрос ответило 14%, 86% – на второй вопрос. При этом на вспомогательный вопрос модератора «Если бы Вы оказались, например, в Казани, то испытывали бы дискомфорт от того, что Вас окружают люди другой национальности?» 80% респондентов ответили положительно. Это свидетельствует о «защитной» реакции респондентов при ответе на вопрос о многонациональности России. Результаты свидетельствуют о низком уровне толерантности, проявляющемся в нетерпимости к людям другой национальности как в границах Российской Федерации, так и в других государствах.

Респонденты отметили, что мигранты нужны России, поскольку ничего нельзя поделаться с возрастающей интенсификацией миграционных потоков. Они осмысливают миграцию как объективный процесс, последствия которого сказыв-

ваются на социальных взаимодействиях и между членами принимающего общества, и прибывающими мигрантами.

Участники фокус-группы акцентировали внимание на том, что принимающее сообщество, скорее, мирится с мигрантами, как с выражением неизбежного современного процесса. При этом не осознается их роль и место в принимающем сообществе, а также факт, что практики управления миграционными процессами должны быть системными. Только тогда по отношению к практикам управления современными миграционными процессами может быть применен управленческий контур с присущими ему элементами как одним из эффективных инструментов анализа миграции и тех специфических особенностей, которые связаны с ней. В них должны быть выделены субъекты и объекты управления, исполнители и селекторы, факторы и условия, влияющие на эффективность / неэффективность управленческого контура.

В процессе обсуждения вопросов, связанных с трудоустройством мигрантов, респонденты высказали следующую позицию: мигранты могут приезжать в Россию и занимать те вакансии (в основном дворников и т.п.), на которые не претендуют представители местного населения. В группе активно обсуждались те профессии, которые не привлекают членов принимающего сообщества, однако критерии ранжирования названных профессий так и не были выработаны. Были высказывания, затрагивающие образованных мигрантов. Респонденты проявили неосведомленность в вопросах, связанных с количеством образованных мигрантов (было декларировано, что их нет), с корреляцией уровня образования и уровня толерантности. В.И. Мукомель пишет о том, что существует линейная зависимость, проявляющаяся в том, что чем выше уровень образования, тем выше уровень толерантности проявляет мигрант к принимающему сообществу и принимающее сообщество по отношению к мигранту.

В качестве основного критерия отбора образованных / необразованных мигрантов респондентами была предложена процедура тестирования. Государственная Дума приняла закон о тестировании мигрантов, этого вполне достаточно для того, чтобы отбирать образованных / необразованных мигрантов.

В процессе обсуждения вопросов, связанных с вынужденными переселенцами как отдельной группой мигрантов, были высказаны мнения, касающиеся поддержки только «своих», а не мигрантов. Звучали и пожелания относительно русских (они недостаточно активны при поиске работы и мало мотивированы на выполнение «любой» работы, даже низкоквалифицированной). Ответственность за повышение престижности профессий респонденты в процессе дискуссии возлагали на государство, которое не выполняет своих функций.

Таким образом, мигранты актуализируют в членах принимающего сообщества образ «чужого», «врага», которого нельзя пускать в нашу страну, а если и пускать, то с большой осторожностью, лишь в те лакуны, которые не заполнены коренным населением. Обычно речь идет о социальных позициях, не требующих наличия высшего образования. Вместе с тем именно с уровнем образования мигрантов исследователи связывают их высокую степень адаптации к социальным, экономическим, политическим условиям принимающей стороны [4].

Анализ результатов фокус-группы показывает, что ксенофобные настроения у

молодежи находятся в латентном, скрытом состоянии. Однако они открыто высказывают свои идеи, порой экстремистской направленности, но когда речь идет о тех социальных практиках, которые они используют в профессиональных и личностных интеракциях, они задействуют в основном стратегии, связанные с конформизмом, соглашательством с привычным образом мыслей и действий. Это противоречие было выявлено в процессе обсуждения вопросов, поставленных модераторами.

В возникших дискуссиях участники фокус-группы обратили внимание на то, что формированию негативного образа мигранта способствует деятельность СМИ, которые снижают уровень толерантности, размывая ценности принимающей стороны и формируя информационные лакуны, которые могут быть заполнены любой (в том числе и экстремистской) информацией; способствуют формированию стереотипов в среде как мигрантов, так и принимающей стороны, выводя тем самым проблемы и решаемые вопросы в плоскость национальных конфликтов. При этом у СМИ есть все инструменты для повышения уровня толерантности. Это возможно в том случае, если СМИ будут способствовать формированию национальной идентичности, предлагать эффективные формы коммуникаций между различными видами мигрантов и принимающей стороной [3].

Из всех управленческих практик именно управление рисками, связанное с регулированием миграционных потоков, не используется в полной мере для оценки и стратегирования, что в значительной степени повышает риски / опасности и нивелирует риски / возможности.

Для эффективного управления рисками, связанными с миграционными потоками, необходим системный подход к рискам, состоящий в анализе причин, условий, факторов риска, его видов, субъектов и объектов, уровня и степени. Вместе с тем процедуры по аналитике и систематике рисков не должны быть сложными, ресурсозатратными. Современные миграционные риски анализируются исключительно в качестве рисков / опасностей. На второй план отступают социальные практики, связанные с рисками / возможностями, которые несут нам интенсивные миграционные процессы. К их числу можно отнести системность в управленческих практиках, применяемых по отношению к мигрантам; открытость управления миграционными потоками; замену реактивного управления на проблемно ориентированное.

Формирование установок толерантности, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной и многоконфессиональной России особую актуальность и, безусловно, должны являться составляющей этнополитики на региональном уровне.

Этому способствует, во-первых, геополитическое положение области, в частности граница с Казахстаном, благодаря которой в регион прибывают различные категории трудовых мигрантов из Казахстана, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и т.д. Отмечается, что именно в Саратовской области остается значительная часть трудовых мигрантов. Во-вторых, область привлекает мигрантов как климатически благоприятное место жительства. Немаловажными факторами являются развитие коммерции, строительства, наличие большого количества высших учебных заведений. Регион характеризуется относительной со-

циально-политической стабильностью: отсутствие в области каких-либо «громких» проявлений ксенофобии, экстремизма, расизма и прочих интолерантных практик также привлекательно для приезжих.

Риски, связанные с толерантностью, не являются предметом для обсуждения научным сообществом, отсутствуют межорганизационные площадки для обсуждения этих вопросов, для системных исследований. Такими площадками, например, могли бы стать ведущие вузы г. Саратова. Институционализация рисков / опасностей требует организации коммуникаций между Федеральной миграционной службой (федеральный уровень) и ее территориальными отделениями (региональный и местный уровни), между Министерством экономического развития и региональными министерствами в форме сетевого партнерства, сетевого взаимодействия.

Библиографический список

1. Труд и занятость в России. 2011. М.: Росстат, 2011.
2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года / Федеральная служба государственной статистики. М., 2010. URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140095525812
3. *Мукомель В.И.* Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. М., 2013.
4. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.

T.I. Tokhirov
**The Development of the
Transportation System
in a Region: the Experience
of the Republic of Tajikistan**

The state of the road transport system of the Republic of Tajikistan is analyzed. Significant changes in the structural and functional features of transport services are revealed.

Key words and word-combinations: transportation system, cargo turnover, passenger turnover, transport corridor.

Анализируется состояние автотранспортной системы Республики Таджикистан. Выявляются значительные изменения в структурно-функциональных особенностях осуществления транспортных услуг.

Ключевые слова и словосочетания: автотранспортная система, грузооборот, пассажирооборот, транспортный коридор.

УДК 338.47:656(575.3)
ББК 65.37(5Тад)

Т.И. Тохиров

РАЗВИТИЕ АВТОТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Надежное функционирование автотранспортной системы является основой экономического роста и главной движущей силой обеспечения региональной безопасности. Важнейшим средством сообщения между регионами выступает транспорт, способствующий сохранению экономической безопасности и

целостности каждого региона [1]. Транспорт обеспечивает потребности народного хозяйства в перевозках грузов и людей, объединяет регионы страны, будучи связующим звеном между производителями и потребителями товаров, продукции, услуг, без которого функционирование рынка и рыночных отношений невозможны [2]. Транспорт содействует развитию и адаптации бизнеса, обеспечивает географическую доступность региона. Транспортные сети как центральный элемент в отраслевой и внутрифирменной реструктуризации играют важнейшую роль в интеграции регионального рынка, обеспечивая физический доступ ко всем составляющим экономической системы.

В настоящее время общая протяженность автомобильных дорог общего пользования в Республике Таджикистан составляет 13 975 км [3]. На транспорте занято более 2,6% (около 58 тыс. человек) от экономически активного населения страны; удельный вес транспорта в ВВП Таджикистана, по оценке Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, составляет 15% [4]. Как утверждается в Государственной целевой программе «Развитие транспортного комплекса Республики Таджикистан на 2010–2025 годы», страна располагает всеми современными видами транспорта, способствует ускоренному развитию всех сопряженных с ней секторов экономики, обеспечивает создание большого количества рабочих мест, улучшает социальный климат в обществе [3].

Согласно структурно-функциональной схеме транспортной системы страны транспорт разделяется на две подсистемы: транспорт общего пользования и транспорт внутреннего использования. Транспорт внутреннего использования (ведомственный транспорт) осуществляет перемещение товаров внутри сфер производства и реализации, являясь в определенных случаях составной частью технологического процесса. Транспорт общего пользования (магистральный транспорт) осуществляет перемещение готовой продукции от производителя к потребителю, оказывая при этом воздействие на весь процесс расширенного воспроизводства, на формирование и потребление запасов продукции, на стоимость складского хозяйства, причем стоимость транспортировки добавляется к изначальной стоимости товара [5]. Доля транспортных издержек в стоимости продукции в промышленности составляет не менее 15%, в строительстве – до 30%, в сельском хозяйстве и торговле доходит до 40%.

Судя по основным показателям транспортной деятельности, основной объем грузовых работ приходится на долю автомобильного и железнодорожного транспорта, что обуславливает их стратегическую роль в качестве одного из главных факторов стабилизации социально-экономического положения в стране и обеспечения ее экономической безопасности (таблица).

Основные показатели по видам транспорта за 2012 год

Виды транспорта	Перевезено грузов, тыс. т	Грузооборот, млн т-км	Перевезено пассажиров, млн чел.	Пассажирооборот, млн пас.-км
Железнодорожный	8405,1	554,9	0,5	24,0
Автомобильный	59991,8	5783	519,2	7282,7
Воздушный	2,5	7,2	1,0	2500,2

Развитие частного сектора на автотранспорте, возникновение конкуренции привели к отказу множества потребителей от услуг специализированного автотранспорта, особенно при перевозках на небольшие расстояния, и обращению к услугам частного «извоза». По данным УГАИ Согдийской области, в личной собственности граждан, проживающих в ней, находится 10,3 тыс. грузовых автомобилей, или 67,7% всего имеющегося грузового автопарка области.

Увеличение общего грузооборота в основном происходит за счет железнодорожного транспорта, автотранспортных предприятий Министерства транспорта и коммуникации Республики Таджикистан, автотранспорта министерств и ведомств, а также частных автопредприятий. Установлено, что за рассматриваемый период в целом объем перевозки пассажиров возрос в 2,74 раза, при этом наибольший прирост имеет автотранспорт предпринимателей (в 9,16 раза). Наблюдается увеличение этого показателя в автотранспорте необщего пользования в 2,34 раза и авиационного транспорта – на 20%. В данном сегменте свои позиции теряют автобусный, таксомоторный, электрический и железнодорожный транспорт.

Транспортная сеть включает 26,5 тыс. км автомобильных дорог, из них 13,8 тыс. км – автодороги общего пользования. Из общей протяженности автомобильных дорог общего пользования 12,7 тыс. км (92,1%) – дороги с твердым покрытием, в том числе с усовершенствованным покрытием – 10,1 тыс. км (73,1%). Наиболее благоустроенными являются дороги республиканского значения, составляющие 35,4% от общей протяженности автомобильных дорог общего пользования. Они почти полностью имеют твердое покрытие (99,4% от общей протяженности дорог республиканского значения). Удельный вес автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием составляют: в Согдийской области – 96%, в Хатлонской области – 91%, в ГБАО – 79% и по Душанбинскому ПУАД – 98%. Из общей протяженности дорог местного значения дороги с твердым покрытием составляют: в ГБАО – 55%, Хатлонской области – 91%, в Согдийской области – 91%, в районах республиканского подчинения и в г. Душанбе – 98% [3].

Значительную долю в общем объеме капитальных вложений в строительство по Республике занимает транспортная отрасль, в которую за 2006 г. вложено 150,7 млн сомони, или 25,4% от общего объема капитальных вложений. По сравнению с 2005 г. объем возрос в 24 раза. Фактически введено в действие основных фондов на 29,6 млн сомони, или 19,6% к общему объему капитальных вложений (52,3% – к уровню 2003 г.). Объем капитальных вложений в автодорожную сферу составил 112,1 млн сомони. Введено в действие основных фондов в размере 541,3 тыс. сомони, или 0,5 % от общего объема капитальных вложений в автодорожную сферу [4].

Развитие малого и среднего бизнеса в Республике Таджикистан началось при переходе на рыночные отношения, особенно в сфере услуг; в то же время объем производства товаров и услуг не попадают под статистические наблюдения. Объем перевозки пассажиров и пассажирооборот автомобильного транспорта зависят от подвижности населения, а также от дорожно-климатических условий. Таджикистан является горной страной, и в зимний период в основном закрываются автодорожные перевалы в горных районах Республики, что отрицательно влияет

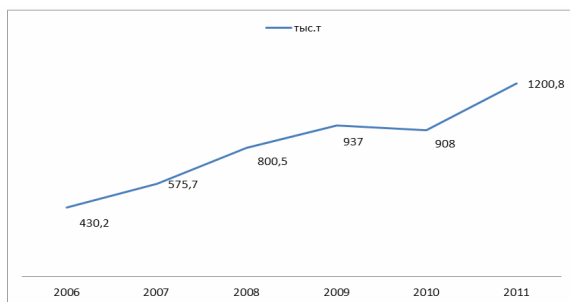
на рост объемных показателей. Особенности функционирования транспортной системы заключаются в том, что выполнение полного цикла грузовых и пассажирских перевозок возможно только при гармоничном взаимодействии всех видов транспорта как общих элементов единой транспортной системы [5].

Интеграция и интернационализация транспортной инфраструктуры, выраженные в синхронизации международных и национальных транспортных коридоров в рамках единой транспортной системы и организации, взаимно дополняющих смешанных перевозок несколькими видами транспорта по интегральной ставке тарифа, выступают объективной предпосылкой интенсификации роли автомобильного транспорта в структуре транспортного рынка страны.

Р.Р. Ахмедов в своем исследовании подчеркивает, что в условиях интернационализации народного хозяйства и экономики существенно повышается значимость автотранспорта как одного из жизненно важных средств производства, обеспечивающего необходимую мобильность населения и факторов производства [6]. При перевозке автотранспортом значительно сокращается количество дополнительных транспортных операций, необходимых для обработки грузов в пути следования, что снижает связанные с этим риски и издержки утраты и повреждения грузов.

В перспективе с ростом протяженности и качества автодорог ожидается дальнейшее повышение спроса на региональную автотранспортную систему, так как только она позволяет осуществить доставку в режиме «от двери до двери» и «точно в срок», обеспечив тем самым наиболее эффективный режим транспортировки. Таким образом, с позиции суверенности и конкурентоспособности региональной автотранспортной системы требуется существенное переосмысление роли автомобильного транспорта в устойчивом обеспечении региональной экономики безопасными и качественными транспортными услугами, в первую очередь в отношении рынка транспортных услуг в межрегиональном и международном сообщении.

В 2011 г. объем грузов, перевозимых автомобильным транспортом между Таджикистаном и зарубежными странами, составил 1200,9 тыс. т; его увеличение на 24,4% по отношению к 2010 г. обусловлено общим состоянием экономики Таджикистана, показатели которой постепенно возрастают (рисунок) [4].

Объем перевозок грузов автомобильным транспортом между Таджикистаном и зарубежными странами

Анализ перевозки грузов автомобильным транспортом по регионам Республики Таджикистан показывает, что основная их доля приходится на Согдийскую область – примерно 38,6%, Душанбе – 8,57%, районы республиканского подчинения – 19,3%, Хатлонскую область – 32,99%, Горно-Бадахшанскую автономную область – 0,48% [4].

Резюмируя, можно сделать вывод о необходимости выделения в качестве самостоятельного блока транспортной составляющей в системе обеспечения региональной экономической безопасности и ее важнейшего элемента – автомобильного транспорта – в рыночных условиях хозяйствования. Негативные тенденции, выраженные в снижении конкурентоспособности региональной автотранспортной системы, грозят не только потерей рыночной доли и снижением потенциального дохода, но при определенных условиях транспортной, а затем и экономической изоляцией региона.

Таким образом, позитивные сдвиги в экономике региона способствуют адекватному развитию автотранспортной системы, что предполагает скоординированную работу транспортной инфраструктуры, доступность и безопасность предоставляемых услуг, снижение совокупных издержек на перевозки пассажиров и грузов, удовлетворение растущего платежеспособного спроса. Решение указанных задач в конечном счете и обеспечивает транспортную составляющую региональной экономической безопасности. Внутриотраслевые ограничения, снижающие эффективность функционирования автомобильного транспорта в этих условиях, выступают в качестве отраслевых угроз экономической безопасности.

Библиографический список

1. *Рауфи А.* Региональные проблемы развития транспорта в системе рыночной экономики Таджикистана: дис. ... д-ра экон. наук. Душанбе, 2008.
2. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / В.К. Сенчагов, Б.В. Губин, В.И. Павлов [и др.]. 2-е изд. М., 2005.
3. Государственная целевая программа «Развитие транспортного комплекса Республики Таджикистан на 2010–2025 годы»: приложение к постановлению Правительства Республики Таджикистан. Душанбе, 2009.
4. Таджикистан в цифрах – 2012: стат. ежегодник / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2012.
5. *Троицкая Н.А.* Единая транспортная система / Н.А. Троицкая, А.Б. Чубуков. 6-е изд. М., 2011.
6. *Ахмедов Р.Р.* Автотранспортное обслуживание в условиях интернационализации рынка: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.М. Кузьмина
**Types of Legal Regulation:
Modern Dimension**

Modern approaches to types of legal regulation as a complex of legal means providing a targeted legal effect on social relations are analyzed from the viewpoint of the instrumental theory of law.

Key words and word-combinations: legal regulation, methods of legal regulation, legal means.

С точки зрения инструментальной теории права анализируются современные подходы к типам правового регулирования как комплексу правовых средств, оказывающих целенаправленное правовое воздействие на общественные отношения.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование, способы правового регулирования, правовые средства.

УДК 340.1
ББК 67.0

Е.М. Кузьмина

ТИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Существенные изменения во всех сферах общественной жизни влияют на процессы правового регулирования, в которых в полной мере раскрывается динамичный, функциональный характер права. Еще в советской науке отмечалось, что направленность правового регулирования определяется рядом объективных и субъективных факторов: степенью политического и экономического развития; степенью зрелости общественных отношений; сформированностью социальных связей; уровнем правовой культуры отдельной личности и общества в целом; объектом правового воздействия [1, с. 294].

Представленный вывод не вызывает никаких сомнений. Он подтверждает свою справедливость в условиях кардинального изменения типа экономической, политической, социальной и правовой систем, переориентации моральных ценностей. Чем цивилизованнее и разнообразнее социальные отношения, тем более многоаспектны интересы и потребности людей, тем большей вариативностью отличаются средства правового опосредования общественной жизни.

Правовое регулирование можно определить как упорядочение общественных отношений правовыми средствами. Понятие «упорядочение» в данном контексте представляет собой основное содержание и цель процесса правового регулирования. Будучи разновидностью социального регулирования, правовое регулирование осуществляется особыми юридическими средствами, которые в последнее время активно разрабатываются в юридической науке в связи с анализом инструментальной теории права.

Система правового регулирования образуется единством всех ее элементов: способов, методов, приемов, то есть всем арсеналом юридических средств. Среди наиболее важных элементов правового регулирования – нормативная регламентация и индивидуальное регулирование, централизованное и децентрализованное регулирование, координация и субординация, способы правового регулирования, типы правового регулирования.

В теоретическом плане тип правового регулирования можно охарактеризовать как «укрупненный блок» в общем арсенале правового инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств» [2, с. 171–172], выражающий «степень жесткости юридического воздействия, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности» [3, с. 186]. Именно тип правового регулирования демонстрирует общую направленность развития права, раскрывает и характеризует внешние и внутренние связи правовой системы в целом.

Традиционно в науке тип правового регулирования трактуется как общий порядок регулирования, складывающийся в определенной области общественных отношений. В основе типов лежит сочетание двух способов регулирования – дозволения и запрета [1, с. 303].

Стремясь внести определенную научную новизну, Е.К. Шевырин трактует тип правового регулирования как теоретическую конструкцию, отображающую научные представления о существенных чертах, свойствах и строении процесса воздействия на общественные отношения определенных правил, обеспеченных правовыми санкциями, способных оказывать преобразующее воздействие на поведение людей путем установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей [4].

С таким определением вряд ли можно согласиться. Тип правового регулирования представлен здесь как выработанная правосознанием конструкция, лишенная функционального потенциала, в то время как правовое регулирование – это процесс, выражающий динамизм, физиологию права [5, с. 141]. Кроме того, анализируемая трактовка не показывает специфику сферы воздействия права (частной или публичной), направленность правовых средств на расширение данной сферы путем предоставления общего дозволения или сужения, через регламентацию общего запрета.

В науке принято различать два типа правового регулирования: разрешительный и общедозволительный. Первый – базируется на принципе «запрещено все, кроме прямо разрешенного законом». Он опосредует публично-властную сферу общественных отношений, составляет фундамент правового режима ограничения в отношении государственной власти [6], который характеризует состояние юридической правомерности складывающихся в сфере реализации

властных полномочий общественных отношений, их соответствие положениям действующего законодательства.

Общедозволительный тип правового регулирования основан на принципе диспозитивности, который выражается через формальное закрепление дозволений, самостоятельности и равенства сторон – участников правоотношений, свободу воли субъекта, «горизонтальную» конфигурацию связей между субъектами, право выбора субъектами средств достижения цели. Означенный тип правового регулирования открывает возможности для проявления правомерной активности граждан, их самостоятельности и наиболее характерен для сферы частного права.

В литературе справедливо указывается, что для характеристики типа правового регулирования важными являются пространственные, временные и субъектный критерии [7, с. 449]. Пространственный критерий означает привязку типа правового регулирования к территории определенного государства и проводимой им правовой политики. Применительно к России констатируют приоритет общедозволительного типа регулирования при демократическом политическом режиме.

Характер типа правового регулирования исторически обусловлен и зависит от уровня развития общества и государства. На разных этапах общественного развития типы регулирования могут сменять друг друга или может устанавливаться их совместное присутствие, где в зависимости от сферы общественных отношений приоритетное значение имеет либо разрешительный, либо дозвольтельный тип правового опосредования общественных связей. Тип правового регулирования определяется областью общественных отношений и субъектным составом. Так, там, где публичные отношения строятся по принципу «дозволено то, что прямо разрешено законом», где уполномоченными субъектами выступают должностные лица, государственные служащие, а граждане несут юридические обязанности, характер интересов в публичной сфере – нематериальный, развивается разрешительный тип правового регулирования. Там же, где правовые связи возникают между равноправными субъектами гражданами или юридическими лицами, а государство в лице особых уполномоченных субъектов несет юридические обязанности, характер интересов – материальный, складывается общедозволительный тип правового регулирования, базирующийся на идее «не запрещенное законом – дозволено».

Тип правового регулирования, по мнению В.А. Сапуна, зависит от того, какое глубинное явление правовой действительности лежит в основе регулирования определенной области общественных отношений – общее дозволение или общий запрет [8, с. 61]. С.С. Алексеев указывает, что общее применительно к запретам или дозволениям понимается в том смысле, что соответствующее нормативное положение является исходным направляющим правовым началом на данном участке общественных отношений [3, с. 82].

Формулой общедозволительного типа правового регулирования являются «общие дозволения – конкретные запреты». На данном участке общественных отношений основным правовым средством регулирования выступает субъективное право, юридическая свобода; презюмируется разрешенность всего многообразия возможных действий (за исключением прямо установленных запретов). Общие дозволения юридически значимых последствий и являются основанием для правомерного поведения.

Разрешительный тип правового регулирования, наоборот, закрепляет «общие запреты – конкретные дозволения». Запретительное поле в качестве базовых правовых средств использует запреты и юридические обязанности; имеет редкие исключения в форме дозволений, круг которых нормативно очерчен. Однако в отличие от общих дозволений, общие запреты не могут непосредственно порождать юридические последствия. Этот вывод следует из персонального характера юридической ответственности, которая наступает за нарушение конкретной правовой нормы.

В науке имеются и иные подходы к определению типа правового регулирования. Так, В.Д. Сорокин, отстаивающий существование единого метода правового регулирования, сочетающего дозволения, обязанности и запреты, в зависимости от особенностей их соотношения выделяет три типа правового регулирования: гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой. В каждом типе один из способов правового регулирования выступает в качестве преобладающего, а два других выполняют функцию его обеспечения присущими им возможностями [9, с. 76].

В своей практической реализации все три типа правового регулирования очень тесно связаны друг с другом, поскольку они выступают как необходимые варианты проявления единого метода правового регулирования. Традиционная классификация типов регулирования на дозволительный и разрешительный демонстрирует логическую цепочку связей между предметом правового регулирования (частное и публичное право), методами (диспозитивным и императивным) и типами (общедозволительным и разрешительным) правового регулирования.

Современная наука продолжает дискуссию, затрагивающую понятия теории правового регулирования. Предлагается, в частности, рассматривать в качестве автономных институциональный и дискретный методы правового регулирования и основанные на них одноименные типы правового регулирования. Аргументируется означенная позиция тем, что институциональность и дискретность как парные категории вполне реально отражают способы формирования норм и институтов в праве. Институциональный метод позволяет придать правовой норме строго определенный характер и сводит к минимуму усмотрение властного субъекта; создает «жесткий» тип правового регулирования, свидетельствует о высоком качестве закона, опосредует публично-правовую сферу общественных отношений. Дискреционный метод, напротив, фиксирует возможность свободного усмотрения субъектов; применим в первую очередь при восполнении и преодолении правовых пробелов, правовых коллизий, решении ситуации по аналогии, придает правовому регулированию гибкость, в то же время создает угрозу злоупотребления правом.

Представленную точку зрения следует оценивать критически. Дискреция (от лат. «разделение») представляет собой прерывность пространства правового регулирования, где последнее теряет целостность, связанность и предсказуемость, приобретает латентный характер [10].

Правовое регулирование, основанное на дискреционных установлениях (например, оценочных нормах права), на усмотрении публично-властных субъектов, фактически лишается качества нормативности, а воздействие опосредуемого им социального регулирования, соответственно, качества правового. Таким образом, дискреционный метод правового регулирования нельзя признать са-

мостоятельным наряду с институциональным. Решение правовой ситуации по усмотрению должно быть исключительным способом опосредования общественных отношений и иметь надежные правовые гарантии, обеспечивающие законность и справедливость принятого правового акта.

Нельзя в полной мере согласиться и с тезисом о том, что дискреционный тип правового регулирования наиболее характерен и естественен для судебной деятельности [10]. Дискреционный тип правового регулирования вряд ли можно признать естественным для судебной деятельности, регулируемой процессуальным законодательством, которое отнюдь не является дискреционным, хотя отдельные возможности дискреции, конечно же, присущи деятельности судей.

Еще один неординарный подход к правовому регулированию демонстрирует в своем диссертационном исследовании Е.К. Шевырин, обосновывающий тип правового регулирования как результат логической операции – типологии, осуществляемой в отношении правового регулирования как явления [4]. Используя указанный методологический прием, он различает генетические и структурные типы правового регулирования. Первые выделяются на основе цивилизационного подхода и методов сравнительного правоведения и имеют разновидности: западный (правовые средства здесь выступают в качестве основного средства упорядочения общественных отношений, обладающих собственной ценностью и значением) и незападный (где право является дополнительным инструментом, «приложением» к традициям, обычаям, морали и др.); романо-германский и англосаксонский типы правового регулирования.

Критериями структурного типа правового регулирования, по мнению Е.К. Шевырина, являются: характеристика правил, воздействующих на поведение людей и способ их установления, тип правовых санкций и порядок их реализации, особенности прав и обязанностей, установленных для участников общественных отношений. Учитывая генетическую типологию в рамках конкретной правовой системы, например романо-германской, структурные типы правового регулирования классифицируются на публично-правовой и частноправовой [10].

Выводы исследования, безусловно, заслуживают внимания, особенно верной представляется методология исследования – применение приема классификации. В то же время имеются спорные моменты. Так, усматривается противоречие между сущностью правового регулирования как специально-юридического (осуществляемого средствами права) воздействия на общественные отношения и незападным типом правового регулирования, в котором основные средства упорядочения связей – социальные нормы традиционного общества. Правовое регулирование смешивается в данном подходе с социальной средой, в которой формируется право, общественные отношения, правовой менталитет.

Правовое регулирование – феномен, требующий дальнейшей разработки. Особенно актуальным становится исследование данного явления в условиях процессов глобализации, формирования институтов гражданского общества, расширения субъектов применения права. Необходимо самым тщательным образом изучать факторы, обуславливающие тип правового регулирования в ходе юридической практики, ведь от адекватности объекта и типа правового регулирования зависит уровень законности и правопорядка, столь необходимых для современного российского общества.

Библиографический список

1. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994.
3. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1995.
4. Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008.
5. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 2000.
6. Милушева Т.В. Пределы и ограничения государственной власти: (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2013.
7. Проблемы теории государства и права / под ред. А.В. Малько. М., 2012.
8. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002.
9. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
10. Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 118–126.

S.A. Makarova
Preventive Legal Measures
in the Form of House Arrest:
Problems of Theory and Practice

The legal content of house arrest as a preventive legal measure is analyzed. Peculiarities of applying home arrest in the Russian Federation and the USA are studied. Problems arising in the process of the preventive measure application are considered, and ways to solve them by amending the RF Code of Criminal Procedure are proposed.

Key words and word-combinations: preventive measure, house arrest, freedom of movement, prohibition and restrictions, living quarters, complete or partial isolation.

Анализируется правовое содержание домашнего ареста как меры пресечения. Исследуются особенности применения домашнего ареста в Российской Федерации и США. Обсуждаются проблемы, возникающие в ходе применения меры пресечения, и предлагаются варианты их решения путем внесения изменений в УПК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: мера пресечения, домашний арест, свобода передвижения, запрет и ограничения, жилое помещение, полная или частичная изоляция.

УДК 342.9: 343.13
ББК 67.401.04+67.410.2

С.А. Макарова

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ДОМАШНЕГО АРЕСТА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Как мера пресечения домашний арест существовал в России еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В п. 5 ст. 416 Устава упоминался домашний арест как одна из мер, предпринимаемых следователем для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия.

Понятие домашнего ареста было дано и в УПК РСФСР 1923 г. Советский законодатель определил данную меру пресечения как лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой. С 1960 г. в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР такой меры пресечения как домашний арест не существовало. Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации, введенный в действие с 1 июля 2002 г. вновь включил домашний арест в систему мер пресечения, определив ее как ограничения, связанные со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, и наложение запретов. Вместе с тем на практике данная мера пресечения применялась редко.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в содержание ст. 107 УПК РФ, регламентирующей процессуальный порядок применения меры уголовно-процессуального пресечения в виде домашнего ареста, были внесены существенные изменения.

В соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля.

Положение закона о том, что решение об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста принимается судом только в случае невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения, обязывает суды при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обсудить вопрос о возможности или невозможности применения более мягкой меры пресечения.

В ходе правоприменения часто возникает вопрос, что считать жилым помещением, в тех случаях, когда, например, гражданин проживает в частном неблагоустроенном домовладении «с удобствами во дворе». Если обратиться к ст. 15 Жилищного кодекса РФ, которая предусматривает включение площади помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием, в общую площадь жилого помещения, то можно сделать вывод, что жилое помещение, в котором должен находиться обвиняемый (подозреваемый) под домашним арестом, предполагает наличие в нем вспомогательных помещений, необходимых для удовлетворения личных и бытовых нужд. Предполагаем, что доступ к таким вспомогательным помещениям не должен требовать получения разрешения. Именно поэтому суды при избрании домашнего ареста в отношении обвиняемого, проживающего в домовладении, запрещают ему выход за пределы домовладения – земельного участка, на котором расположен жилой дом.

Дискуссионным является вопрос о необходимости при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста выяснять согласие собственника жилья. В связи с этим заслуживает внимания позиция В.М. Быкова, который предлагает дополнить ст. 107 УПК РФ положением о том, что при решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста суд обязан привлечь к рассмотрению дела собственника жилого помещения, в котором предписывается нахождение подозреваемого или обвиняемого на весь срок домашнего ареста, и получить его

согласие [1]. Получение согласия собственника жилого помещения, в котором на законных основаниях проживает обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого рассматривается ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, необходимо. Вместе с тем достаточно ограничиться получением письменного согласия собственника без привлечения его к рассмотрению дела.

Новым положением закона является также то, что с учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено не только жилое помещение, но и лечебное учреждение, в котором лицо находится на излечении. В данном случае закон следует дополнить указанием на необходимость получения согласия администрации лечебного учреждения, поскольку оснащение палаты техническими и электронными средствами может затронуть интересы других лиц, а осуществление личного контроля за больным обвиняемым сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций – нарушить лечебно-оздоровительный режим учреждения. В силу ч. 2 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается на срок до двух месяцев, исчисляющийся с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Трудно согласиться с положением закона о начале исчисления срока домашнего ареста с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения. С момента принятия судом решения о применении домашнего ареста до начала его фактического исполнения на практике проходит некоторое время. Об этом свидетельствуют и обобщения судебной практики избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста [2], поэтому срок домашнего ареста следует исчислять с момента начала его фактического исполнения. Правовая природа домашнего ареста состоит в полной либо частичной изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества, но не в следственном изоляторе, а в домашних условиях.

В отечественной научной литературе разгорелась серьезная дискуссия о том, что же считать частичной изоляцией от общества. По мнению Л.А. Воскобитовой, Л.К. Труновой, обвиняемый, находящийся под домашним арестом, может посещать место учебы, медицинские учреждения, «продолжая вести прежнюю жизнь» [3; 4]. Б.Б. Булатов полагает, что ограничения, связанные со свободой передвижения обвиняемого (подозреваемого), предусмотренные в ст. 107 УПК РФ, не предполагают возможность столь свободного передвижения лица, подвергшегося домашнему аресту. Если обвиняемому (подозреваемому) будет разрешено ежедневно ходить на работу или учебу, а также посещать иные места, то сам обвиняемый (подозреваемый) психологически и нравственно не будет воспринимать себя арестованным [5, с. 98]. Аналогичного мнения придерживается Р.З. Шамсутдинова, считая, что обвиняемому (подозреваемому) должно быть полностью запрещено покидать жилище без разрешения следователя. Обвиняемый должен постоянно находиться по адресу, который указан в решении суда об избрании меры пресечения [6].

Положение закона о возможности как полной, так и частичной изоляции подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении нашло неоднозначное

применение в ходе судебной практики. Так, некоторые суды полностью ограничивают обвиняемым выход за пределы жилища с круглосуточным пребыванием по месту жительства. Однако иногда свобода обвиняемого ограничивается судом в меньшей степени. В ряде случаев суды в период нахождения обвиняемых под домашним арестом запрещают им перемещение за пределами жилого помещения с 20 часов до 7 часов ежедневно. Порой суды отказывают в применении меры пресечения в виде домашнего ареста, обосновывая свой отказ тем, что домашний арест «не даст обвиняемому в полной мере заботиться и поддерживать жизнеобеспечение своей семьи», «семье обвиняемого нужны деньги, для этого он должен работать, что при домашнем аресте невозможно» [2].

В США домашний арест является как мерой пресечения, так и мерой наказания и применяется в трех видах. Во-первых, это комендантский час, предполагающий, что правонарушитель находится дома в определенный период времени, например ночью. Во-вторых, домашнее задержание предполагает постоянное пребывание правонарушителя дома, за исключением занятости на основной работе или учебе. В-третьих, домашнее лишение свободы предполагает постоянное пребывание дома [7]. Нарботанная практика применения домашнего ареста в США может широко использоваться и в российском уголовном судопроизводстве, тем более что в понятие полной и частичной изоляции от общества вполне укладываются все указанные варианты.

Вне всякого сомнения, правовым содержанием домашнего ареста является прежде всего наличие ограничений, связанных со свободой передвижения обвиняемого, поэтому в зависимости от тяжести совершенного преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого), свобода передвижения может быть ограничена в каждом конкретном случае в большей или меньшей степени. В связи с этим, избирая обвиняемым меру пресечения в виде домашнего ареста с частичной изоляцией от общества, суд вполне может разрешить одному обвиняемому работать или учиться, посещать магазины, прачечные, другому – не разрешить совершать указанные действия.

Вместе с тем даже применение к обвиняемому домашнего ареста с полной изоляцией его от общества должно предусматривать право на ежедневную прогулку на свежем воздухе. Круглосуточное нахождение обвиняемого по месту жительства нарушает конституционное право личности на охрану здоровья. Даже лицам, находящимся в следственном изоляторе, исправительном учреждении, разрешена прогулка на свежем воздухе. Представляется, что обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого применена мера пресечения в виде домашнего ареста с полной изоляцией от общества, должен находиться по месту жительства, за исключением времени, предназначенного для прогулки.

В ч. 7 ст. 107 УПК РФ законодатель сформулировал запретительные и ограничительные меры в отношении лица, подвергнутого домашнему аресту. К таким мерам относятся запрет и ограничения на выход за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает; общение с определенными лицами; отправка и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной

сети Интернет. Перечень правоограничений является исчерпывающим. При этом в зависимости от общественной опасности предъявленного обвинения и фактических обстоятельств дела обвиняемый может быть подвергнут всем запретам и (или) ограничениям, указанным в ч. 7 ст. 107 УПК РФ, либо только некоторым из них.

Токийские правила, утвержденные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110, предусматривают принцип минимального вмешательства при применении мер, не связанных с тюремным заключением. Конкретные ограничения для обвиняемого (подозреваемого) формулируются в практической и четкой форме, и их число по возможности сводится к минимуму. В процессе применения не связанных с тюремным заключением мер соблюдается право обвиняемого на личную жизнь, а также на личную жизнь его семьи. При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения нельзя запрещать подозреваемому (обвиняемому) общаться с несовершеннолетними детьми, супругой (при проживании их отдельно), родителями.

Принимая во внимание, что избрать домашний арест в качестве меры пресечения может суд, и только суд налагает на обвиняемого установленные законом запреты и ограничения, возникает вопрос: какой орган или должностное лицо может отменить или изменить наложенные ограничения при наличии объективных причин (болезнь, смерть родственника, экстренная госпитализация)? Возникающие в процессе применения домашнего ареста вопросы должен решать только суд. Вместе с тем на обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту, должна быть наложена обязанность незамедлительного уведомления контролирующего органа в случае чрезвычайной или экстренной ситуации, в ходе которой он вынужден покинуть место домашнего ареста, определенное судом.

Законодатель возложил контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля. Правительством РФ принято постановление от 18 февраля 2013 г. № 134, регламентирующее порядок применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых, за соблюдением ими наложенных судом запретов и ограничений.

Домашний арест – сравнительно новая мера пресечения в российском уголовном процессе. Приведенный анализ редакции нового закона о домашнем аресте и правоприменительной практики выявил много спорных моментов. Некоторые проблемы, связанные с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения, невозможно решить без внесения изменений в закон. Предложенные изменения помогут защитить права как обвиняемого, так и других лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство при применении меры пресечения.

Библиографический список

1. *Быков В.М.* Закон о домашнем аресте подозреваемого и обвиняемого: научный комментарий // Административное и муниципальное право. 2012. № 3.
2. Обобщение судебной практики избрания судами Республики Саха (Якутия) меры пресечения в виде домашнего ареста за 2012 год. URL: www.pravo.ru
3. *Воскобитова Л.А.* Уголовный процесс: учебник. М., 2013.
4. *Трунова Л.К.* Современные аспекты применения мер пресечения в УПК Российской Федерации // Российский судья. 2002. № 9. С. 23.
5. *Булатов Б.Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003.
6. *Шамсутдинова Р.З.* Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Удмуртского ун-та 2013. № 2.
7. *Дворянсков И., Сергеева В., Баталин Д.* Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России: сравнительно-правовые исследования. URL: www.penalreform.org

S.R. Gadisov
Transformation of the Institution of the State in Conditions of Globalization

The influence of modern globalization processes on the state as a whole and its individual elements is studied. The role of the national state in the context of globalization is analyzed.

Key words and word-combinations: globalization, the national state, functions of the state, state sovereignty.

Исследуется влияние современных глобализационных процессов на государство в целом и на отдельные его элементы. Анализируется роль национального государства в условиях глобализации.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, национальное государство, функции государства, государственный суверенитет.

УДК 340.1
ББК 67.0

С.Р. Гадисов

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Процесс глобализации противоречив и неоднозначен. Он порожден, с одной стороны, интенсивными экономическими, политическими и иными отношениями, развивающимися между государствами, государственными и межгосударственными организациями, а с другой стороны – появившимися в мире и обострившимися к 70–90-м годам XX в. глобальными, экономическими, экологическими проблемами, требующими для своего решения совместных усилий государств и негосударственных организаций, в том числе транснациональных корпораций [1, с. 7–17].

В эпоху глобализации политических, экономических, социальных, правовых связей как никогда раньше эффективность функционирования государства в качестве института

управления зависит от того, насколько оно включено в международное сообщество. Государства не только стремятся к сотрудничеству, но готовы даже пожертвовать частично своим суверенитетом ради создания единого экономического пространства, облегчения визового режима и т.д. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что как глобализация влияет на развитие национальных государств, так и национальные государства во многом определяют уровень (масштабы) распространения глобализационных процессов и направленность их развития [2, с. 40].

В отечественной и зарубежной литературе появилось немало исследований, где государство рассматривается не как институт, организация общества, наделенная суверенитетом и обладающая публично-властными полномочиями, а как простая совокупность обладающих властью лиц и учреждений, осуществляющих управление обществом. Традиционный образ национального государства с его публично-властными полномочиями и соответствующими функциями все более вытесняется, судя по возросшему в последнее время числу публикаций «глобалистского» характера [3, с. 231–238].

Под влиянием процесса глобализации развиваются идеи о создании так называемого мегаобщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц [4]. В научном плане эти идеи и теоретические конструкции, несомненно, имеют право на существование, однако на практике они носят утопический характер. Даже в условиях современных процессов глобализации национальные государства отстаивают и защищают свои интересы, и объединение их в так называемое мегаобщество не представляется возможным, учитывая особенности развития любого национального государства. В методологическом плане исследование проблем национального государства через призму глобализации позволяет по-другому оценить его традиционные институциональные и функциональные аспекты.

Для того чтобы убедиться в существовании тенденций эволюционного изменения национального государства под воздействием процесса глобализации, рассмотрим в качестве примеров наиболее важные составляющие компоненты государства: его функциональную сторону, государственный суверенитет и внутреннее право.

Функции государства как основные направления его деятельности составляют атрибутивную сторону государства [5, с. 9]. В процессе исторического развития функции государства эволюционируют: одни отмирают, как, например, хозяйственно-организаторская, функция контроля за мерой труда и мерой потребления, культурно-воспитательная, свойственные государству советского периода; другие появляются: охрана всех форм собственности, налоговая и другие. Те направления деятельности, которые сохраняются в течение длительного времени, тем не менее подвергаются содержательной трансформации, поскольку меняются внешние и внутренние факторы существования государства.

Взаимодействие общества и государства с факторами глобального порядка вносит в процесс эволюции функций государства иные направления. У национального государства появляются новые проблемы и, как следствие, новые фун-

кции: например, экологическая, демографическая, социальная (социальная защита населения) и другие [6, с. 7].

Традиционные функции государства тоже подвергаются существенному изменению под воздействием процесса глобализации. В качестве примера целесообразно рассмотреть экономическую функцию, модифицирующуюся не только в своем содержании, но и в методах осуществления. Характерный для эпохи глобализации стихийный процесс либерализации экономики зачастую приводит к потере национальных государств значительной части контроля над социальной ситуацией в стране [2, с. 44]. В то же время необходимо отметить, что чрезмерное вмешательство государства в экономику может быть не менее губительным для общества, чем полный его «уход» с экономической арены. В условиях глобализации труднейшей для государства задачей является определение разумных пределов его вмешательства в экономику.

Важно, что в условиях глобализации происходит процесс «интернационализации» функций государства, придающий внутренним функциям государства международный аспект, выражающий теснейшую связь между внутренней и внешней политикой государства.

Действительно, современное государство не может исполнять и развивать внутренние функции только в своих интересах, оно обязано считаться с интересами международного сообщества. В условиях глобализации государства действуют сообща и согласовывают свою политику для решения глобальных проблем, перед которыми они не смогут устоять изолированно друг от друга. В теоретическом плане это еще раз убедительно доказывает условность научной классификации функций государства на внешние и внутренние.

Глобализационные процессы в значительной степени обостряют проблему государственного суверенитета как важнейшего признака государства. Судьба суверенитета национального государства неоднозначно оценивается учеными. Одни говорят о его исчезновении, размывании, эрозии в условиях глобального миропорядка, указывая при этом, что государственный суверенитет является существенной преградой, создающей помехи для глобальной интеграции [3, с. 12]. Другие ученые уверены в его непоколебимости и даже абсолютности. Критически осмысливая разные точки зрения по данному вопросу, думается, что тезис об абсолютности суверенитета государства следует подвергнуть сомнению. Очевидно, что в природе и социальных отношениях не может быть ничего абсолютного. Это касается и суверенитета государства, который всегда был ограничен суверенитетом других национальных государств. В то же время сомнительно, на наш взгляд, утверждение о том, что в глобализующемся мире суверенитет государства исчезнет вместе с государственными границами, отомрет за ненадобностью. Подобные полярные утверждения свидетельствуют об одностороннем подходе к анализу данной политико-правовой категории. Избежать крайности в суждениях позволит конструкция суверенитета как единства юридического и фактического аспектов, предложенная М.Н. Марченко [4]: юридический аспект выражает форму государственного суверенитета как явления, фактический аспект суверенитета составляет его материальное содержание.

Кроме того, что суверенитет государств нельзя смешивать таким признаком

и свойством государственной власти, как полновластие. Утверждение о том, что суверенитет является свойством государственной власти или самой государственной властью, было и остается довольно расхожим в научной литературе [7, с. 286–287]. Объем полномочий государственной власти в условиях глобализации меняется, в силу того что Российская Федерация может участвовать в международных объединениях и передавать им часть своих полномочий (ст. 79 Конституции РФ). Следовательно, степень практической реализации суверенитета (фактический аспект суверенитета) находится в прямой зависимости от уровня полноты государственной власти. Таким образом, современное государство, оставаясь полноценным субъектом международного права, не утрачивает своего суверенитета – речь идет лишь о сокращении фактических возможностей его проявления и осуществления в условиях функционирования множества наднациональных субъектов.

Нельзя не считаться с желанием народов жить по своим обычаям, законам, религиозным и иным нормам, выбирать близкое по духу государственное устройство, устанавливать соответствующий политический режим. В то же время зачастую надгосударственные организации пытаются ограничить национальные государства в возможности самостоятельно решать свои внутренние задачи и зачастую диктуют политику на международной арене, что по своей сути является ограничением государственного суверенитета.

Между тем предложение отказаться от государственного суверенитета равносильно отказу от принципа территориальной целостности государства. Никакие глобальные интересы не могут вести к отрицанию верховенства государственной власти на своей территории. Другое дело, что само государство, исходя из общечеловеческих, общепланетарных интересов, добровольно соглашается на самоограничение своих прерогатив. При этом значимость государственного суверенитета в условиях глобализации не только не ослабевает, а, наоборот, возрастает. Действительно, в условиях глобализации происходит объективное сокращение свободы действий государства, однако в то же время это не означает утраты суверенитета – напротив, государство приобретает дополнительные возможности и функции как за пределами, так и внутри своих границ. Наднациональное регулирование расширяет возможности государства влиять на стихийные процессы и в этом смысле укрепляет государственный суверенитет [8, с. 45].

Еще один аспект рассматриваемой проблемы касается роли права, выступающего в современном мире одновременно в качестве инструмента глобализации и средства управления ее процессами. Одной из видимых тенденций развития права в условиях глобализации является углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права. Итогом данного процесса выступает интернационализация последнего [9, с. 115], то есть сближение принципов права и национальных законодательств, рост взаимовлияния различных правовых систем. В современных условиях правовые системы разных государств должны быть совмещены и иметь возможность взаимодействовать друг с другом. Этого можно достигнуть признанием приоритета международного права над внутренним и интенсивным изменением внутреннего права под влиянием международного.

Интернационализация внутреннего права государства предполагает приведение в соответствие его норм с так называемыми международно-правовыми стандартами. Термин «международно-правовой стандарт» появился в середине прошлого века и прочно вошел в юридическую терминологию. Правовая стандартизация проявляется в установлении в рамках международных организаций, в государственном масштабе, единых минимальных норм и требований к правовому регулированию тех или иных общественных отношений. Правовые стандарты в условиях глобализации касаются самых различных сфер правового регулирования. Прежде всего это международно-правовые стандарты прав и свободы личности. Некоторые исследователи отмечают стандарты в области функционирования правосудия, в предпринимательской деятельности, в финансовой сфере и т.д.

В рамках развития внутреннего права государства в условиях глобализации прослеживается и другая структурная тенденция – нарастание процессуальности (процедурности) в правовом регулировании, что выражается в расширении сферы процессуального права, увеличении числа процедурно-процессуальных норм, усложнении процедуры, совершенствовании процессуальной формы. Процессуальное регулирование становится более четким и детализированным. В развитии процессуального права просматривается следующая важная закономерность: чем более развито общество, тем детальнее в законодательстве прорисовывается деятельность, связанная с охраной социального порядка, прав и свобод и законных интересов граждан и организаций [10, с. 231].

В современных глобализационных условиях возникают новые области социальной действительности, вызывающие расширение и углубление правового регулирования общественных процессов. Появились новые отрасли и институты права: информационное, космическое, медицинское и другие.

Фактором, в значительной мере определяющим указанную тенденцию, является научно-техническое, интеллектуальное развитие всей цивилизации. И, как следствие, научно-технический прогресс, помимо расширения сферы правовой регламентации, влечет эволюцию традиционных правовых институтов. В условиях научно-технического прогресса претерпевает важные изменения институт права собственности, что выражается в качественном и количественном изменении объектов права собственности. Так, появляются различные объекты интеллектуальной (литературной, художественной, промышленной и т.д.) собственности, которые требуют особой правовой регламентации [11, с. 276].

Внутреннее право современного государства должно учитывать в системе своих норм влияние глобализации на все сферы общественной жизни: материальное производство, социальные и политические отношения, духовную сферу. С одной стороны, внутреннее право государств должно развиваться и в своем развитии ориентироваться на ценности, по сути общие для всех государств и признанные таковыми международным сообществом, а с другой стороны – регулировать процессы, происходящие в государстве с учетом особенностей своего развития. Все это в итоге приведет к гармонизации внутреннего права государства и международного права.

Очевидно, что на современном этапе развития возникла серьезная озабочен-

ность перспективами национального государства в связи с процессом глобализации: это касается изменений как, происходящих в бытии государств, так и в представлении о государстве, неотделимых друг от друга. Образ государства трансформируется не только в теории, но и в обыденных представлениях, поскольку сегодня радикально изменяется картина мира.

Безусловно, в условиях глобализации центральное место в мировой политической системе будет занимать национальное государство. Процесс глобализации обуславливает изменение функций государства, трансформацию традиционных взглядов на государственный суверенитет, эволюцию внутреннего права государства, но тем не менее именно национальное государство будет определять и направлять развитие глобализационных процессов в мире.

Библиографический список

1. *Шестопал А.В.* Философские основы глобалистики: деконструкция и реконструкция всеобщей истории. Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997.
2. *Колесов В.П.* Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России. М., 2003.
3. *Явич Л.С.* О философии права на XXI век. М., 2000.
4. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2009.
5. *Меркулов М.М.* Проблемы современной экологической функции современного Российского государства: теоретико-правовой аспект. Ставрополь, 2002.
6. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
7. *Мальковская И.А.* Проблемы размывания государственности в условиях глобализации // Философия хозяйства. 2000. № 5 (11).
8. *Милушева Т.В.* Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2012.
9. *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3.
10. *Лукьянова В.Г.* Теория процессуального права. М., 2003.
11. *Поленина В.С.* Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

N.Ya. Chernyshkina
Higher Education Graduates
Employment: Practice
of Sociological Analysis

Issues of higher education graduates employment are considered and ways to improve the efficiency of the work in conditions of market economy are proposed. The results of the original author's polls concerning social problems of youth are presented.

Key words and word-combinations: higher education graduates, labor market, employment efficiency, young professional.

Рассматриваются вопросы трудоустройства выпускников вузов, предлагаются меры по повышению эффективности этой работы в условиях рыночной экономики. Представляются результаты авторских социологических опросов, посвященных социальным проблемам молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: выпускники вузов, рынок труда, эффективность трудоустройства, молодые специалисты.

УДК 316.334.2:378
ББК 60.561.2+74.58

Н.Я. Чернышкина

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Трудоустройство выпускников вузов – актуальная проблема, требующая объединения усилий вузовских коллективов, работодателей, государства, семьи и самих выпускников. Ежегодно около 500 тыс. абитуриентов приходят в вузы обучаться на средства государственного бюджета (в этом году – 490 тыс.) [1]. Значит, государство через 5–6 лет вправе ожидать появления такого же числа высококвалифицированных специалистов для решения задач обеспечения кадрами различных отраслей экономики и социальной сферы всех регионов страны.

Примерно 400 тыс. выпускников вузов 2013 г. озабочены поиском работы [2]. Молодые люди вынуждены искать в течение длительного времени первые рабочие места. Однако, потратив на поиски два – три месяца, они оседают, как правило, в том городе, где учились, и идут работать не по специальностям, которые получили: продавцами, офис-менеджерами, менеджерами по продажам, сиделками в больницах. Это касается выпус-

кников, как получивших образование на средства государственного бюджета, так и обучавшихся на коммерческих условиях.

Как показал опрос, проведенный специалистами портала Superjob.ru, в котором участвовало 8300 молодых респондентов, более всего тяготит необходимость «торговать, чтобы выжить», и беспокоит «профессия безработного» [3]. Рушатся надежды родных и самих молодых людей; возникают семейные конфликты; растут чувства разочарования, недовольства, недоверия власти и государству. Государство терпит убытки: с одной стороны, потрачены большие деньги (на одного студента в год тратится от 63 до 134 тыс. руб.) [4]; с другой стороны, потеряно время, государство не получило долгожданных нужных специалистов для различных регионов. Известна, например, одна тревожная цифра, характеризующая ситуацию с использованием молодых специалистов в 2011 г.: всего 5% выпускников педагогических вузов, получивших дипломы, отправляются работать в школы. Остальные 95% ищут себе применение в других сферах [5].

Согласно данным Министерства образования и науки РФ, в 2012 г. удельный вес трудоустроенных выпускников с высшим профессиональным образованием от общего выпуска составил 65% [6, с. 21]. Где еще 35%? Не дорого ли обходится такая расточительность государству? Проблеме трудоустройства выпускников вузов уделил большое внимание Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. Он отметил, что сегодня, в условиях, когда рынок становится более гибким, необходимо создавать условия для социальной мобильности молодежи, для тех, кто готов переехать в другой город, другой регион с учетом задач территориального развития и привлекательности бизнеса [7].

Анализируя проблемы молодежи на рынке труда в современной России, директор Центра социального проектирования и молодежной политики А.В. Коршунов высказал мнение, что положение молодежи на рынке труда отличается сложностью и противоречивостью, связанных с высоким уровнем потребности в молодежном труде и таким же высоким уровнем молодежной безработицы. Молодые люди с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке труда получают второе образование, используют дополнительную занятость, при этом фиксируется несоответствие качества образования требованиям рынка труда к молодым специалистам, что затрудняет процесс трудоустройства. Процесс эффективного трудоустройства носит преимущественно неформальный характер, что снижает уровень самостоятельности молодежи как при выборе сферы профессиональной деятельности, так и в процессе реализации в ней. Высокий уровень молодежной безработицы в стране связан с несоответствием заработной платы уровню образования молодежи и ее потребностям, что и становится причиной поиска работы в сферах, не связанных с полученной специальностью. Низкая оплата труда, ее несоответствие выбранной профессии и полученному образованию, ограничение социальной мобильности – эти тенденции способствуют росту неудовлетворенности трудоустройством и трудом в целом и, как следствие, снижению социального самочувствия молодежи [8, с. 44–45].

А.С. Готлиб рассматривает три группы факторов влияния на формирование адаптационных стратегий молодежи на рынке труда: социальные, личностные

и индивидуально-психологические. Среди наиболее значимых социальных факторов выделяются уровень и качество образования. Эмпирические данные подтверждают это и ставят успешность молодежи на рынке труда и в целом удовлетворенность жизнью в зависимость от уровня и качества образования [9, с. 84].

По оценке Президента РФ В.В. Путина, «качественное образование в Советском Союзе действительно играло роль социального лифта... Мы должны вернуть образованию это качество социального лифта для всех людей» [10, с. 5]. В результате глобального кризиса в промышленно развитых странах молодежь пострадала больше всех. Уровень безработицы среди молодежи увеличился на 4,1 процентных пункта в развитых странах и ЕС в 2008–2009 гг. и на 3,4 процентных пункта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (без ЕС) и СНГ, в том числе в России [11, с. 14]. Административный совет Международного бюро труда считает, что наличие четырех безработных среди каждых десяти молодых людей представляет собой социальную и экономическую катастрофу [11, с. 3].

Что помогает и что мешает трудоустройству молодых специалистов после окончания вуза? Эти вопросы ежегодно изучаются в том или ином аспекте социологической группой Поволжского института управления имени П.А. Столыпина: 2009 г. – «Как молодежь представляет работу и работодателя своей мечты?»; 2010 г. – «Труд как нравственная ценность молодежи»; 2011 г. – «Трудоустройство и защита трудовых прав молодежи». В марте – апреле 2013 г. социологическая группа института провела пилотажное исследование среди выпускников вузов г. Саратова по теме «Молодежь о своем настоящем и будущем». В случайную выборку вошли выпускники четырех вузов г. Саратова – Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовского аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратовской государственной юридической академии. Было опрошено 515 человек: юношей, мужчин – 172 (33%), девушек, женщин – 343 (66%). По семейному положению: женатых и замужних – 60 человек (11,6%), холостых и незамужних – 455 (88,4%).

Проблемы оказались общими. Прежде всего респонденты указали на неопределенность в трудоустройстве и безработицу (даже дипломы об окончании престижных вузов не гарантируют работы), что может реально разрушить все мечты, планы и надежды – почти 56%; низкие зарплаты – 22%; отсутствие жилья – 17,4%. Почти 78% выпускников указали на недостаток информации о вакансиях по специальностям по регионам и по стране в целом.

Молодые люди хотят трудиться и видеть свои перспективы, поэтому считают одной из мер, способствующих успешному трудоустройству, заключение договора или контракта, как в армии. 67,4% респондентов высказались «за» из числа тех, кто обучается за счет средств федерального бюджета, «против» – 12%; 65,2% – «за» из числа тех, кто обучается на коммерческих условиях, «против» – 10%. Итак, практически одинаковое число выпускников, обучающихся на средства государственного бюджета и на коммерческих условиях, предлагают как возможный вариант успешного трудоустройства заключение контракта на 2–3–5 или даже более лет, в котором бы были указаны условия в

соответствии с Трудовым кодексом РФ (подъемные, жилье, достойная зарплата, социальные гарантии (социальный пакет), карьерный рост, возможность повышения профессионального образования, социальная инфраструктура (детские сады, дороги, больница, школа и т.д.). Это, по мнению респондентов, повысит имидж молодого специалиста.

Согласны заключить договор (контракт) практически все респонденты, независимо от источников обучения: на 2 года – 24%, на 3–5 лет – 47,4%, на 10 лет – 16,7%, на срок по соглашению сторон – 10,7%. Желание выпускников заключить контракт (договор) может помочь государству решать народно-хозяйственные задачи по развитию и обустройству Сибири, Дальнего Востока и других регионов, где не хватает специалистов. Это огромный государственный кадровый источник и резерв: приедут молодые, энергичные, работоспособные люди, полные надежд и готовые работать, будут обустраиваться, создавать семьи, рожать детей, включаться в жизнь региона.

Проведенное социологическое исследование показало, что сегодня 71% родителей опрошенных молодых респондентов принимают активное участие в определении жизненной стратегии своих детей, весьма ответственно относятся к определению их будущей профессии. Одних в конкретную профессию зовет романтика, других – семейная традиция, некоторых – высокая зарплата. Сегодня до 75% выпускников обычных школ и 90% учащихся гимназий стремятся получить высшее образование [1; 12; 13, с. 5]. Три четверти россиян поддерживают своего ребенка, если он решит сделать карьеру в науке. По сравнению с 2009 г. россияне гораздо чаще стали считать науку сферой, перспективной для их детей и внуков [14].

Учитывая уровень прожиточного минимума для взрослых и детей и цены на промышленные и государственные товары в современных условиях России, молодежь считает, что для семьи из двух человек достаточно 25–40 тыс. руб. в месяц, для семьи с одним ребенком – 35–50 тыс. руб., для семьи с двумя детьми – от 50 тыс. руб. и выше. Ответы на вопрос о доходах семьи при наличии детей свидетельствуют о том, что молодые люди относятся к жизни ответственно и осознают, какие средства необходимы для обеспечения детей, их воспитания и обучения.

Серьезной проблемой для выпускников является жилье. По мнению 60% молодых респондентов, проценты на ипотеку очень высокие. Ипотека для приобретения жилья должна, по их мнению, предоставляться под 4–5%. При рождении первого ребенка ипотека должна снижаться на 2% – так считают 34% респондентов, при рождении второго ребенка – на 3%, считают 47,4%, то есть к рождению третьего ребенка ипотека должна быть практически погашена.

В заключении договора или контракта молодежь видит эффективный путь использования выпускников вузов, соответствующий интересам государства, вуза, работодателей и выпускников. По мнению респондентов, необходимо создать определенную систему информирования. В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ поставил задачу «оказать информационную поддержку выпускникам, включая создание общефедеральной базы вакансий, чтобы каждый человек мог увидеть, в каком регионе он может найти хорошую работу» [7].

Молодежь преодолает трудности, но она должна чувствовать, что необходима государству, что полученная специальность востребована. Это будет вызывать гордость, поднимать личный статус выпускника вуза. В.О. Ключевский подчеркивал: «Человек украшает то, в чем живет его сердце, во что кладет он свою душу, свои умственные и нравственные усилия» [15, с. 29–30].

В каждом российском вузе страны функционирует служба содействия занятости и трудоустройства – центр карьеры. С учетом обоюдных высоких требований работодателей и выпускников в условиях рынка необходимо иметь полный банк данных о потребностях в кадрах по всем специальностям во всех регионах России. Центр карьеры как подразделение вуза выступает в качестве связующего звена между работодателями, школьниками, студентами и выпускниками, предоставляя им разносторонние услуги по планированию и развитию карьеры, помогая в поиске работы и стажировок, определении карьерной стратегии.

В помощь вузовским центрам карьеры по информированию о местах стажировок для студентов и вакансий по стране для выпускников создан новый аналитический и информационный общегосударственный ресурс – Навигатор центров карьеры вузов – в рамках направления «Профорентация» Федерального агентства по делам молодежи (ФАДМ), охватывающий сегодня 330 вузов страны из 79 субъектов России [16, с. 28–29].

Молодые специалисты – выпускники вузов как один из основных резервов кадров выступают одним из путей модернизации страны, ее научного, технического, технологического, экономического и культурного прорыва, повышения международного престижа.

Библиографический список

1. Дуэль А. В руках и на небе // Рос. газ. 2013. 23 июля.
2. Ивойлова И. Вкус свежей «корочки» // Рос. газ. 2013. 2 июля.
3. Добрынина Е. Какими ремеслами мы брезгуем. Ненавижу эту работу // Рос. газ. 2013. 12 сент.
4. Борисова И. Почем теперь студенты? // Рос. газ. 2013. 2 июля.
5. Расписание на завтра // Лит. газ. 2011. 31 авг. – 6 сент.
6. Серова Л.М., Мазаева К.А. Трудоустройство выпускников по данным мониторинга учреждений профессионального образования // Высшее образование в России. 2013. № 3.
7. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ // Рос. газ. 2013. 13 дек.
8. Кориунов А.В. Адаптационные стратегии молодежи на российском рынке труда // Молодежь и общество. 2012. № 1.
9. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности – неуспешности // Социологические исследования. 2001. № 7.
10. Путин В.В. Общероссийский народный фронт должен приобрести качество общественного движения // Наша молодежь. 2013. № 7 (49).
11. Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать // Молодежь и образование. 2012. № 8.
12. Смольякова Т. Я начальник, а кто ты? // Рос. газ. 2012. 11 дек.
13. Белоцерковский А.В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках // Высшее образование в России. 2012. № 7.
14. Добрынина Е. Наукой юношей питают // Рос. газ. 2013. 19 февр.
15. Ключевский В.О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М., 1990.
16. После окончания вуза // Наша молодежь. 2013. № 23(65).

M.I. Mufazdalov
Social Transformation
of Professional Police
Community

The processes of modern Russian state marginalization are considered in the context of police professional community social status changing. The process characteristics are analyzed taking into account the position and role of police professional community in shaping the trends of social mobility.

Key words and word-combinations: marginalization, stratification, social mobility.

Рассматриваются процессы маргинализации населения современного Российского государства в контексте изменения социального статуса сотрудников правоохранительных органов. Анализируются особенности данного процесса, учитывающие место и роль правоохранительной системы в формировании тенденций социальной мобильности.

Ключевые слова и словосочетания: маргинализация, стратификация, социальная мобильность.

УДК 316.34/.35:342.56
ББК 60.54+67.7

С.И. Муфаздалов

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

За последние два десятилетия состоялось несколько этапов реформирования системы охраны правопорядка в современном Российском государстве. Одной из причин того является недовольство элит, общественности той ролью, которую играют правоохранительные органы. Они подвергаются серьезной атаке со стороны средств массовой информации, их действия критикуются чиновниками высокого ранга на федеральном и региональном уровнях. Но за этой критикой, трансформациями и переименованиями теряются из виду проблемы положения работника правоохранительных органов в современной социальной системе нашего государства. Изменение социальной системы, которое произошло в России за два последних десятилетия, связано с процессами переструктурирования социальной, политической, экономической систем, что влечет изменение стратификационных иерархий, способов реализации социальной мобильности, размывание границ между относительно однородными ранее группами. Все это в конечном итоге связано с трансформацией множества групповых идентичностей, маргинализацией членов этих групп.

Что происходит со статусными характеристиками сотрудников правоохранительных органов, в каком направлении меняется оцен-

ка их деятельности, как выглядит социальный портрет успешного сотрудника? Эти вопросы редко рассматриваются в российской науке, мало анализируются. Исследовательский интерес должны вызывать тенденции, уже проявившиеся после произошедших системных перемен. Необходимо понять параметры общества, сформировавшегося за последнее время в результате серьезных трансформаций.

Понятие маргинализации следует использовать как характеристику процессов в определенной группе, приводящих к разрыву устойчивых связей внутри нее, потере точной самоидентификации ее членов. Эти процессы обычно связываются с понижением социального статуса членов группы, нисходящей мобильностью ее членов. В нашем случае контекст маргинализации рассматривается именно с точки зрения формирования размытой границы, конфликта между статусами, которые пытается занять человек. Само понятие «маргинализация», на наш взгляд, требует точного определения [1, с. 1–29], однако формирование неустойчивых статусов в среде правоохранительных органов с точки зрения анализа конфликта между статусной группой и связанными с ней референтными группами возможно в рамках анализа источников и механизмов маргинализации, воздействующих на сотрудников правоохранительных органов. В качестве проблемных вопросов можно выделить не только положение сотрудников в системе социальных статусов, но и о возможные перспективы окончания карьеры, шансы устроиться на работу за пределами правоохранительной системы, наличие социальных гарантий, достижение определенного уровня стабильности, материального благополучия.

Как сами сотрудники правоохранительных органов относятся к вопросам формирования новых систем неравенства, взаимодействия с группами, которые считаются маргинальными? В исследовании Н.М. Римашевской рассматривается проблема маргинализации населения России, очерченной четкими временными границами – конец 1990-х годов [2]. Автор справедливо отмечает, что статистические показатели, на которые опирается официальная система анализа формирования класса бедных (прожиточный минимум в 1960–1970-х годах; бюджет минимума материальной обеспеченности до 1990-х годов; бюджет прожиточного минимума после начала девяностых) и которые не только меняли границу бедности, но и изменялись структурно (например, по доле продуктов питания), не позволяют раскрыть причины социальных изменений. В этом анализе важна интерпретация данных социологического опроса экспертами, среди которых были в том числе и работники правоохранительных органов. Опрос проводился в 1996 г. Основным критерий включения в группу экспертов – взаимодействие по долгу службы с представителями маргинальных групп (группы, имеющие низкий социальный статус). На тот момент эксперты воспринимали проблему маргинализации, перехода в статус бедных более остро по сравнению с обычными людьми. Почти 90% экспертов утверждали, что процессы формирования новых бедных (используется транслитерированный термин «паупер») угрожают самому существованию Российского государства, что эти процессы ведут к усилению агрессивности населения, угрозе общественной безопасности. Основной причиной называлась принятая в то время социальная поли-

тика, которая умножала эффекты, приводящие к обнищанию населения и связанные с понижением уровня социальной поддержки одиноким пенсионерам, инвалидам, монородительским семьям, социальной изоляцией от рынка труда, системы образования, здравоохранения.

Сотрудники правоохранительных органов, выполняя свои служебные обязанности, чаще остальных граждан сталкиваются с проявлениями конфликтов между интересами различных социальных групп. С.М. Федюнина осуществила сравнительный анализ общественного мнения граждан нашей страны и сотрудников органов внутренних дел с точки зрения их оценок конфликтности проблемы межэтнического взаимодействия [3]. О негативном влиянии мигрантов на криминогенность ситуации указывают сотрудники органов внутренних дел числом почти вдвое больше (70%), чем граждане, участвующие в общероссийском опросе (43%). Это соотношение демонстрирует особое отношение правоохранителей к причинам и методам решения проблем в обществе, устранению источников конфликтов. С нашей точки зрения, необходима специальная стратегия профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, направленная на формирование компетенций в вопросах восприятия различных культур, недискриминационной модели поведения.

Представляется важным рассмотреть проблему изменения статуса собственно сотрудников правоохранительных структур. Целая серия исследований анализирует этот процесс именно в терминах маргинализации. В постсоветское время формируется определенная система, которая связана с неформальными защитными механизмами различных социальных групп, стремящихся сохранить свое положение в обществе или улучшить его. Часть профессиональной деятельности приобретает характер неформальных практик, способствующих частичному переносу их в сферу теневых, криминальных отношений, объединяющих в себе множество областей – от экономики до образования, политики. Данный процесс связан с вовлечением значительного числа социальных групп и способствует формированию в стране нелегальных рынков. В 1990-х годах работники правоохранительных органов оказались в центре нелегального рынка купли-продажи политических и юридических услуг, связанных с оформлением документов, выполнением не свойственных полиции функций. Этот пласт теневой экономики, непосредственно связанный с формированием новых социальных условий, нашел отражение в изменении структуры уголовного наказания за корыстные преступления. Так, в 1996 г. сотрудники правоохранительных органов по доле (26,5%) привлеченных к ответственности государственных служащих занимали второе место и уступали только сотрудникам министерств, комитетов и иных органов государственного управления (41,1%) [4].

Участие граждан в неформальных практиках можно объяснять тем, что они пытаются адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, устраняющим этические и моральные барьеры, сформированные ранее. Объяснение указанных трансформаций лежит не только в рамках изменения ценностно-мотивационных комплексов социальных групп, но и в природе связей формальной и неформальной экономик. Такая постановка вопроса позволяет лучше

понять причины появления неформальных повседневных практик в условиях размывания границ между социальными группами [5]. Данный тезис важен по той причине, что негативные явления в правоохранительных органах, процессы маргинализации необходимо понимать в широком контексте, учитывая стратегии адаптации социальных акторов и последствия для них институциональных изменений.

Следующим важным этапом маркирования маргинализации правоохранительных органов является этап, сформировавшийся к началу нового тысячелетия. Он характеризуется введением в оборот в средствах массовой информации понятий «милицейская крыша» и «оборотни в погонах». В силу очевидных преимуществ перед другими возможностями защиты такого инструмента, как «милицейская крыша» начался процесс быстрого вытеснения конкурентов на рынке услуг по охране бизнеса. К концу 1990-х годов подобная практика заняла доминирующее положение, оставив тем не менее некоторые ниши для легальных коммерческих и криминальных механизмов защиты. Роль последних к настоящему времени снизилась, но они не исчезли и продолжают существовать [6].

Не обсуждая эффективность механизмов реформы правоохранительной системы, можно ограничиться лишь замечаниями по поводу важности ее составляющих. По мнению Е.И. Жуковой большое значение имеет то, что в органах МВД сосуществуют два поля профессиональной культуры, вступающих в противоречие [7, с. 131–138]: во-первых, стабильное, в основном отвечающее высоким стандартам профессионализма и нравственно-этическим принципам; во-вторых, неустойчивое, с размытыми границами между требованиями законов, служебной дисциплиной и привычками среды, в которой проходит жизнь.

Автор считает, что эти два варианта неравномерно распределены между различными уровнями кадрового состава: первый характерен для офицерского состава, второй – для рядового. Данный процесс требует действенных шагов по сближению этих культур в направлении первой, что и происходит в рамках МВД на фоне критики системы извне.

Социальная норма может выступать и как целостный фрагмент социальной деятельности, и как образец поведения, иллюстрирующий личности скорее свою общепринятость, а не должностование. В этом смысле можно характеризовать процессы маргинализации в терминах типов управления в правоохранительных органах. По мнению В.И. Курушина основным типом последнее время является рационально-бюрократический, в ответ на дисфункциональность современной бюрократической организации предлагающий трансформировать существующие ценности и цели до определенного предела рациональности (участие сотрудников МВД в регулировании рынка, но с поддержкой имеющихся бюрократических механизмов) [8].

Подводя итоги исследования, следует отметить важность анализа процессов маргинализации в рамках определенных социальных групп, фокусируясь при этом на параметрах правоохранительной системы, социальном самочувствии ее сотрудников. Новые маргиналы, зачастую имеющие высокий уровень образования, профессиональную квалификацию, систему потребностей, большие со-

циальные ожидания, начинают действовать в соответствии с собственными целевыми установками, игнорируя устоявшиеся нормы и правила. Данный феномен необходимо рассматривать в широком контексте социальных преобразований в стране.

Сегодня сотрудники правоохранительных органов переживают период существенных изменений в сфере социального благополучия, стратегии и тактики получения желаемого статуса, достижения материальной стабильности. Эти доминанты вступают в противоречие с общим контекстом реформирования правоохранительной системы, ведут к появлению неформальных практик, выходящих за пределы легитимности. В последние годы была проведена целая серия реформ, сопровождающихся переаттестацией, сокращением штата правоохранительных органов, намерениями увеличить заработную плату. Эти реформы подвергаются критике, но позволяют надеяться на позитивные результаты. Вместе с тем они требуют постоянных усилий государства и общества. Масштабы явления заставляют учитывать в этих реформах параметры не только правоохранительной системы, но и социально-экономической политики, осуществляемой государством. Процессы изменения статусных характеристик сотрудников правоохранительных органов влекут за собой противоречивые последствия. Тенденции, сложившиеся к настоящему времени, имеют разнонаправленный характер и могут сопровождаться как повышением, так и снижением их статуса в обществе.

Библиографический список

1. Маргинальная преступность: комплексное исследование / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2010.
2. Римащевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–43.
3. Федюнина С.М. Толерантность к межэтническим взаимодействиям с мигрантами в установках сотрудников силовых структур // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 151–158.
4. Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 1. С. 25–39.
5. Раунд Дж., Уильямс К., Роджерс П. Повседневные тактики и пространства власти в повседневной жизни: роль неформальных экономик в постсоветской Украине и аспекты социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 3. С. 405–424.
6. Латов Ю.В. «Экономика рэкета» в постсоветской России // Поиск эффективных институтов для России XXI века: Интернет-конф. (27.10.2003–27.12.2003) // Федеральный образовательный портал «Экономика, социология, менеджмент». URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16214862.html>
7. Жукова Е.И. Социокультурные предпосылки формирования профессиональной культуры кадров органов внутренних дел. Саратов, 2009. С. 131–138.
8. Курушин В.И. Ценностно-нормативные регулятивы модернизации управления профессиональной подготовкой кадров в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Саратов, 2004.

К.М. Kerimi
Forming Professional Identity
of a Tourism Specialist in
Conditions of a City Social Space
(by the example of Saratov)

The results of author's research of tourism specialist social space, represented by educational, professional and tourist fields are analyzed.

Key words and word-combinations: professional identity, tourism, resources of social space.

Анализируются результаты авторского исследования социального пространства специалиста сферы туризма, представленного образовательным, профессиональным и туристским полями.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная идентичность, туризм, ресурсы социального пространства.

УДК 338.48(470.44)
ББК 65.433(235.54)

К.М. Керими

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТА
СФЕРЫ ТУРИЗМА
В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВА)**

Интеграционные процессы в сфере туризма наряду с усилением конкурентной борьбы на мировых рынках определяют индустрию туризма как одну из самых неоднозначных, находящуюся в состоянии перманентных изменений. Осознание важности развития туризма в качестве одной из уже не столько перспективных, сколько реальных отраслей экономики на различных уровнях (глобальном, локальном) предопределено попытки трансформации отрасли в положение устойчивого развития. Проект Государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма», утвержденный Правительством в 2012 г., является подтверждением системности выработанного подхода в управлении сферой российского туризма. В этом документе сформулированы основные направления развития туротрасли, отражены запланированные размеры въездного и внутреннего турпотока и объемы оказываемых туристам платных услуг. По словам вице-президента Российского союза туриндустрии Юрия Барзыкина, приоритетное направление программы – это регионализация турбизнеса, передача основных полномочий в регионы, развитие внутреннего туризма в России. Он выразил мнение, что успешность программы

будет во многом зависеть от последующих действий и наличия необходимых ресурсов, в том числе и кадровых.

С переходом от плановой экономики к рыночной наблюдается смена привычного трудового уклада: работать на одном производстве с вынужденным уходом из профессии в непредсказуемых условиях российского капитализма и, как следствие, переход от экстернальности к личной ответственности сотрудника на протяжении всего процесса профессионализации. Наблюдаемая диверсификация экономики в условиях глобализирующегося мира привела к появлению новых профессий в сфере туризма (аниматор, трансфермен), следствием чего выступает нечеткое представление специалистов о конструировании своей профессиональной идентичности.

Процесс формирования профессиональной идентичности в сфере туризма во многом обусловлен характером сферы туризма как сервисной деятельности, что выражается в требованиях к специалисту. Наличие определенных личностных качеств зачастую играет доминирующую роль в карьерном продвижении. Формируются дополнительные возможности в выборе индивидуальных образовательных и профессиональных стратегий, что требует переориентации специалиста на максимальное использование как собственного человеческого капитала, так и ресурсов социального пространства.

Развивая идею детерминированности процесса формирования профессиональной идентичности специалиста сферы туризма в рамках деятельностно-активистского подхода В.А. Ядова [1], теории социального пространства П. Бурдье [2], теории структуризации Э. Гидденса [3], следует рассмотреть внешние факторы, влияющие на ее формирование. Совокупность внешних факторов представлена социальным пространством актора, которое может определяться как «набор возможностей действия» [4, с. 49] с присущими ему ресурсами. Формирование профессиональной идентичности специалиста сферы туризма обусловлено, по мнению И.В. Зорина [5, с. 327], взаимодействием трех типов полей: образовательного, профессионального, туристского.

В данном случае необходимо исследование ресурсов социального пространства специалиста сферы туризма на примере регионального центра – города Саратова. Изучение образовательного поля осуществлялось посредством контент-анализа информации об образовательной выставке «Образование. Карьера. Занятость» [6]. Решение о проведении первой выставки «Образование и карьера» было принято в 1994 г. по инициативе рабочей группы, состоявшей из руководителей ведущих вузов Москвы. Целью выставки стала «насущная необходимость поднять престиж российского образования... и желание организаторов предоставить российской молодежи наиболее полную информацию о возможностях получения образования в России и за рубежом» [7, с. 39]. Задачами выставки являются распространение данных о вакансиях и консультирование по вопросам трудоустройства, представление последних достижений индустрии образования.

Организуемая в Саратове специализированная выставка «Образование + карьера» проводится ежегодно, начиная с 2007 г. В ходе проведенного анализа отмечен позитивный сдвиг в пользу увеличения спектра образовательных услуг,

отвечающих потребностям широкого круга потенциальных клиентов как по возрастному критерию, так и разнообразию востребованных областей знания. Основной причиной проблемной ситуации на рынке образовательных услуг сферы туризма и социокультурного сервиса остается отсутствие социального заказа и научно обоснованной потребности в таких специалистах [8, с. 311]. Разработка отраслевой потребности в кадрах должна учитывать количественные и качественные параметры, что является основой профессионального развития кадрового потенциала.

В Саратовской области сфера профессионального туристского образования представлена тремя высшими учебными заведениями: Саратовским государственным техническим университетом им. Гагарина Ю.А. (кафедра «Менеджмент туристического бизнеса»); Саратовским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского (кафедра «Туризм и культурное наследие»); Саратовским социально-экономическим институтом (филиалом) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (кафедра гостиничного и туристического бизнеса). Каждый вуз в рамках государственного образовательного стандарта реализует собственный подход к подготовке специалистов сферы туризма. Однако отсутствие общей концепции и единой стратегии развития региона как туристического направления отрицательно сказывается на видении качественного и количественного характера подготовки специалистов туризма и социокультурной сферы.

Направленные на развитие туризма проекты и инициативы, осуществляемые как на национальном, так и на региональном уровнях, формируют профессиональное пространство специалиста в сфере туризма. Проведенный контент-анализ представленных на официальном сайте министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области [9] объявлений о событиях в сфере туризма, анонсированных за период с 21 февраля 2006 г. (с момента запуска сайта) по 1 октября 2012 г., дает возможность предметно исследовать и сформировать мнение о качественном и количественном содержании ресурсов профессионального пространства специалиста в сфере туризма на примере Саратовской области (таблица).

**Мероприятия в сфере туризма
в Саратовской области, 2006–2012 гг.**

Наименование мероприятия	Выставки	Семинары	Пресс-туры (из них инфотуры)	Совещания (экспертные советы)	Форумы	Конкурсы	Фестивали	Конференции
Количество	17	8	8 (3)	5	14	17	5	15

Таким образом, «потребление» специалистом сферы туризма выявленных ресурсов оказывает влияние на формирование его профессиональной идентичности.

Среди инициативных практик, формирующих профессиональное пространство специалиста сферы туризма, выделяется национальный всероссийский проект «Город России. Национальный выбор», направленный на выявление наиболее значимого и символического города с помощью голосования Интернет-пользователей. Целью проекта является становление и укрепление национальных цен-

ностей, поддержания интереса к истории и культуре, формирование гордости и уважительного отношения к историко-культурному наследию российских городов, следствием чего, по мнению разработчиков и экспертов, станет продвижение и повышения имиджа городов и регионов на национальном и международном уровнях. Эффективным инструментом для этого признан геобрендинг – создание бренда города или региона. В частности, по итогам голосования в 2012 г. Саратов занял 13 место из 81 [10]. Возобновившееся голосование в 2013 г. по данным на 1 марта 2013 г. [11], определило Саратов в десятку городов России, набравших наибольшее число голосов. Эти данные могут расцениваться как показатель интереса к родному городу среди местного населения.

Результаты другого реализуемого проекта – создания тематического парка «Россия» – были получены путем открытого голосования (в опросе приняли участие около 3000 человек), итоги были подведены в конце 2012 г. По итогам отобрано семь наиболее значимых экспонатов, проранжированных по степени популярности среди населения Саратовской области, которые войдут в экспозицию региона в рамках парка «Россия»: автодорожный мост между городами Саратов и Энгельс, место приземления Ю.А. Гагарина, Саратовская консерватория имени Л.В. Собинова, Парк Победы, Утес Степана Разина, Саратовский художественный музей имени А.Н. Радищева, городской парк в Саратове. Проект реализуется по инициативе Русского географического общества и Правительства Московской области при поддержке Президента РФ. Парк площадью 1000 га планируют расположить в Московской области на территории городского округа Домодедово. Он представляет собой ландшафтно-рекреационный комплекс на основе природных, архитектурных и исторических памятников, а также культурных и научно-технических достижений России. В нем будут собраны достопримечательности нашей страны в уменьшенном виде [12]. Данный проект не имеет аналогов в мире.

Министерство молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области реализует мероприятия локального характера, направленные на поддержание и развитие туризма региона. Так, в 2012 г. состоялась первая региональная туристическая выставка «Путешествуй по Саратовской области», приуроченная к празднованию Всемирного дня туризма. В рамках мероприятия была представлена деятельность туристических компаний, саратовских вузов, музеев, гостиничных и сувенирных предприятий, а также состоялось заседание экспертного совета по вопросам развития внутреннего и въездного туризма. Министерство возобновило проведение пресс-туров, осуществляемых во взаимодействии с турфирмами города и направленных на приобщение местного населения к практикам туризма и путешествий. Сложно переоценить значимость развития туризма для Саратовской области, поскольку наличие богатейшего историко-культурного наследия, благоприятные природно-климатические условия создают основания для интенсивного развития различных видов туризма: культурно-познавательного, круизного, лечебно-рекреационного, делового, событийного, сельского. По мнению О.В. Лысиковой, особые перспективы в Саратовской области имеют экологический и индустриальный туризм [13, с. 57].

Итак, профессиональная идентичность специалиста сферы туризма является

сложным комплексом различных аспектов взаимоотношений актора с ресурсами социального пространства, представленного туристским, образовательным и профессиональным полями, а также базовой категорией в профессиональной туристской деятельности актора, основой его успешной карьеры и необходимой предпосылкой реализации человеческого капитала в контексте социального пространства. Результаты эмпирического исследования отражают современное состояние ресурсов социального пространства специалиста сферы туризма Саратова.

Библиографический список

1. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
2. Социология социального пространства: в 2-х т. / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шмякю. М.; СПб., 2005.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005.
4. Левада Ю. К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М., 1993.
5. Зорин И.В. Профессиональное туристское образование и карьера в туризме. М., 2005.
6. URL: <http://expo.sofit.ru/exhibitions>
7. Булгакова Е. Образование и карьера в XXI веке: новые горизонты // Платное образование. 2004. № 9 (23). С. 38–41.
8. Керими К.М. Профессиональное образование в сфере туризма как залог успешной карьеры специалиста // Молодые ученые – науке и производству: мат-лы конф. Саратов, 2007.
9. URL: <http://www.tourism.saratov.gov.ru>
10. URL: <http://город-россии.рф/res>
11. URL: <http://город-россии.рф/rating>
12. URL: <http://www.sport.saratov.gov.ru/news/tourism/>
13. Лысикова О.В. Birdwatching как перспективное направление экологического туризма в Саратовской области // Науч. труды национального парка «Хвалынский». Вып. 4. Саратов; Хвалынский, 2012.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

S.N. Ostapenko
The Methodical Approach
and the Results of the Industrial
Enterprises' Innovativeness
Evaluation (by the example
of the JSC «'Almaz – Antey' PVO
Concern»)

The methodical approach to evaluation of the enterprises' innovativeness is considered. The criteria of innovative activity development of industrial enterprises are analyzed by the example of an operating Concern.

Key words and word-combinations: innovation, development, productive capacity, enterprises' innovativeness, technological changes.

Рассматривается методический подход в оценке инновационности промышленных предприятий. Анализируются критерии развития инновационной деятельности промышленных предприятий на примере действующего Концерна.

Ключевые слова и словосочетания: инновация, развитие, производственная мощность, инновационность предприятия, технологические изменения.

УДК 338.45
ББК 65.30

С.Н. Остапенко

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «КОНЦЕРН ПВО «АЛМАЗ – АНТЕЙ»)

Актуальность проблем инновационного развития экономики государства в целом и производственно-технологического потенциала в частности требует разработки методических подходов к оценке уровня инновационности процессов развития промышленных предприятий. Существуют требования нормативных документов к процессам инновационного развития, классификация инноваций, результаты анализа и обоснование выбора базовых определений, позволяющие с использованием предложенного методического подхода оценить результаты инновационной деятельности менеджмента промышленных предприятий ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей» (далее – Концерн) по реструктуризации и развитию производственного потенциала.

Под инновационным развитием понимается деятельность компаний, относящаяся к одной из следующих ее категорий: освоение новых технологий; разработка и выпуск инновационных (новых) продуктов; инновации в управлении [1].

В информационных источниках приводятся следующие определения инноваций. Во-первых, введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара, услуги) или процесса, нового метода маркетинга, нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связей [2]. Во-вторых, все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью. Некоторые виды инновационной деятельности являются инновационными сами по себе; другие, не обладающие таким свойством, тоже необходимы для осуществления инноваций [2]. В-третьих, идея, имеющая своей целью обрести экономическое содержание и быть востребованной обществом [3]. В-четвертых, идея, товар или технология, запущенные в массовое производство и представленные на рынке, которые потребители воспринимают как совершенно новые или обладающие уникальными свойствами [4].

Инновационной деятельностью считается процесс, охватывающий создание и внедрение новой продукции, новых технологических процессов и форм организации производства, освоение новых рынков, новых процессов управления производством и предприятием, решение социально-экономических задач, формирование соответствующих им финансовых инструментов и организационных структур [5].

Исходя из данных определений, инновации в различных областях деятельности предприятий классифицируются как технологические, продуктовые, процессные, организационные [5]. По уровню новизны выделяются два вида инновационных товаров, работ, услуг, процессов: вновь внедренные или подвергавшиеся значительным технологическим изменениям и подвергшиеся усовершенствованиям. По сфере распространения инновации разделяются на глобальные, национальные, региональные, локальные. Таким образом, инновационность предприятия (организации) включает перечень инноваций согласно классификатору и характеристику инновационной деятельности (инновационного развития) в виде совокупности ключевых показателей [6; 7; 8].

Задача квалификации и оценки уровня инновационности промышленных предприятий состоит в обосновании соответствия мероприятий, направленных на развитие их производства, требованиям инновационности и формировании на этой основе перечня целевых производственно-технологических показателей, позволяющих получить количественные оценки инновационности и сформировать практические мероприятия в программах реструктуризации и развития предприятий по достижению требуемых результатов.

Исходя из определений и целевых показателей развития предприятий для оценки эффективности процессов их развития, следует, что деятельность промышленных предприятий, направленная на улучшение их состояния в финансово-экономической, производственно-технологической, организационной (управленческой) областях интенсивными методами, то есть методами, направленными на улучшение качественных характеристик в этих областях [9], соответствует требо-

ваниям, предъявляемым федеральными органами к инновационной деятельности, и может квалифицироваться как инновационная деятельность. Показатели, характеризующие результативность инновационной деятельности, могут оцениваться на соответствие нормам, установленным для интенсивного развития.

Оценка инновационности промышленных предприятий Концерна осуществлялась по группе целевых показателей, отражающих характер изменения состояния предприятий [6]. Различают два «предельных» типа процессов развития производства – интенсивный и экстенсивный [9]. Если развитие предприятия характеризуется ростом отдачи производственно-технологических факторов, то осуществляется интенсификация процесса производства; если вовлекаются дополнительные ресурсы, а изменения качественных показателей не происходит, то развитие носит экстенсивный характер.

Как правило, анализ деятельности предприятия проводится по показателям, формируемым как отношение результатов к потребляемым ресурсам. Рост подобных показателей свидетельствует об интенсификации производства. Достижение роста такого показателя при сохранении или незначительном увеличении привлекаемого ресурса возможно только за счет использования в производстве прогрессивных оборудования, процессов, технологий, интеллектуальных результатов научно-технического прогресса.

Согласно принятым определениям инновационному характеру деятельности предприятия соответствуют только интенсивные (а не экстенсивные) методы, приводящие к снижению себестоимости и трудоемкости изготовления продукции, росту производительности труда [5; 9]. Для анализа результатов деятельности промышленных предприятий Концерна применяется следующий набор основных показателей: объем реализации продукции и услуг и динамика его изменения, отражающие востребованность продукции (услуг) предприятия на рынках, в том числе внешних; динамика себестоимости продукции (услуг), отражающая организационные и производственные процессы, и мероприятия, направленные на повышение результативности работы предприятия; доля производственного персонала, непосредственно создающего добавленную стоимость, в общей численности персонала предприятия, а также показатели выручки и выработки по добавленной стоимости одного работающего, отражающие эффективность мероприятий по повышению производительности труда; соотношение динамики изменений производительности труда и заработной платы; объем вложений в техническое перевооружение; результаты инвестиций в технологическое развитие предприятий, выражающееся в росте доли нового (< 5 лет) и автоматизированного оборудования; коэффициент использования производственных мощностей.

Изменения данных показателей (фактические и прогнозируемые) за период с 2008 по 2015 г., соотношение темпов их изменений по плановым периодам позволяют оценить эффективность менеджмента Концерна и входящих в него предприятий, а также сформировать условия для оценки соответствия результатов деятельности и реализуемых мероприятий требованиям инновационности. Количественная оценка уровня инновационности развития предприятия может быть осуществлена согласно условиям (1), характеризующим интенсивный характер процессов развития.

$$\begin{aligned}
\frac{dN}{dt} &> 0, ; \\
\frac{dP}{dt} &< \frac{dN}{dt} ; \\
\frac{dS}{dt} &< \frac{dK_{\text{фо}}}{dt} > 0; \\
0 &< \frac{dB}{dt} > \frac{dN}{dt} ,
\end{aligned}
\tag{1}$$

где N – годовой объем реализации продукции (выручка), тыс. руб.;

B – годовая выработка по добавленной стоимости одного работающего, тыс. руб. [7];

S – стоимость активной части основных производственных фондов, тыс. руб.;

$K_{\text{фо}}$ – фондоотдача основных производственных фондов, тыс. руб.;

P – численность персонала, чел.

Физический смысл условий (1) достаточно прост: при увеличении объема продаж требуемый положительный результат деятельности предприятия (чистая прибыль) должен достигаться ростом эффективности использования персонала, повышением фондоотдачи и ростом производительности труда, в том числе за счет технического переоснащения, повышением эффективности использования производственных мощностей.

Кроме того, рассматриваются показатели, характеризующие состояние и использование производственных фондов и динамику их изменения:

e_n – доля нового (моложе 5 лет) оборудования в общем количестве оборудования основного производства;

e_a – доля автоматизированного оборудования (обрабатывающие центры, станки с ЧПУ, агрегатные линии) в общем количестве оборудования основного производства;

$K_{\text{исп.м}}$ – коэффициент использования среднегодовой производственной мощности.

Учитывая дискретный характер получения информации по переменным, входящим в условия (1), можно воспользоваться неравенствами в виде приращений с соответствующим шагом за анализируемый интервал времени. Для оценки инновационности характера основной деятельности в табл. 1 приведены изменения показателей, а в табл. 2 – оценки интенсивности мероприятий по развитию среднестатистического промышленного предприятия Концерна согласно условиям (1) и их соответствие требованиям.

Требования к темпам изменения показателей определялись из условия достижения в рассматриваемый период значений этих показателей, установленных для современных предприятий программами их реструктуризации и развития (10, 20, 70% соответственно), согласно выражению:

$$\Delta_{\sigma\sigma} = \Delta_{\sigma} + \frac{X_{\sigma\sigma} - X_{\sigma}}{\Delta t} ,$$

где $\Delta_{\sigma\sigma}$ – требуемое значение среднегодового темпа изменения показателя X , ед./год;

Δ_s – фактически достигнутое в рассматриваемом периоде значение среднегодового темпа изменения показателя X , ед./год;

$X_{тр.}, X_{ф.}$ – требуемое и фактическое абсолютные значения показателей X в рассматриваемом периоде, ед.;

Δt – длительность рассматриваемого периода, год.

Оценки выполнения условий интенсивности (табл. 2) показывают, что в среднем процесс развития промышленных предприятий Концерна в рассматриваемые периоды имеет положительную динамику, однако не носит интенсивного характера. Более того, по ряду показателей имеется планируемое ухудшение их среднегодовых значений, что, возможно, приведет в будущем к нарушению условий интенсивности по этим показателям: изменение численности, фондоотдачи, выработки одного рабочего по добавленной стоимости, уровня технической оснащенности, что свидетельствует о преобладании экстенсивных методов развития.

Таблица 1

Показатели интенсивности развития среднестатистического промышленного предприятия Концерна*

Показатель	Приращение показателя относительно предыдущего года, раз			Среднегодовое приращение	
	на 01.01.2009	на 01.01.2011	на 01.01.2016	2008–2010	2011–2015
Объем реализации продукции и услуг	1,00	2,00	1,33	0,33	0,066
Среднегодовая выработка по добавленной стоимости (производительность) одного работающего	1,00	1,48	1,63	0,16	0,13
Среднесписочная численность персонала	1,00	1,06	1,10	0,02	0,02
Среднегодовая стоимость активной части основных производственных фондов (ОПФ)	1,00	1,61	1,22	0,20	0,044
Фондоотдача	1,00	1,35	1,19	0,12	0,04
Доля нового оборудования	1,00	1,52	1,10	0,17	0,02
Доля автоматизированного оборудования	1,00	1,21	1,08	0,07	0,02
Коэффициент использования среднегодовой мощности предприятия	1,00	1,12	1,39	0,04	0,08

* Среднестатистическое промышленное предприятие Концерна – промышленное предприятие со средневзвешенными технико-экономическими и производственно-технологическими показателями.

Исходя из адекватности интенсивных методов развития промышленных мощностей, инновационности процессов и результатов табл. 2, следует, что инновационность процесса развития для среднестатистического промышленного предприятия Концерна без реализации специальных мероприятий не обеспечивается. Такое положение обусловлено следующим.

Во-первых, необходимостью сохранения на имеющихся производственных мощностях изготовления вооружения и военной техники (ВВТ ПВО) третьего поколения, поставляемых и эксплуатирующихся у заказчиков, при одновременном требовании развития производственных мощностей для выпуска средств и систем ВВТ ПВО четвертого – плюс и пятого поколений, что технологически и экономически неэффективно. Во-вторых, технологической отсталостью существующих производственных мощностей предприятий Концерна и ограниченной их возможностью по производству новых инновационных средств и систем ВВТ ПВО. В-третьих, преобладанием в утвержденных советами директоров программах реструктуризации и развития промышленных предприятий экстенсивных, а не интенсивных мероприятий по их развитию. В-четвертых, неоптимальностью структуры производственных мощностей, созданных и развивавшихся в период 1930–1970-х годов по принципу наличия всех технологических переделов на каждом предприятии; отсутствием специализации, неэффективным аутсорсингом. В-пятых, недостаточностью инвестиций, точечным или локальным характером технического перевооружения промышленных предприятий. Для достижения требуемого уровня автоматизированного оборудования (> 20%) в общем количестве оборудования основного производства до 2016 г. требуется увеличить среднегодовые вложения в техперевооружение в 4–5 раз, что при достаточно обширной кооперации и фактическом состоянии входящих в нее предприятий нереально. В-шестых, практическим отсутствием на предприятиях современных методов организации и управления производством с использованием IT-технологий.

Таблица 2

Оценка интенсивности развития среднестатистического промышленного предприятия Концерна

Показатель	Среднегодовой прирост Δ		Условие интенсивности*		Оценка соответствия интенсивному характеру	
	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.**	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.
Рост выручки	0,330	0,066	$\Delta > 0,000$	$\Delta > 0,000$	Соотв.	Соотв.
Изменение численности	0,020	0,020	$\Delta < 0,330$	$\Delta < 0,066$	Соотв.	Соотв.
Рост фондоотдачи	0,120	0,038	$\Delta > 0,000$	$\Delta > 0,000$	Соотв.	Соотв.
Рост стоимости ОПФ	0,200	0,044	$\Delta < 0,120$	$\Delta < 0,05$	Не соотв.	Соотв.
Рост выработки по доб. стоимости	0,240	0,126	$\Delta > 0,330$	$\Delta > 0,066$	Не соотв.	Соотв.

Показатель	Среднегодовой прирост Δ		Условие интенсивности*		Оценка соответствия интенсивному характеру	
	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.**	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.	2008–2010 гг.	2011–2015 гг.
Доля нового оборудования	0,170	0,020	$\Delta > 0,185$	$\Delta > 0,021$	Не соотв.	Не соотв.
Доля автоматизированного оборудования	0,040	0,080	$\Delta > 0,085$	$\Delta > 0,088$	Не соотв.	Не соотв.
Коэффициент использования мощности	0,040	0,080	$\Delta > 0,146$	$\Delta > 0,102$	Не соотв.	Не соотв.

* Условия интенсивности в соответствии с требованиями к базовым показателям, установленными программами реструктуризации и развития промышленных предприятий на период до 2015 г.

** Показатели 2011–2015 гг. определены в соответствии с программами реструктуризации и развития промышленных предприятий Концерна.

Принимаемые Концерном меры по реструктуризации и развитию, техническому перевооружению действующих промышленных предприятий обеспечивают их поступательное движение, однако в силу причин экономического, производственно-технологического и организационного характера это развитие достигается в основном не интенсивными, а экстенсивными (за счет увеличения портфеля заказов) методами, то есть не инновационными.

Исходя из возможности достижения в интегрированной структуре эффекта в получении требуемого результата, прежде всего за счет концентрации и управления ресурсами, эффективного использования активов, Концерном реализуются следующие мероприятия [7; 8]:

1. Специализация производств по отдельным технологическим переделам в виде корпоративных технологических центров с последующей полной или частичной ликвидацией неэффективных подобных технологических переделов на действующих предприятиях. Указанный процесс, согласно ранее приведенной классификации, является технологической, продуктовой, процессной и организационной инновацией и обеспечивает соответствие показателей основной деятельности этих центров требованиям инновационности, прежде всего по росту производительности труда, за счет оснащения корпоративных специализированных технологических центров современным оборудованием, сокращения численности производственных рабочих, снижения материалоемкости и энергопотребления.

2. Создание новых производственных мощностей для обеспечения производства наиболее востребованных средств ВВТ ПВО четвертого – плюс, пятого поколений. Эффективность новых предприятий, по сравнению действующими промышленными предприятиями Концерна, с момента их ввода в эксплуатацию будет значительно выше за счет разработки современной технологии производства продукции, кардинального улучшения организации производства на

основе применения АСУП по выработке на одного работающего по добавленной стоимости в 1,8 раза, по фондоотдаче – в 3,5–4 раза; по коэффициенту использованию мощностей – в 1,3–1,4 раза. По ряду других показателей (составу и качеству оборудования, автоматизации производственных процессов и др.) указанные предприятия будут превосходить установленные нормативы инновационности производственной деятельности.

3. Развитие, в соответствии с решением совета директоров концерна, новых производственных мощностей путем создания Северо-Западного регионального производственного центра. По принятой классификации указанное мероприятие является технологической и организационной инновацией по уровню новизны; региональной инновацией – по сфере распространения.

Предложенный методический подход к классификации инновационности промышленных предприятий и оценке результатов их деятельности позволяет сформировать план мероприятий, необходимый для достижения требуемых уровней инновационного развития. Анализ процессов развития промышленных предприятий Концерна, проведенный в соответствии с предложенным методическим подходом, показывает, что мероприятия по созданию новых производств, специализации производств соответствуют требованиям инновационности. В целях обеспечения инновационного развития действующих промышленных предприятий требуется переработка программ их реструктуризации и развития в направлении интенсификации мероприятий.

Библиографический список

1. Об утверждении методических материалов программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных предприятий: распоряжение Министерства экономического развития РФ от 31 янв. 2011 г. № ЗР-ОФ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Руководство Осло: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям / Организация экон. сотрудничества и развития; Стат. бюро европейских сообществ. 3-е изд. М., 2010.
3. *Медынский В.Г.* Инновационный менеджмент. М., 2002.
4. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс [и др.]; пер. с англ.; 2-е изд. М., 2000.
5. Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере науки и инноваций: приказ Росстата от 30 окт. 2009 г. № 237 (в ред. приказа Росстата от 6 сент. 2010 г. № 305 с изм., внесенными приказом Росстата от 18 нояб. 2009 г. № 260) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. МД ИПВР 7.5-06.01-2007 Методика рейтингового анализа предприятий ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей». М., 2007. (Система менеджмента качества ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей»).
7. МД ИПВР 7.3-05-2011 Порядок разработки и утверждения программ инновационного развития дочерних и зависимых обществ. М., 2011. (Система менеджмента качества ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей»).
8. Программа инновационного развития ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей» на 2011–2015 гг.: утв. Советом директоров 14 апр. 2011 г.
9. *Бороненкова С.А.* Управленческий анализ: учеб. пособ. М., 2003.

I.N. Zubrilin
Corporate Governance Positive
Effects Analysis

Positive effects accompanying introduction of corporate governance are examined. The particular attention is paid to the impact on capitalization growth and the increase in results of operating activities.

Key words and word-combinations: corporate governance, capitalization, operational results of activity.

Исследуются положительные эффекты, сопровождающие внедрение корпоративного управления. Особое внимание уделяется их воздействию на рост капитализации и повышение результатов операционной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: корпоративное управление, капитализация, операционные результаты деятельности.

УДК 338.24
ББК 65.291.2

И.Н. Зубрилин

АНАЛИЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Корпоративное управление за относительно короткие сроки получило широкое распространение в международной бизнес-среде. Зародившись в развитых государствах, оно постепенно расширило зону присутствия до 96 стран [1]. Причинами популярности данного типа управления стало его положительное влияние на рост капитализации компаний, а также эффективность операционной деятельности.

Указанные процессы и их следствие становились объектом исследования зарубежных авторов, которые рассматривали их на примере компаний развитых стран. Полученные данные свидетельствуют о тесной взаимосвязи между уровнем качества корпоративного управления и ростом капитализации, а также улучшением результатов операционной деятельности. Вместе с тем представленные в научной литературе материалы часто не отвечают на вопросы о том, какой характер носит положительное влияние в краткосрочной и долгосрочной перспективе и одинаковы ли эффекты для компаний разной величины и различных сфер деятельности. Кроме того, проведено немного исследований процессов в этой сфере на примере российских компаний.

Для того чтобы ответить на данные вопросы, автором проведено исследование, устанавливающее взаимосвязь между высоким уровнем качества корпоративного управления

и ростом стоимости компаний, а также эффективностью операционной деятельности.

Первый блок исследования направлен на определение наличия или отсутствия влияния высокого уровня корпоративного управления на рост капитализации компаний. Блок состоит из двух этапов.

В рамках первого этапа рассматривалось изменение капитализации корпораций в долгосрочной перспективе (пять лет). При проведении второго этапа временные рамки были сужены до двух месяцев. Подобные отрезки времени были взяты для определения взаимозависимости различной интенсивности и длительности эффекта между рассматриваемыми параметрами.

В ходе первого блока исследования анализировались значения уровня капитализации в период 2006–2010 гг. В это время стоимость компаний подвергалась наибольшему изменению, что позволяет получить статистически значимые результаты. Выбранные временные рамки охватывают как предкризисный период, когда цена акций корпораций росла на фоне повышающей волны, так и этапы кризиса и выхода из него, в течение которых капитализация организаций последовательно снижалась и стремилась к ранее достигнутому предкризисному уровню.

Оценка влияния корпоративного управления на капитализацию велась путем получения и анализа двух показателей: 1) отношение ценового максимума компании к минимальному уровню, достигнутому в период экономического кризиса; 2) процент восстановления наивысшего предкризисного максимума после оживления экономики.

В процессе исследования сравнивалось изменение стоимости двух категорий социально-экономических систем – организаций с высоким уровнем качества корпоративного управления (согласно IR Global Rankings [2]) и компаний с относительно низким его уровнем. Для сопоставимости все организации были разбиты на подгруппы в зависимости от оцениваемой стоимости бизнеса на момент проведения исследования (согласно Forbes [3]).

В качестве исследуемых областей выбраны энергетическая отрасль, сфера производства высокотехнологичных устройств и ритейлинг, что обусловлено разным характером поведения рассматриваемых отраслей в период финансового кризиса. Так, котировки энергетических компаний всецело зависят от рынка и в основном подчиняются его движению. С началом кризиса спрос на их продукцию резко падает и начинает расти только после восстановления экономики. При этом цена продукции, даже в случае возвращения к прежнему объему реализации, будет ниже докризисного уровня, что сдерживает рост капитализации.

Стоимость организаций, производящих технические устройства, также зависит от состояния рынка, но в несколько меньшей степени, чем предыдущая группа. Даже в начальный период оживления экономики их продукция может пользоваться высоким спросом. Объем реализуемых товаров еще более растет при положительной репутации и активной рекламе. Корпорации, относящиеся к отрасли ритейлинга, мало зависят от кризисных явлений, особенно если реализуют продукты питания. Их позиция наиболее стабильна.

Результаты первого этапа исследования свидетельствуют о наличии устойчивой взаимосвязи между высоким уровнем качества корпоративного управления и ростом стоимости компаний.

Корпорации энергетической отрасли из рейтинга в ряде случаев показывали более высокие результаты по сравнению со своими конкурентами. В первой подгруппе Royal Dutch продемонстрировала один из лучших результатов по уровню падения капитализации в период кризиса, а также характеризовалась вторым, после Chevron, показателем скорости восстановления стоимости после завершения кризисных явлений в мировой экономике. Компания Nexen, входящая в третью подгруппу энергетической отрасли, показывает средние величины по сравнению с другими показателями подгруппы как по уровню падения, так и по результатам восстановления. Исключением из общей тенденции стала компания Petrobras, результаты деятельности которой являются одними из худших в подгруппе. Данные показатели объясняются неустойчивостью рынков развивающихся стран, которые в наибольшей мере страдают в период кризиса (в том числе и из-за вывода иностранного капитала). При этом следует отметить, что Petrobras показывает лучшие результаты по сравнению с ОАО «Газпром», уровень корпоративного управления которого не подтвержден исследованием IR Global Rankings, притом что «Газпром», также относится к рынку развивающихся стран.

Среди компаний сферы производства высокотехнологичных устройств наблюдалось превосходство компаний с высоким уровнем качества корпоративного управления. Компании из первой подгруппы Cisco Systems и Intel пострадали в период кризиса в гораздо меньшей степени, чем Apple (последний продемонстрировал более высокие темпы восстановления). Infosys Technologie заняла первое место по наименьшему уровню снижения стоимости, а также второе – по восстановлению первоначального максимума среди компаний с более низким уровнем корпоративного управления из второй и третьей подгрупп.

В отрасли ритейлинга Wal-Mart Stores доминировала над остальными компаниями как по меньшему уровню снижения стоимости бизнеса, так и по скорости восстановления изначального уровня капитализации.

Во втором этапе исследования оценивалось влияние качества корпоративного управления на изменение стоимости компаний в краткосрочной перспективе. В этих целях выбран период с 1 июля 2011 г. по 31 августа 2011 г.: именно в это время произошло событие, резко изменившее направление движения фондовых рынков, а именно снижение рейтинговым агентством Standard & Poor's кредитного рейтинга США (с AAA до AA+). В результате в течение относительно небольшого периода наблюдались значительные изменения в стоимости компаний, что может быть использовано для анализа связи между качеством корпоративного управления и ростом капитализации.

Результаты второго этапа исследования позволяют сделать заключение об отсутствии значимой взаимосвязи между уровнем качества корпоративного управления и стоимостью бизнеса компании в краткосрочной перспективе.

Организации энергетической сферы с высоким качеством корпоративного управления подвергались значительному снижению и восстанавливали стоимость более медленными темпами, чем их конкуренты. Компании первой подгруппы

энергетического сектора подверглись самому сильному снижению относительно максимума, достигнутого в июле 2011 г. Petrobras показала наихудшие показатели в группе, а Royal Dutch Shell поднялась выше нее только на две позиции. При этом темпы восстановления все же были одними из самых высоких в подгруппе: Royal Dutch Shell заняла первую позицию, а Petrobras – третью; Nexen по обоим показателям показала средние значения.

Компании отрасли производства технических устройств продемонстрировали похожие результаты. Обе организации из первой подгруппы, включенные в рейтинг корпоративного управления, потеряли в цене больше, чем Apple. Однако по темпам восстановления Cisco Systems опередила конкурента. В рамках второй подгруппы ситуация несколько изменилась. Корпорация из рейтинга меньше других пострадала из-за корректировки рынка, однако темпы восстановления не только не превзошли показателей других компаний в подгруппе, но и изменились в худшую сторону.

В сфере продаж Wal-Mart Stores в противоположность общей динамике по другим сферам показал менее значительный провал по сравнению с конкурентами и характеризовался более высокими темпами восстановления.

Второй блок исследования направлен на установление взаимосвязи между высоким уровнем качества корпоративного управления и итогами операционной деятельности компаний. Исследование основывалось на данных 63 компаний, акции которых включены в котировальные списки ММВБ. Временными рамками выбран период 2006–2012 г. Среди показателей, характеризующих операционную деятельность компаний, взяты объем выручки, прибыль до налогообложения, чистая прибыль, а также коэффициент рентабельности (отношение чистой прибыли к собственному капиталу). Все показатели, за исключением коэффициента рентабельности, рассматривались не сами по себе, а по темпу прироста.

Качество корпоративного управления отдельных организаций определялось исходя из материалов «Эксперт РА» [4] и «S&P» [5], а также по отношению к более высоким эшелонам торгов (к подобным компаниям предъявляются более жесткие требования).

Результаты исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи между уровнем качества корпоративного управления и операционными результатами деятельности компании. Высокий уровень корпоративного управления положительно сказывается на приросте прибыли до налогообложения, приросте чистой прибыли и увеличении рентабельности. Вместе менее значительно влияние корпоративного управления на операционные результаты, если переходить от средних значений к показателям отдельных компаний, а также при рассмотрении результатов отдельных эшелонов.

По показателю прироста объема выручки компании из рейтинга качества корпоративного управления показали результаты выше среднерыночных в 2008–2009 г. При этом четыре из шести компаний с высоким рейтингом корпоративного управления демонстрировали значения выше среднерыночных на протяжении двух временных периодов. Если рассматривать показатели группы А1, то они на протяжении трех лет показывают более высокие результаты, чем средние значения по котировальным спискам А2 и Б.

По показателю прироста прибыли до налогообложения средние значения компаний с высоким рейтингом корпоративного управления были лучше общих по рынку на протяжении четырех из шести рассматриваемых временных отрезков. Кроме того, значения пяти из шести компаний с высоким рейтингом корпоративного управления были выше среднерыночных на протяжении трех и более временных отрезков. При этом значения группы А1 не занимали лидирующую позицию ни в одном из рассматриваемых периодов.

По показателю размера чистой прибыли значения компаний с высоким рейтингом корпоративного управления превышали среднерыночные показатели в течение 2007–2012 гг. Так же, как и по показателю прибыли до налогообложения, пять из шести компаний на протяжении более чем трех временных отрезков демонстрировали результаты лучше среднерыночных. Компании эшелона А1 в течение двух лет занимали поочередно 1, 2 и 3 позиции в сравнении с котировальными списками А2 и Б.

По показателю рентабельности компании с высоким рейтингом корпоративного управления показывали более высокие средние результаты по сравнению со среднерыночными в 2007–2012 гг. Выделяя показатели отдельных компаний, следует отметить, что три из шести компаний показывали результаты выше среднерыночных на протяжении трех и более периодов. При этом показатели эшелона А1 были выше значений двух других эшелонов в течение пяти лет.

Таким образом, на основании представленных данных можно сделать вывод об устойчивом влиянии высокого уровня качества корпоративного управления на рост капитализации компаний в долгосрочной перспективе. Компании из рейтинга корпоративного управления энергетической отрасли, сферы производства высокотехнологичных устройств и области ритейлинга в основном показывали более высокие результаты по уровню минимального падения стоимости, а также демонстрировали более высокие темпы восстановления изначальной стоимости. Вместе с тем установлено, что данная тенденция отсутствует в краткосрочной перспективе.

Второй блок исследования показал наличие взаимосвязи между высоким уровнем качества корпоративного управления и положительными результатами операционной деятельности компаний. Компании из корпорации IR Global Rankings (по средним значениям) заметно опережали другие компании, при этом их динамика носила более устойчивый характер.

Рассмотренные обстоятельства свидетельствуют о наличии положительных эффектов от внедрения надлежащей практики корпоративного управления, что может рассматриваться одним из резервов повышения эффективности деятельности отдельных компаний. При этом формирование стандартизации в этой сфере на государственном уровне должно стать одной из основ укрепления корпоративного сектора, что впоследствии даст существенный импульс развитию отечественной экономики.

Библиографический список

1. Index of all codes / European corporate governance institute. URL: http://www.ecgi.org/codes/all_codes.php

2. Past Editions Results / IR Global Rankings. URL: http://www.irglobalrankings.com/irgr2010/web/conteudo_eni.asp?idioma=1&conta=46&tipo=33069

3. The Global 2000 // Forbes. URL: http://www.forbes.com/lists/2010/18/global-2000-10_The-Global-2000_Rank.html

4. Рейтинги качества управления // Эксперт РА. URL: <http://raexpert.ru/ratings/corporate/>

5. Gamma // Standard & Poor's. URL: <http://www.standardandpoors.com/products-services/gamma/ru/ru>

М.Е. Kondratueva
Cost Planning at the
Construction Products Life-Cycle
Stages

The life cycle of building products, as well as cost planning tasks at its various stages are studied. The value and the results of cost planning are analyzed.

Key words and word-combinations: planning, budgeting, control, building products.

Исследуются жизненный цикл строительной продукции и задачи планирования затрат на различных его этапах. Анализируются значение и результаты планирования затрат.

Ключевые слова и словосочетания: планирование, бюджетирование, контроль, строительная продукция.

УДК 338.45:69

ББК 65.31

М.Е. Кондратьева

ПЛАНИРОВАНИЕ ЗАТРАТ НА СТАДИЯХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Система совершенствования управления организациями предлагает комплекс мероприятий, способствующих увеличению конкурентоспособности бизнеса. Планирование – это одна из основных составляющих управленческого цикла. Эффективно использовать как собственные, так и привлеченные ресурсы можно при разработке детального плана деятельности предприятия. Планирование включает несколько этапов: составление целей и задач разрабатываемых мероприятий, рассмотрение различных вариантов их проведения и выбор оптимального варианта.

Главной особенностью внутрифирменного планирования является его регулирующе-направляющий характер, основанный на системном применении проектов и программ, научных прогнозов, балансовых расчетов, бюджетирования и методов оптимизации принимаемых решений для определения стратегических целей и конъюнктурно-тактических задач по развитию предприятия [1, с. 51–52].

Комплексное планирование финансово-

экономического развития предприятия нуждается в разработке плана производства продукции. В структуре плана производства определяются направления перспективного роста всех подразделений предприятия, основные профили плановой, организационной и управленческой деятельности организации и соответственно главные цели и задачи текущего планирования, организации и управления производством.

Процессы создания, проектирования, планово-подготовительных работ, строительства, реализации, эксплуатации и утилизации продукции составляют его экономический жизненный цикл (рис. 1), существующий с момента определения необходимости производства и проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) вплоть до снятия с эксплуатации последнего экземпляра вследствие морального или физического износа и его утилизации.

Цикл продукции характеризуется объемными, временными, качественными и затратными показателями, тесно взаимосвязанными. Эту зависимость можно проследить между показателями качества работ (услуг), объема производства и уровня затрат. Структура цикла продукции влияет на затраты. Впрочем, при исключении из цикла одной из стадий не означает, что сократятся затраты. В случае отказа от одного из видов подготовки производства значительно удорожает продукция. Продолжительность цикла также тесно связана с затратами, в случае сокращения или увеличения активно влияя на суммарные затраты. Между затратными и временными параметрами связь неоднозначна. В случае увеличения цикла растут общие затраты, а например, тщательная научная и опытно-конструкторская проработка изделия, замедляющая сроки цикла, может привести к заметной экономии на этапах производства и эксплуатации и снижению общих затрат цикла [2, с. 23–26].

Следовательно, затраты определяют структуру цикла продукта, его продолжительность, качественные и объемные показатели. Будучи целью производственного процесса, продукция одновременно как его результат воплощает в себе затраты всех элементов цикла.

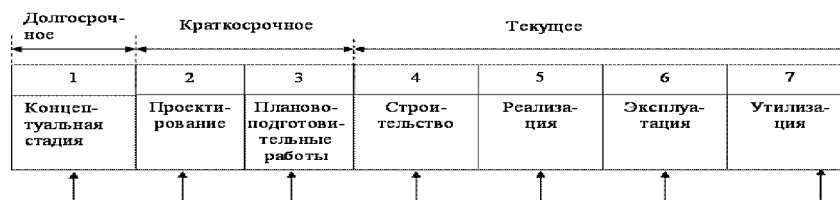

Рис. 1. Этапы в системе планирования строительного предприятия

Экономико-производственные планы строительных предприятий могут быть долгосрочными, краткосрочными и текущими. Основными задачами перспективных планов является определение целей производства поступивших долгосрочных заказов, в соответствии с потребностями региона в стройпродукции и действий по их достижению.

Планы текущие рассчитываются на 1–2 года и тщательно прорабатываются на предприятии или в его подразделениях. Особенность этих планов состоит в обязательной увязке его содержания с производственной мощностью организа-

ции и ее подразделений, в том числе бригад и участков, а также в согласовании с технологическими работами, вследствие чего такой план становится реальным. Производственно-оперативные планы разрабатываются для производственных участков и бригад, а также для строительного треста, СМУ. Источником для составления оперпланов являются проекты производства работ и текущие планы, на основе которых подготавливаются диспетчерские графики недельно-суточного планирования, выдаются задания организациям и исполнителям, обеспечивающим механизмами, транспортом, материальными ресурсами. В оперативном планировании основным является конкретизация квартальных и годовых планов, их корректировка с учетом сложившейся ситуации и фактического состояния работ на объектах с целью обеспечения выполнения плановых заданий по вводу объектов в эксплуатацию и получению качественных результатов производственно-хозяйственной деятельности строительной организации. Данное планирование осуществляется на уровне первичных строительномонтажных предприятий. Документы оперативного планирования оформляются в виде месячных оперативных планов, и на их основании разрабатываются декадные, недельные и суточные графики производства работ. Основными задачами в оперативном планировании являются выявление отклонений от фактического состояния дел на строительной площадке, контроль за выполнением оперативных планов и принятие мер по их ликвидации [3, с. 34–35].

Представляется важным рассмотреть процесс цикла продукта и задачи планирования затрат на различных его стадиях.

1. *Стадия концептуальных исследований.* На ранней стадии проекты называются концептуальными. Проводятся операции зондирования исследовательских идей и альтернативных подходов, покупка патентов; определяются проблемы. Проекты остаются на концептуальной стадии в среднем два года; могут осуществляться изыскания в направлении повышения экологичности и экономичности производства строительных материалов. Данная стадия при ненахождении платежеспособного спроса продукции страхует строительную организацию от убытков, разрабатывает стратегический план строительной организации, исследует методы ее выхода из кризиса (плюсы и минусы), выявляет возможности и конкурентные преимущества. Во всех подразделениях (по видам работ, срокам исполнения, требующимся механизмам, материалам и др.) структурная конкретизация плана начинается после установления общей задачи планирования затрат.

2. *Проектирование.* Проекты на стадии технико-экономического обоснования разрешают вопросы, определенные на концептуальной стадии, и обеспечивают данными, требующимися для их решения. Важнейшая цель – разработать конкурентоспособную строительную продукцию. Проект строительной организации состоит из уточненного плана, календарного плана строительной части проекта и подготовительного периода, укрупненного сетевого графика (для сложных проектов), организационно-технологических схем возведения зданий, стройгенплана, ведомости основных работ с учетом потребностей в механизмах и других материально-технических ресурсах.

3. *Плановые и подготовительные работы.* Данная стадия характеризуется высоким уровнем ответственности. Признаком осуществления разработки – презента-

ция технологии с демонстрацией опытных образцов клиентам для обратной связи. В этот же период возможно появление продукции в экспериментальных масштабах. Цель стадии – разрешение вопросов, связанных с увеличением масштаба, требованиями в отношении качества, необходимостью соотнесения эксплуатационных параметров разрабатываемой технологии (продукта) с нуждами клиентов.

4. *Строительство и выпуск конечной строительной продукции.* На этапе строительства в состав проекта производства работ (ППР) и организационно-технологических мероприятий входят календарные планы производства работ по объекту или комплексу работ, комплексный сетевой график, графики поступления на объект строительных материалов и движения рабочих, стройгенплан объекта, почасовые графики и технологические карты, мероприятия по исполнению различных видов работ, предложения по оперативно-диспетчерскому управлению.

5. *Реализация строительной продукции.* Реализация проектов строительства зданий и сооружений обозначает окончание строительного-монтажных и пусконаладочных работ. В данную стадию включаются процессы контроля, корректировки и исполнения всех планов проекта. На этом этапе планируются затраты на реализацию маркетинговых мероприятий и концепцию бенчмаркинга, а также образуется прибыль, связанная с прогнозами, выявленными на концептуальной стадии проекта. Стабилизация роста прибыли, признание продукта потребителем, снижение его себестоимости являются отличительными чертами стадии. Однако первые признаки абсолютного снижения прибыли наблюдаются в конце стадии, и становятся актуальными задачи обновления ряда видов продукции и разработка новых. На данном этапе возрастает роль планирования стратегических задач (разработка новых проектов, испытание, продвижение на строительный рынок и пр.) и соответственно перспективного планирования затрат.

6. *Эксплуатация.* При разработке данного этапа целью планирования выступают обеспечение гарантийного периода стройпродукции и в результате повышение конкурентного статуса строительной фирмы.

7. *Утилизация стройпродукции.* На завершающей стадии цикла продукции основной задачей является быстрый уход с рынка и замена устаревшей строительной продукции новой. Ликвидация проекта может происходить моментально или по частям.

О значимости планирования затрат на различных стадиях цикла строительной продукции свидетельствует график, на котором представлены время (продолжительность) каждой стадии и затраты (рис. 2).

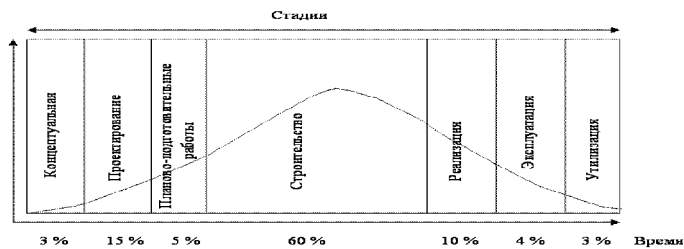

Рис. 2. Стадии затрат в процессе жизненного цикла

Затраты на первой стадии минимальны, на последующих этапах они растут. Например, затраты на проектирование в десятки раз больше затрат на мониторинг и маркетинг строительных рынков, затраты на планово-подготовительные работы в два – пять раз выше затрат на проектирование, а строительство требует еще больших затрат. При конкретной программе деятельности объектов меньшей становится доля предпроизводственных затрат в совокупных затратах за жизненный цикл объекта [1, с. 23–36].

Успешность деятельности строительной организации предопределяется в первую очередь тщательно продуманными и определенными целями бизнеса и средствами их достижения. Планирование действительно важно при оптимизации решений, так как предполагает системность в работе. В условиях рынка без использования планирования невозможно принятие правильных управленческих решений и обеспечение их эффективности. В связи с этим планирование считается одной из важных функций в управлении организацией. Планирование выступает как совокупность мероприятий – исследование и анализ других, осуществляемых с целью определения комплекса решений, направленных на достижение поставленных организацией целей.

Основная задача планирования – найти оптимальное решение задач, стоящих перед организацией. Менеджер должен уметь планировать, чтобы предвидеть и действовать, опережая время – это позволяет избежать многих ошибок и эффективно использовать имеющиеся возможности [4, с. 23–24].

При планировании затрат устраняется неопределенность, четко определяются цели, поставленные перед организацией, и действия по их достижению. Планирование затрат создает условия для выявления и развития творческого начала в управлении, предоставляет возможность проследить развитие рынка, особенно новые тенденции, инновационные инструменты и их использование в деятельности, помогает устранению недостатков в деятельности предприятия.

При эффективном планировании затрат улучшается качество организационных работ, своевременно решаются организационные проблемы, достигается уровень оптимального соотношения «затраты – эффективность», накапливаются экспертные знания и формируется активное отношение к деятельности организации.

Библиографический список

1. Бюджетирование: теория и практика: учеб. пособие / Л.С. Шаховская, В.В. Хохлов, О.Г. Кулакова [и др.]. 2-е изд., стер. М., 2011.
2. Попов А.Н. Бюджетирование как элемент современной системы управления предприятием: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 2009.
3. Асаул А.Н., Старовойтов М.К., Фалтинский Р.А. Управление затратами в строительстве / под ред. А.Н. Асаула. СПб., 2009.
4. Бабич Т.Н. Планирование на предприятии: учеб. пособие для вузов / Т.Н. Бабич, Э.Н. Кузьбожев. М., 2009.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

К.А. Kuznetsova
Management Sociological
Concepts Development
in Great Britain

The theoretical basis of development of management concepts in British sociology is analyzed. The contribution in this process of sociological schools and directions' famous representatives of Great Britain is covered. The conceptual positions basing the methodological basis of management innovative research in modern society are considered.

Key words and word-combinations: British sociology, sociological concepts of control, management.

Анализируются теоретические основы процесса развития концепций управления в британской социологии. Освещается вклад известных представителей социологических школ и направлений Великобритании. Рассматриваются концептуальные положения, послужившие методологической базой инновационных исследований управления в современном обществе.

Ключевые слова и словосочетания: британская социология, социологические концепции управления, менеджмент.

УДК 33(410)
ББК 60.8(4Вел)

К.А. Кузнецова

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Актуальность работы определяется необходимостью социологической рефлексии концепций управленческого процесса как особого типа социального взаимодействия, обладающего устойчивыми и регулятивными формами в контексте глобальных и локальных трансформаций современного общества. По мнению экспертов, противоречивая природа глобализации определяет внимание социологической науки к аналогиям в эволюции и деятельности институтов управления, формирующих глобальные нормы, ценности и стандарты социальных механизмов и способов управленческого воздействия на общество, его отдельные сферы, социальные группы и организации, на сознание и поведение людей [1, с. 7]. Наряду с этим отмечается, что в контексте российских преобразований возрастает значимость социологического анализа концептуальных моделей социального управления отдельных государств в аспектах их содержания, системной организации, исторического опыта и особенностей функци-

онирования в условиях специфических локальных социальных практик и противоречий, внутренних факторов общественных изменений [2, с. 18].

В связи с этим определенный научный и практический интерес представляет исследование процесса развития концепций управления в британской социологии. Великобритания в числе первых встала на путь развития капиталистического общества, наиболее информативный из всего мирового опыта. С точки зрения экспертов, в нем достаточно полно представлена панорама информированности о характере закономерностей, присущих функционированию и развитию современного общества, а также содержанию проблем социального управления и механизмах их решения [3, с. 28]. Не случайно, что многие новаторские исследовательские практики и одна из первых концепций управления, позволяющие особым образом заострить проблемный характер этого феномена и удовлетворяющие сложившиеся здесь потребности общества, появились именно в британской социологии.

Своеобразие развития британской социологии состоит в том, что, в отличие от других стран, ряд социально-управленческих проблем и отношений наиболее плодотворно и эффективно исследовались в междисциплинарном предметном поле психологии, политологии, экономической науки, социальной антропологии, отражая возрастающую функциональную взаимосвязанность различных областей и институтов общественной жизни. Так, при своем становлении британская социология опиралась на три важнейшие интеллектуальные традиции своего общества: политэкономический подход, связанный прежде всего с именами Т.Р. Мальтуса, Дж.С. Милля, Д. Риккардо и получивший наивысшее развитие в трудах А. Смита; идею амелиоризма – стремление практической деятельностью улучшить положение в обществе, наиболее образно выраженную в социальных науках лордом Э.К. Шефтсбери; концепцию социальной эволюции Г. Спенсера [4, с. 189].

Огромный импульс развитию социологии, как и специальных социологических теорий, дал, по мнению экспертов, осуществленный А. Смитом анализ капитализма как экономической системы [5, с. 7]. Одним из основных элементов этой системы, по Смиту, выступает управление – социальная деятельность по организации производства с целью получения максимальной прибавочной стоимости. В соответствии с данной концепцией управление является такой формализованной структурой рациональной экономической системы, которая приспособлена для достижения технической эффективности средствами координации человеческих ресурсов. В рамках этого подхода управление рассматривается как рационально спроектированный и оформленный в технологию механизм для реализации желаемых инструментальных ценностей, в числе которых преобладает индивидуальное стремление к благополучию, а также присущее каждому индивиду желание добиться более высокого положения в обществе [6, с. 327–329].

Ключевой фигурой в возникновении классической социологии был выдающийся английский ученый Герберт Спенсер, сформулировавший основные положения этой науки и проанализировавший эволюцию ряда социальных институтов на конкретных эмпирических материалах. Тем самым он не только заложил теоретико-методологические основы эволюционного подхода в соци-

логии, но и дал практический образец его применения в социологическом анализе различных общественных явлений и процессов. Согласно Спенсеру, чем более дифференцированы социальные функции, тем более актуальной становится необходимость существования управляющего механизма, способного регулировать и координировать различные структуры. В частности, анализируя так называемую «регулятивную систему» общества, Спенсер привлек внимание к механизмам социального контроля, эффективную работу которых призваны осуществить прежде всего институты политического управления [7, р. 112–114].

В Англии наиболее известными современниками Г. Спенсера, разрабатывающими свои концепты социального управления, считаются Генри Бокль и Уолтер Бэджгот [8, р. 18]. Так, Г. Бокль, в своей работе «История цивилизации в Англии» [9] демонстрирует стремление открыть универсальные законы социального управления посредством статистических методов и социогеографического анализа исторического развития конкретных стран. Эти законы подобны законам природы и зависят от внешних физических причин – климата, почвы и ландшафта. Их влияние детерминирует социально-демографические особенности народонаселения того или иного региона, которые, в свою очередь, определяют несколько типов управления, являющихся результатом двоякого действия – внешних явлений на дух человека и духа человеческого на внешние явления. При этом характер местности, ландшафт он считал ведущим из географических факторов, влияющих на социально-исторические процессы управления, ведя полемику по этому поводу с Ш. Монтескье, отдававшим предпочтение при определении различных форм государственного устройства и управления климату [10, с. 339].

Значительное влияние на развитие британских социологических концепций управления оказал У. Бэджгот – социальный ученый, чьи идеи объединяли экономический, политологический, психологический и социологический подходы. В частности, используя синтез идей Г. Спенсера и Ч. Дарвина, он пытался доказать, что в основании развития общества и социальной структуры управления лежат природные способности человека. Любое социальное положение не должно противоречить естественно-научным законам, управляющим человеческой природой. Развивая теорию общества, основанную на естественном равновесии, Бэджгот использовал тезис о «борьбе за существование» для обоснования принципов и объяснения механизма сохранения социально-управленческой иерархии путем правильного распределения в ней «наиболее приспособленных» [11, с. 147–149].

В истории британской социологии отмечается прямая преемственность от Г. Спенсера и его современников к настоящему социологической науки [12, р. 182]. В ней сохраняется тот же акцент на изучение общества как единого целого, эволюции социальных институтов, проблем социального управления. В двадцатом веке управление сформировалось в особый социальный институт и получило логическое завершение в виде социальной страты управленцев. Неослабевающий интерес ученых к менеджерской революции стимулировал развитие взаимосвязанных теорий, оценивающих положение и функции менеджмента в современном обществе.

В этот период концепции управления в британской социологии исторически формируются в контексте классических исследований феноменов менеджмента и организаций. В исследованиях М. Буравого, Дж. Вудворта, С. Клегга и Д. Данкерли, Э. Петтигрю, Дж. Пфедфера, Х. Хэрриса, Р. Эдвардса было установлено, что эти феномены представляют собой неотъемлемую часть инновационной деятельности и становятся самостоятельным фактором фундаментальных общественных изменений. По мнению экспертов, данные исследования носили в большей степени поисковый характер и осуществлялись по многим теоретическим направлениям: они охватили множество различных и часто изолированных друг от друга уровней и стилей анализа. Вместе с тем возрастающий интерес ученых к поиску инновационных решений в различных сферах жизнедеятельности социума привел к развитию взаимосвязанных управленческих концепций, интегрирующих многогранные теоретические аспекты современного менеджмента [13, р. 91–92].

Наиболее значительное влияние на развитие ряда современных концептов социального управления в Великобритании оказала социальная антропология – особая теоретическая дисциплина со своим специфическим предметом и методологическим инструментарием. В мировом обществоведении здесь могут служить имена крупнейших английских ученых А.Р. Рэдклифф-Брауна и Б.К. Малиновского, сформировавших концептуальные основы исследования кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в различных социальных группах, обществах и культурах. На первый план здесь выдвигаются идеи о том, что каждая культурная группа по-своему трактует понятия возраста, статуса, пола, определяя то, каким образом интерпретируются человеческое тело и возможности личности, как в той или иной группе распределяются власть и социальные ресурсы управления. Все эти образцы культурных практик, социальных взаимодействий и символических средств коммуникации могут существенным образом различаться у культурных групп, оформляясь под влиянием определенной системы культуры и, в свою очередь, изменяя образцы социальных отношений, правил и установлений социального порядка и управления [14, с. 3].

Исследования в рамках социальной антропологии значительно повлияли на концептуальное осмысление практик управления инновационным потенциалом организации. Социальная антропология организаций, применяющая теоретический аппарат и качественные методы социальной антропологии, активно развивается как в России, так и за рубежом. Социально-антропологическое исследование управления включает концепции организационной символики, репрезентации, социальной практики. Получили развитие и новые теоретические направления, в фокусе которых находится организационная культура, специфически детерминирующая процесс управления инновационными изменениями. Для авторов, работающих в русле данного подхода, организационная культура является отражением формальных корпоративных ценностей и способов инновационной деятельности. Именно эти свойства организации как социального института признаются культурными и являются объектом управления [15, р. 117].

Основоположник классической теории менеджмента П. Дракер, обобщая

существующие в мировой практике концепции управления, отмечает, что сложившаяся в этой области британская традиция стимулировала дальнейший рост исследовательского интереса к социологической концептуализации различных управленческих аспектов процесса реализации новых идей и знаний с целью их практического использования [16, р. 373]. Сформировавшиеся на ее основе концептуальные модели изменили организационные и управленческие императивы этого процесса и, как следствие, затронули внутреннюю логику современного менеджмента и трансформацию его институтов.

Потребность в таких концептуальных моделях особенно остра в современном российском обществе, где происходят процессы модернизации социальной системы в целом и ее отдельных структурных элементов, вызывающие перемены в социальном объекте управления. Поиск инновационных форм, методов и технологий социального управления непосредственно взаимосвязан с общим проблемным полем научных исследований в этой сфере, изменением методологических ориентиров теории управления и эволюцией социального знания в целом. Сегодня создается опирающаяся на накопленный в мире бесценный тезаурус интеллектуальных богатств открытая культура всей социальной науки, которая придает принципиально новое качество социологии управления. Формирование данной системы взглядов включает переход от построения детерминистской, обобщающей и абстрактной теоретической модели управления к изучению реально действующих управленческих концепций, которые в идеале адекватны реалиям рыночной экономики, принципам и целям демократического общества и критериям, сложившимся в международной практике.

Актуализация управленческих измерений в современном российском обществе предполагает дальнейшее тщательное изучение зарубежного опыта наряду с осмыслением теоретико-методологических, концептуальных оснований социального управления. В центр исследовательского интереса необходимо поместить зарубежные социологические концепции управления, которые органически сочетают научные знания, методологию, методики и могли бы быть применимы к разным сферам и уровням социальной реальности. На повестке дня стоит задача формирования нового качества исследовательской практики в мировом пространстве обществоведческих культур, основанных на иностранных языках и послуживших становлению социологии как самостоятельной научной дисциплины. Как показывает практика, успешное социальное управление затруднительно в отсутствии знания определенных концепций, доказавших свою эффективность в развитой системе рыночных отношений.

Библиографический список

1. *Култыгин В.П., Клементьев Д.С.* Глобализация социальных процессов в Европе: социологическое измерение. М., 2008.
2. *Жуков В.И.* Российские преобразования: социология, экономика, политика. М., 2003.
3. *Култыгин В.П., Кузнецов А.Г.* Общая социология. М., 2004.
4. *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
5. Хрестоматия по общей социологии / сост. В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов. М., 2004.
6. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатств народов. СПб., 2012.
7. *Spencer H.* The Principles of Sociology. L.: Polity Press, 1904.

8. *Abrams Ph.* The Origins of British Sociology: 1834–1914. Chicago: Aldine, 1968.
9. *Bucle H.* The history of civilization in England. L.: Polity Press, 1900.
10. Социологическая энциклопедия / под ред. В.Н. Иванова. М., 2013.
11. *Бэдджем В.* Государственный строй Англии. СПб., 2013.
12. *Bulmer M.* Development of sociology and of empirical social research in Britain // Essays on the history of British sociological research. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
13. *Reed M.* Sociology of Management. L.: Polity Press, 1989.
14. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д.В.* Социальная антропология современности: теория, методология, методы, кейс-стади. Саратов, 2004.
15. *Романов П.В.* Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов, 2000.
16. *Drucker P.* The Practice of Management. N. Y.: Harper, 2000.

V.O. Kozlov
The History of Scientific
Management American Concepts
Origin

The history of scientific management concepts origin in industrial countries of the West on the turn of the 20th century is studied. Special attention is paid to the analysis of the concepts of the American engineer F.W. Taylor and the French theorist A. Fayolle as creators of the first integral theory of the effective management.

Key words and word-combinations: scientific management, effective management, rationalization, control.

Исследуется история возникновения концепций научного менеджмента в промышленно развитых странах Запада на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделяется анализу концепций Ф. Тейлора и А. Файоля как создателей первых цельных теорий эффективного менеджмента.

Ключевые слова и словосочетания: научный менеджмент, эффективный менеджмент, рационализация, управление.

УДК 33(73-41)
ББК 60.8(7Сое)

В.О. Козлов

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АМЕРИКАНСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ
НАУЧНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В 1990-х годах России большое влияние в среде зарождавшегося крупного бизнеса приобрели зарубежные теории эффективного, или научного менеджмента. В настоящее время в связи с поставленной руководством страны задачей повышения производительности труда данные концепции вновь стали актуальными. Их зарождение и становление уместно отнести к рубежу XIX–XX вв., периоду формирования индустриального общества. Как отмечает крупный российский историк Л.В. Байбакова, «высокие темпы индустриализации, заданные в ходе завершившегося на рубеже 1870–1880-х годов промышленного переворота и начавшейся одновременно монополизации экономики, ускорили формирование индустриального общества» [1, с. 5]. Именно в это время в

США, Великобритании, Германии, Франции появились первые крупные предприятия, сначала в виде трестов, а затем – холдингов; были созданы международные компании «General Motors», «Ford Motor Company», «Peugeot», «U.S. Steel», нефтяной гигант «Standard Oil» и другие. Чтобы понять специфику современного управления крупными предприятиями, важно проследить эволюцию теоретической базы американского научного менеджмента, провести анализ накопленного в США опыта в сравнении с историческими реалиями.

Отправным пунктом теории научного менеджмента принято считать 1886 г., когда Генри Р. Таун, президент мануфактурной компании «Yell and Town», на ежегодном собрании общества инженеров-механиков представил доклад на тему «Инженер как экономист» [2, р. 645]. Ученый полагал, что инженеры нового поколения должны развивать в себе качества управляющих производством – только так профессиональные навыки и специальные знания могут объединиться с организаторской работой. В функции инженера, говорил он, входят обязанности по организации и надзору за проводимыми работами, поскольку сила организованных усилий берет верх над профессионализмом индивидуального работника. «Существует много хороших инженеров-механиков, – утверждал Таун, – есть также немало отличных бизнесменов, однако оба этих качества весьма редко сочетаются в одном человеке» [3, р. 18].

Заслуга Тауна состоит в том, что он впервые обратился к анализу конкретных внутриорганизационных проблем крупных компаний, состоявших из множества разнородных элементов, интегрированных в единое целое. Основа научного способа управления производством была заложена опытом владельцев крупных предприятий. Однако менеджмент изначально не признавался в качестве важной составляющей успеха, до тех пор пока не возникло множество монополистических объединений со схожими проблемами, превративших деловое администрирование в особое искусство и род занятий, независимых от величины отдельной фирмы или отрасли производства. Новые бизнес-задачи требовали значительно более широкого подключения специалистов к производственному процессу. Руководители предприятий не могли в связи с колоссальным размером их компаний самостоятельно управлять заводами-гигантами, в связи с этим одна из первых и важнейших целей менеджмента состояла в росте производительности труда рабочих.

В то время когда теоретики «эффективного управления» начинали свою профессиональную и научную деятельность, деловому менеджменту как особому роду занятий практически не уделялось внимания. Однако стихийно сложившиеся на протяжении XIX в. методы руководства заводами и фабриками себя постепенно исчерпали. Разумеется, опыт и изобретательность каждого поколения создавали эффективные способы руководства предприятиями, но, как правило, они оставались достоянием отдельных специалистов и не становились предметом научного или хотя бы теоретического обобщения. Производственные задания рабочим тогда отличались рутинностью и однообразием, а их мастерство и инициатива сплошь и рядом приносились в жертву сиюминутной выгоде. Однако уже в начале XX в. менеджеры нового поколения ощутили рост спроса на их услуги, в основе которого лежала озабоченность глав корпораций вопросами повышения эффективности промышленного труда.

Ведущими теоретиками научного менеджмента в США являются ученые Ф.У. Тейлор и Г. Эмерсон, предложившие в начале XX в. свои оригинальные концепции. В 1900 г. были опубликованы их первые научные статьи «Производительность как основание для управления и оплаты труда» Эмерсона (1902) и «Цеховой менеджмент» (1901) Тейлора, где было обозначено начало новых теорий. Позже вышли еще две их пространные работы, ставшие основополагающими для теоретиков менеджмента: «Принципы и методы научного менеджмента» Тейлора (1911) и «Двенадцать принципов производительности» Эмерсона (1912).

По методологии подхода к управлению Эмерсон отличался от Тейлора. Он не стремился к строгой систематизации идей, а из всего арсенала научного менеджмента применял только хронометраж и поощрительные системы. Тейлор не раз критиковал Эмерсона за некомпетентность, полагая, что тот ее интересуется прибылью, чем реальными делами [4, р. 21–22]. Эмерсон отличается своим новаторским взглядом на философию менеджмента, который он изложил в книге «Двенадцать принципов производительности», изданной на русском языке дважды – в 1931 и 1992 гг.

Двенадцать принципов эффективного менеджмента по Эмерсону – это принцип точного, быстрого и полного учета; точно поставленные цели; здравый смысл; компетентная консультация; дисциплина; справедливое отношение к персоналу; диспетчирование (на железных дорогах); нормы и расписания; нормализация условий производства; нормирование операций; наличие стандартных инструкций для каждого работника завода; вознаграждение за производительность.

Сравним конкретные положения теорий Тейлора и Эмерсона. Главный смысл организации производства – безусловно, повышение производительности. И Эмерсон и Тейлор отводили основную роль в этом процессе инженерам-рационализаторам. Однако в рамках тейлоровской системы контроль должен был осуществляться только на низовом уровне, то есть над рабочими предприятия [5, р. 10], тогда как Эмерсон предлагал ввести инженеров-рационализаторов в штат на всех уровнях управления и производства, считая, что производительность в большей степени зависит от правильной организации рабочего места. Он полагал, что у мастеров на предприятиях было слишком много власти, что вело к анархии и расстройству всей системы управления производством [6, р. 19–20]. Задачей своей теории Эмерсон считал изменение устаревшего типа организации, когда дело ведется людьми на «низовом уровне» производства, а не профессиональными менеджерами, когда управляющий перекладывает всю ответственность за результативную работу завода на мастеров, а те, в свою очередь, – на рабочих [6, р. 5]. Тейлор в качестве примера использует организацию производства на сталелитейном заводе, а у Эмерсон – на железных дорогах.

Согласно теории Г. Эмерсона следовало отказаться рассматривать управленческую пирамиду сверху вниз и считать, что подчиненный является продолжением и расширением личности начальника или работодателя. На самом деле «начальник существует только для того, чтобы делать производительную работу подчиненного, работу, которая к расширению начальствующих личностей никакого отношения не имеет» [6, р. 20]. Это ясно – ведь и человек обслуживает

станок, производящий материальную продукцию, а не самого себя, хотя он считается главным субъектом производства. Но если современное производство построено так, что главное в нем – оборудование, а основная обязанность рабочих – обслуживать его, то почему же современное управление должно строиться иначе? По мнению Эмерсона, управленческую пирамиду следует строить снизу, и тогда никто не сможет самонадеянно распоряжаться сверху: «Поднимаясь вверх по административной лестнице, мы на каждой ступени убеждаемся, что ступень эта точно так же существует не для тех, кто стоит выше, а для обслуживания тех, кто работает ниже». Итак, возводить управленческую пирамиду необходимо снизу, определяя оборудование фундаментом этой пирамиды. Каждый следующий уровень создается по функциональному признаку, его цель – обслуживать нижестоящих работников.

Техника и оборудование, на обслуживании которых сфокусирован весь менеджмент, существуют не сами по себе, а ради удовлетворения нужд потребителей. Если Эмерсон, как и Тейлор, говорит о функциональной привязанности человека, то подразумевает не человека в собственном смысле, не личность, а рабочего, то есть исполнителя определенной социально-профессиональной роли. Индивид существует ради оборудования только как часть производственного механизма, как производитель материальной продукции, но оборудование, в свою очередь, существует ради индивида как части общественного организма, то есть как потребителя. Тейлор, в отличие от Эмерсона, не склонен был винить в неэффективности администрацию завода. Он считал ответственной за неэффективность промышленного труда малорезультативную, «с прохладцей» работу рабочих [6, р. 17]. Теоретики научного менеджмента осознавали тот факт, что человек в рамках производственного цикла – уже не человек, а рабочий, то есть функционирующий индивид. «В идеале лучше было бы вообще обойтись без человека, вывести его за пределы производства, которое превращает его в производственную машину» – отмечал Эмерсон [6, р. 11].

Представляют интерес для современного крупного бизнеса методы введения в действие научных теорий Тейлора и Эмерсона. У каждого был практический опыт применения своих постулатов на практике. В Бетлехемской сталелитейной компании Тейлору удалось опробовать свою теорию, а в 1904–1907 гг. на железной дороге в Санта-Фе внедрил новшества Г. Эмерсон в качестве профессионального консультанта по менеджменту. Тейлор в своей книге достаточно подробно описывал работу предприятия, большинство его идей в области организации эффективного менеджмента были опробованы самим инженером-рационализатором, тогда как Эмерсон смог испытать свою теорию лишь частично из-за сложности внедрения инженеров-рационализаторов на все ступени производственного управления. Как описывал работу сам Эмерсон в интервью газете «The New York Times», «владелец железной дороги не повышал расходы на новые должности, стремясь ограничиться рационализаторством только на высшем уровне управления, считая иерархию на предприятии достаточно эффективной структурой, о чем я сказать решительно не мог» [7, р. 4]. Тейлоровская же система управления, наоборот, довольно быстро стала набирать популярность в начале XX в., и его последователи применяют ее на практике.

Ф.У. Тейлор создал основательную школу научного менеджмента. Целая плеяда рационализаторов производства внесли вклад в развитие управленческой мысли и предложили корпорациям новые разработки в области менеджмента. Среди них следует выделить Генри Ганнта (1861–1919), близкого ученика Тейлора, занимавшегося изысканиями в области методики премиальной оплаты и впервые составившего схемы для производственного планирования и контроля. Его книги «Труд, заработная плата и доход» (1910), «Промышленное производство» (1916) стали вехой в развитии научного менеджмента. Труды Ганнта характеризуют признание важной роли человеческого фактора в промышленности и убеждение в том, что рабочему должна быть предоставлена возможность обрести в своем труде не только источник жизни, но и осознание чувства удовлетворенности: «Все, что мы предпринимаем, должно находиться в согласии с человеческой природой. Мы не можем понукать людьми; мы обязаны направлять их развитие» [8, р. 124]. Согласно Г. Ганнту, эра принуждения к труду должна уступить место эпохе знаний, поэтому политика будущего состоит в стремлении обучать людей стратегии совместной выгоды для всех заинтересованных сторон. По мере того как рабочие становятся все более квалифицированными и овладевают навыками труда, они принимают на себя большую ответственность, что является результатом их деятельной жизни, заинтересованности в труде.

В книге «Организация труда» Ганнт впервые разработал концепцию социальной ответственности бизнеса, ставшей доминирующей в XX в. Ход его рассуждений приблизительно таков: общество нуждается в услугах и товарах, вне зависимости от того, кому достанется прибыль от их продаж, поскольку от этого зависит само существование человечества. Между тем бизнесмены считают своей главной целью приобретение прибыли, забывая, что для окружающих они не имеют никакого иного основания для существования, кроме представления услуг и товаров. Именно поэтому бизнес должен осознавать социальную ответственность и посвятить себя прежде всего служению обществу. В противном случае само общество в конечном счете может предпринять попытку отказаться от его услуг, чтобы действовать сообразно своим интересам [8, р. 158].

Супруги Фрэнк (1868–1924) и Лилиан (1878–1972) Гилбрет исследовали преимущественно вопросы труда в производственном процессе, в том числе возможности увеличения выпуска продукции за счет уменьшения физических усилий, затраченных на ее производство. Они опубликовали две книги – «Изучение движения тела» (1911) и «Психология управления» (1916), где подчеркивалась важность связи между научным менеджментом и результатами социологических исследований. Например, Ф. Гилбрет выступал за широкое внедрение в менеджмент современных измерительных методов. Так, для строительства предприятий и офисов он разработал методику кирпичной кладки, при которой количество движений каменщика сокращалось с 18 до пяти, а производительность труда увеличивалась со 120 до 350 кирпичей, уложенных за один час [9, р. 75–76]. Данная теория впервые была опробована в ходе строительства одного из крупнейших конвейерных заводов Г. Форда в Детройте. Благодаря внедрению данного метода время строительства сократилось в четыре раза: вместо предполагаемых двух лет завод был готов уже через шесть месяцев.

Близкие к теории Эмерсона мысли высказывал американский инженер Р. Робб, опубликовавший в 1910 г. «Лекции по организации». Он писал, что, по общепринятому мнению, идеальный тип организации обычно ассоциируется с армией. Распределение рядовых по ротам и полкам, ясно сформулированные обязанности офицеров и их полномочия, а также строгая дисциплина, позволяющая исполнять приказы в любых ситуациях, – все это составляет образец, которому должны следовать все остальные гражданские организации. Не случайно в ходу стали популярными такие выражения, как «индустриальная армия», «капитаны промышленности» и прочее. Действительно, продолжает Робб, военная организация внесла много ценного в деятельность других типов организаций своим примером дисциплины, четкими уставами, эффективностью работы, поскольку была вызвана к жизни «необходимостью рационального управления и обращения с большими массами людей» [10, р. 164]. Однако впоследствии она же стала причиной ошибок при создании организаций иного плана, основанных на принципах саморазвития и внутренней мотивации, где насильственное навязывание такой специфики военной организации, как командование, превосходство контролирующих функций над необходимостью в специализации работ и координации различных видов деятельности, вело к экономической неэффективности и растраниванию ресурсов.

Предпринимательская благотворительность и патернализм как еще один предмет исследования многогранной деятельности «пионеров» научного менеджмента стали приобретать более целенаправленный и функциональный характер в период становления индустриального общества. Ф.У. Тейлор назвал заботу фабричной администрации о быте и досуге людей «дополнительным фактором управления, помогавшим формировать не только умелых, но и культурных работников» [11, с. 135–136]. Социальные расходы на улучшение их жилищных условий, на школы и больницы промышленники считали не только своим моральным долгом, но и производственной необходимостью. Однако эффективность затрат на социальные нужды оставалась неопределенной, так как для большинства работников важнее были размер заработка и продолжительность рабочего дня, чем бесплатная больница или вечерняя школа.

Основатель конвейерного производства Генри Форд пошел еще дальше. Он решил сделать самих рабочих ответственными за свое благополучие, но под контролем администрации, то есть не просто им больше платить, а вкладывать в людей капитал. По его мнению, «социальными инвестициями следует управлять и измерять отдачу от них» [12, р. 161]. Инвестицией могла стать добавка к заработной плате, а управление ее использованием – социально-профилактической работой по месту жительства, где сочетались контроль, воспитание и стимулирование. Она дополняла обычный менеджмент на производстве. Контролируемая надбавка не только увеличивала доход рабочего, но и прививала рациональную культуру потребления, присущую индустриальному обществу. Критериями их эффективности выступали измеримые показатели благосостояния, заимствованные из жизни среднего класса: приобретение недвижимости, рост сбережений, улучшение жилищных условий, избавление от вредных привычек, а для иммигрантов еще и изучение английского языка с последующей их натурализацией.

Развивая рациональное производство, Г. Форд задумал перенести принципы эффективности его работы на людей, считая, что «человеческий фактор» не менее важен, чем машины и капитал, и что партнерским отношениям на производстве принадлежит будущее [12, р. 19]. В его компании благотворительные заведения отсутствовали, но рабочим усердно внушали, что качество их жизни напрямую зависит от их усердия на работе. Большое значение имели отсутствие дискриминации при найме; трудоустройство инвалидов, чернокожих и бывших заключенных; организация бесплатных курсов английского языка; помощь и консультации сотрудников социологического отдела. Социальная программа «Ford Motor Company» стала первым крупным экспериментом в этом направлении, но она так и не приобрела популярности и постепенно сошла на нет, в первую очередь из-за ее дороговизны. Организация школ и консультативных центров требовала больших инвестиций. Постепенно, вместе с исчерпавшимися экономическими возможностями, иссяк и социально-культурный потенциал программы, сводившийся к «американизации» заводских рабочих [13, с. 185–186].

Представленная эволюция американских концепций научного менеджмента позволяет сделать вывод о большой практической значимости идей основоположников данного научного направления. Все ее этапы – от тейлоровской теории, так называемой «мелочной регламентации», до фордовской системы социальной поддержки рабочих – представляли собой последовательные шаги по направлению к организации рациональной модели управленческой системы на крупных предприятиях. Таким образом, развитие и реализация представленных концепций возможны и в условиях современной российской действительности как один из верных путей к повышению производительности труда и улучшению макроэкономического климата в стране.

Библиографический список

1. Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество. М., 2002.
2. Encyclopedia of Professional Management. N.Y., 1978.
3. Town R.M. Engineer as economist. Pitts., 1887.
4. The North American Review. 1911. № 6.
5. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. N.Y., 1911.
6. Harrington E. Twelve Principles of Efficiency. W., 1912.
7. The New York Times. 1912. Sept. 28. P. 4. URL: <http://www.newspaperarchive.com>
8. Gantt H.L. Work, Wages and Profits. N.Y., 1916.
9. Gilbert F., Gilbert L. Motion Study. Pitts., 1911.
10. Robb R. Lession about organization. N.Y., 1910.
11. Тейлор Ф.У. Менеджмент. М., 1992.
12. Ford H. My life. My achievements. Detroit, 1925.
13. Шнотов Б.М. Генри Форд. М., 2003.

N.A. Basova
Methodological Bases
of Childhood Analytics:
Socio-Philosophical Reflection

Socio-philosophical reflection of childhood analytics methodological bases is presented in the context of the conflict between school and life, fathers and children, nature and civilization, genders, disease and health.

Key words and word-combinations: social philosophy, genealogy of psychoanalysis, childhood.

Социально-философская рефлексия методологических оснований аналитики детства представлена в контексте рассмотрения конфликтов школы и жизни, «отцов» и «детей», природы и цивилизации, полов, болезни и здоровья.

Ключевые слова и словосочетания: социальная философия, генеалогия психоанализа, детство.

УДК 316.34/.35 3316.34/.3516.34/.35
ББК 60.54

Н.А. Басова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИТИКИ ДЕТСТВА: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Аналитика детства в социально-философском аспекте в широком смысле решает задачу объяснения социального бытия детства с целью поисков прогностических решений материального и духовного изменения отношения общества к детству. Детство – часть социального бытия. Детство – сущее и полнота, раскрывающая свою целостность в контексте социально-философского осмысления, в котором детство предстает особой социальной общностью, устойчивой формой организации социальной жизни, обеспечивающей стабильность связей и отношений в рамках общества.

В контексте социально-философского осмысления феномена детства последнее репрезентирует два аспекта своего социального проявления – детство и молодость. Аспект молодости возникает довольно часто во взаимоотношении поколений – «отцов» и «детей». В этом случае под детством понимается молодое, но уже взрослое поколение – молодежь. И детство проявляет себя как особая социальная группа, возрастные рамки которой – это переход от детства и юности к становлению социальной и психофизиологической зрелости и адаптации к исполнению социальных ролей взрослых.

В различные эпохи период становления социальной и психофизиологической зрелости имеет свои границы, которые расширяются в процессе развития нашей цивилиза-

ции [1, с. 244–261]. Молодежь времен составителя толкового словаря В.И. Даля – это «...молодые люди обоего пола, но более мужчины», а младенец – «... дитя до семи лет...» [2, с. 322]. В настоящее время младенческий возраст составляет время от рождения до одного года, а к молодежи принято причислять людей в возрасте примерно от 14 до 30 лет [3, с. 78]. Детство оказывается в эпицентре проблематики инфантилизации общества, но востребованная сегодня социальная ценность молодости значит не то же самое, что и социальная ценность детства. Принято считать, что чувствовать себя молодым, взрослым, зрелым или старым – это полноценно, и лишь в детство «впадают», что означает состояние душевного заболевания.

В свете взаимоотношений поколений молодежь представляет собой наиболее рискованную социальную общность. Подобная молодежь представлена в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»: детство радикально и деятельно – это «страстное, грешное, бунтующее сердце» [4, с. 201], которое так необходимо жизни и которому так сложно выжить. Социальная активность «детства – молодости» всегда актуализирована в эпохи перемен, и как будто сами перемены вызваны ее активностью. Любая цивилизация всегда стремится создать социальный институт, позволяющий возглавить и направить в нужное ей русло этот юный буйный поток детства.

Детство другого аспекта рассмотрения еще так молодо, что не способно противостоять старшему поколению, а лишь нуждается в его защите и любви. Таким предстает детство в романах Ф.М. Достоевского: «Дети – странный народ, они снятся и мерещатся» [5, с. 717]. Они всегда рядом, пребывая по другую сторону сознания. Детство беззащитно и угнетаемо суровыми жизненными условиями, как образ «мальчика с ручкой» [5, с. 717], просящего милостыню.

В социально-философском осмыслении это «раннее детство», в отличие от «детства – молодости», охватывает возрастные периоды от пренатального (до рождения) и младенческого до подросткового возраста (примерно до 14 лет). В контексте социально-философского рассмотрения как социальный институт данный вид детства представлен наименее ясно. Не существует каких-либо примеров влияния раннего детства на социальные процессы или его противостояния другим возрастным группам. В общепринятой иерархической картине социума раннее детство всегда занимало самую низшую ступень на социальной лестнице.

В свете социально-философского осмысления пренатального периода как нижней возрастной границы раннего детства последнее предстает «началом», исходной человеческой полнотой и сущностью, объединяющей детство и женщину. Но связь женщины и ребенка представлена не только в аспекте материнства; женщина и ребенок – это биосоциальная связь, имеющая множественные социально-психологические репрезентации. Так, А. Шопенгауэр в этических взглядах «О женщинах», обращаясь к словам Байрона: «Начало человеческой жизни возникает на груди женщины» [6, с. 20], – отмечает, что женщины изначально приспособлены «...к пестованию и воспитанию нашего первого детства...» [6, с. 20–21]. В его суждениях женщины и дети имеют общую природу: женщины «...сами ребячливы, вздорны и близоруки, одним словом, всю жизнь представляют из себя больших детей: род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек» [6, с. 21].

Античности статус детства находится около или даже ниже статуса женщины. Ребенок в античном представлении – это еще не человек, а только его возможность [7, с. 156]. Во всей системе воспитания и образования укрепляется «отказ» от детства, так как цель гуманизма – это человек, а ребенку необходимо помочь преодолеть себя, чтобы стать человеком. Раннее детство – это всегда что-то неполноценное, что еще не является полноправным участником общности людей. Детство не проходит идентификацию, обеспечивающую единство индивидуального и персонального, и остается «другим» по отношению к миру взрослых.

Аналитика детства в социально-философском аспекте выходит за рамки социальной философии возраста. Детство исследуется как самобытная социальная общность, значение которой раскрывается для общества, определяется ее социальная ценность и угроза. Социально-философскому осмыслению подвергается содержание всецелого переживания детства как взрослого человека с его воспоминаниями о детстве, так и ребенка, сохранившего во взрослом и продолжающего переживать свое детство.

Исходной точкой социально-философской аналитики детства является экзистенциальный вопрос «Кто Я?». Этот вопрос вечного осознания себя и поиска себя окончательно формируется и наиболее отчетливо звучит в контексте философской мысли конца XIX – начала XX в.; он становится важнейшим инструментом развития личности в психоаналитической философии постклассического периода и социальной философии настоящего времени. Философские течения как сциентистского, так и антисциентистского направления, акцентирующие внимание на уникальности бытия человека, обращающиеся к его психологии и психологической ситуации, глубине эмоционального и духовного мира, к проблемам детства человека, образуют аналитический фундамент социальной философии детства.

Французский философ-экзистенциалист Ж.П. Сартр отводит центральное место в своей философии понятиям «свобода» и «отчуждение». Свобода предшествует сущности человека, отчуждение складывается в результате подчинения человека социальным институтам и, как следствие, стандартам. В новелле Ж.П. Сартра «Детство хозяина» [8] представлена трагическая метаморфоза детства: «детство хозяина» – дитя в костюме ангела перевоплощается в «хозяина детства» – мужчину-хозяина и отчужденного от своего истинного бытия нового члена общества. Главный герой новеллы Ж.П. Сартра Люсьен постоянно обращается к вопросу «Кто Я?», находя часто подтверждения тому, что он вообще не существует до той поры пока однажды ему удастся преодолеть собственные вкусы, привычки и настроения, а его глаза будто сливаются с глазами других. Люсьен приходит к выводу о том, что настоящего себя следует искать в глазах других – как в робком послушании детей, этих полных надежд и кротости существ, молодых учеников, взрослеющих для него, их хозяина [8, с. 196–197].

В контексте осмысления философской проблематики детства раздвоение «свобода и отчуждение» Ж.П. Сартра перекликается с «быть и казаться» Н.И. Пирогова, который обращает внимание на то, что юноша еще не способен ясно различать два свойства своего Я – быть и казаться. Только со временем «...на

одной сцене жизни – он скоро научится лучше казаться, чем быть» [9, с. 93]. Пирогов обращается к детству, как к специфической сфере бытия и считает, что необходимо основывать воспитание на законах девственно-фантастического мира дитяти [9, с. 97]. В этом мире природа, окружающая ребенка – это «...калейдоскоп в беспрестанном вращении, через который дитя смотрит на все окружающее» [9, с. 96].

Взаимодействие детства как подлинной части социального бытия и как социального института раскрывается в обращении генеалогии к детству как к началу человека и человечества. Генеалогия детства раскрывает множественность его «первоистоков»; складывается определенная «генеалогическая карта» детства, благодаря которой выявляются современные социально-философские тенденции трансформации детства. В философской генеалогии это карта социально-философских событий детства и вечно повторяющихся сюжетов, предстающих в качестве архетипов в аналитической психологии К.Г. Юнга.

В суждении К.Г. Юнга, психология – молодая наука, осуществляющая прорыв в душевное содержание сквозь религиозные формулы – самые прекрасные и всеохватывающие образы. «Родоплеменные учения священно опасны» [10, с. 100]; они пытаются уловить невидимые душевные события и претендуют на высший авторитет. В них тайны души выражены величественными образами, и, чем грандиознее передаваемый образ, тем он дальше от индивидуального опыта. Психология извлекает из мифов непосредственный опыт.

В настоящее время психоанализ как социально-философское течение в генеалогическом аспекте рассмотрения представляет собой квинтэссенцию аналитики детства. Психоанализ – это и философский инструмент, рожденный новым осмыслением человека, обращенный к его детству, и детство науки: его методы обращены к «другому» сознания и науки, наполнены интерпретацией архаических образов и символов, чувствами и мифами. Психоанализ, исследующий природу амбивалентного, репрезентирующий свой стиль мышления, в генеалогическом аспекте рассмотрения и сам раскрывает свою амбивалентность: он и юное дитя науки и ее праотец.

Генеалогия психоанализа обращена к ключевому событию его социально-философского становления – вытеснению в сферу бессознательного детства и материнства. Рассматриваемое генеалогическое событие разворачивается в свете зарождения специфического социального пространства, которому и сейчас всецело принадлежит детство – речь идет о возникновении школы в период Древней Греции. Все во взаимоотношениях древних – политика, риторика, дидактика – было направлено на воспитание и образование [7, с. 151]. Это время зарождения разума в особой культуре античного мира, наполненной живыми архетипическими сюжетами.

Жизненная модель рождения разума отображается в мифе о рождении Афины Паллады – могучей дочери Зевса, и это же событие включает в себе структуру социального поворота в судьбе детства и материнства. Детство и материнство довольно часто представляют центральное содержание античного мифа. Например, в случае мифологических событий, предшествующих появлению Зевса, когда отец Зевса – Крон – повелел своей жене Рее приносить ему

рождавшихся детей, для того чтобы он проглатывал их [11, с. 9]. Или когда детство зарождается в эпицентре конфликтов богов и богинь, как в случае с рождением Диониса [11, с. 71–72]. Мифологический ребенок видоизменяется от слабого существа, требующего защиты, до всемогущего героя.

По мнению А.Ф. Лосева, ядром мифа о рождении Афины является обширный комплекс исторических эпох: этот миф отображает период от дикого матриархата до эстетики поздней греческой цивилизации: «Здесь мы увидим остатки фетишизма и каннибализма, предшествующие развитому патриархату, и свидетельство о патриархате, т. е. о примате мужского индивидуума над женским, и символику мудрости верховного божества, и, наконец, гротеск позднейших времен свободомыслия на границе развала общинно-родовой формации и начального периода греческой классики» [12, с. 24].

Афина Паллада – богиня мудрости, знания, непобедимая воительница, а так же богиня искусств и ремесел, покровительница городов и государств. Это одна из наиболее почитаемых фигур античной культуры, единственная богиня, использующая мужские атрибуты – доспехи и копья [12, с. 36].

Существенным фактом данной мифологической модели рождения разума является то, что изначально богиней мудрости была океанида, первая жена Зевса и мать Афины – Метис (Метиде – «мысль, премудрость»). Очевидно, что это была другая мудрость, обладающая текучестью океаниды, отличная от мудрости Афины: океан передает символ всеобщей жизни как противоположность частичной, тогда как мудрость Афины отчетливо предстает в связи с появлением знания.

Упоминание о Метис (Метиде) появляется в «Теогонии Иеронима и Гелланика»: вначале появился Хронос, из него – Эфир, Хаос и Мировое Яйцо. Из Яйца появляется первый и самый могущественный бог – Фанет, или Эрикпей, или Метис (Метиде). Это получеловек и полуживотное [12, с. 683]. В другом эпизоде Метиде-океанида рождается от Океана и Тефии [12, с. 780]. Выросший Зевс взял себе Метиду в соучастницы, она помогла ему одолеть Крона и освободить проглоченных им детей [12, с. 822]. А.Ф. Лосев пишет, что в изложении Орфея свет, который осветил землю и все живое, пребывающее во мраке, предстает как триада или единая потенция – сила единого бога – это Метис, Фанет, Эрикпей, интерпретируемые как «совет», «свет» и «жизнеподатель»; вместе это природа, или идея, которую никто не может познать. Именно из этого триединого божественного образования-потенции произошло все: солнце, луна, земля, облака, звезды, бестелесные начала и все видимое и невидимое [12, с. 722–723].

В мифе о рождении Афины Зевс проглотил богиню мудрости Метис, чтобы избежать рождения своего преемника, и в этом акте отображено еще одно важное социально-философское событие детства – детство, несущее угрозу власти отца, и вместе с тем детство, становящееся жертвой власти отца.

Афина, новая богиня мудрости и богиня знания, рождается из головы Зевса и предстает в полном вооружении: «... в блестящем шлеме, с копьем и щитом... перед изумленными очами богов олимпийцев» [11, с. 36]. В контексте социально-философского осмысления детства важной особенностью рождения Афи-

ны является то, что она появляется на свет, минуя стадию детского развития. Можно предположить, что этот мифологический сюжет является ведущим социально-философским «мотивом» детства: место детства рядом с безбрежным разумом матери-океаниды; детство и родящая мать надежно хранится по воле Зевса в его голове.

Основой социально-философской системы принципов и способов организации аналитики детства стал генеалогический метод, связанный с событийным пластом и экзистенциальным опытом. В генеалогическом подходе исследования детства последнее репрезентирует свою «родословную»; определяется род, семьи и поколения детства. Обращаясь к событиям прошлого, минуя историзм, философская генеалогия рассматривает в этих событиях соотношения: детства и чувств, детства и морали (совести, нравственности), детства и институтов, детства и пола.

В генеалогическом аспекте психоанализ события, указанных взаимоотношений детства разворачивается в эпоху, которая, по словам Н. Бердяева, разоблачает жизнь пола: психоанализ исследует человека, разлагая его на части, но человек по-прежнему скрывает любовь сексуальную, в то время как не стыдится любви-жалости [13, с. 199]. Н. Элиас исследует роль цивилизации в формировании и развитии чувства стыда, связанного с сексуальными отношениями. По его мнению, в цивилизационном процессе изменились как отношения между полами, так и само восприятие обществом сексуальных отношений, а также стандарты чувства стыда. Сексуальная жизнь стала более скрытой, что привело к увеличению психической дистанции между взрослыми и детьми [1, с. 244–261].

Фундаментальное социально-философское понимание феномена детства возникает в области пересечения вопросов воспитания и здоровья человека. Социально-философская рефлексия детства обращена к проблематике здоровья как отдельного индивида, так и общества в целом. Идеи гуманистического воспитания Н.И. Пирогова, зародившиеся в результате социальной диагностики российского общества, составляют основу воспитательно-образовательных решений, направленных на оздоровление общества. Так же, как и психоаналитическая парадигма образования, педагогическая мысль Н.И. Пирогова сочетает педагогику и медицину, обращаясь к вопросам существования естества детства в условиях социальных норм и требований. Так, Н.И. Пирогов, описывая сторону воспитания, доступную только врачам, обращает внимание на «пороки чувственности» [9, с. 198], которые вносят в закрытые учебные заведения извне ученики домашнего воспитания.

В трудах Н.И. Пирогова предстает образ врача-педагога как предвестие появления позже, в русле психоаналитической парадигмы образования, психоаналитика. В педагогическом учении Н.И. Пирогова твердо обозначается область разрыва общества и детства – это противопоставление жизни школе и школы жизни: воспитание и обучение идут сами по себе, а жизнь – сама по себе [9, с. 198]. Пирогов обращает внимание на положение женщины после обучения: она «...скрывается в семейном кругу; ее деятельность, а следовательно, и результаты учения остаются неизвестными...» [9, с. 192]. Призыв Пирогова «... восстановить смысл и права школы, проистекающие из самой жизни» [9, с. 202], обращен к «мужскому обществу» – отцам, обществу и государству.

Методологические основания аналитики детства в свете социально-философской рефлексии репрезентируют разрыв между школой и жизнью как источник конфликтов – отцов и детей, взаимоотношений полов, природы и цивилизации, жизни и смерти, болезни и здоровья. В данных конфликтах феномен детства предстает в образе «ребенка», вытесненного обществом, которое само заключено в этом «ребенке». Особенность социальной природы детства заключается в единстве и многообразии характеристик ребенка как первичной целостности органического и социального с удостоверением в то же время их нетождественности. Детство – природный феномен и исток человеческого социального бытия. Социально-философское содержание феномена детства репрезентировано в поле противостояния власти и дискриминации, а сама социально-философская рефлексия детства выступает как процесс обретения детством средства быть.

Библиографический список

1. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л.В. Беловинского. М., 2004.
3. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2005.
4. Тургенев И.С. Отцы и дети. Челябинск, 1969.
5. Достоевский Ф.М. Петербургские повести и рассказы / сост. Л.А. Плотникова. Ленинград, 1973.
6. Шопенгауэр А. Мысли. СПб., 2008.
7. Ломако О.М. Генеалогия воспитания: Философско-педагогическая антропология. СПб., 2003.
8. Сартр Ж.П. Стена. СПб., 2004.
9. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенюк. М., 1985.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
11. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 2009.
12. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. М., 1996.
13. Бердяев Н.А. Эрос и личность: философия пола и любви. СПб., 2007.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

M.A. Vyadro

The Correlation between Formal Characteristics of the State Duma Deputies and Their Representative Activities (by the example of the Saratov Region)

Implementation features of representative democracy in Russia are studied by the example of the Saratov Region. The composition of the fourth and fifth convocations of State Duma deputies is analyzed. The correlation between formal characteristics of deputies and their representative activity is revealed.

Key words and word-combinations: deputies of the State Duma, Saratov Region, representative activity.

Изучаются особенности реализации в России представительной демократии на примере Саратовской области. Анализируется состав депутатов Государственной Думы четвертого и пятого созывов. Выявляются зависимости между формальными характеристиками депутатов и активностью их репрезентативной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: депутаты Государственной Думы, Саратовская область, представительская деятельность.

УДК 354:342.5(470.44)
ББК 66.3(0),123(235.54)

М.А. Вядро

**КОРРЕЛЯЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК
ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
И АКТИВНОСТИ
ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В современной России с момента распада Советского Союза происходят процессы становления и развития институтов представительства интересов граждан, одним из основных среди которых является Государственная Дума. За прошедшее десятилетие существенно изменились условия формирования данного органа власти, но до сих пор оптимальный формат еще не установлен. Ожидаемым результатом данных трансформаций является не только совершенствование законотворческой деятельности, но и повышение качества репрезентативности интересов населения депутатами, одним из показателей которого является активность народных избранников в представлении инте-

ресов населения. Смысл функционирования институтов представительства предполагает, что активность парламентария зависит от его соответствия формальным характеристикам: способ избрания, профессиональная принадлежность, занимаемая должность в Думе, социально-демографические особенности. Но в подобном случае показатели репрезентации у всех депутатов были бы на близком уровне. Однако достоверность данного тезиса вызывает большое сомнение.

Интерес к изучению качества представительной демократии обусловлен далеко не только предстоящими изменениями в способе формирования нижней палаты национального парламента. Актуальность данной темы звучит в официальном дискурсе руководства государства [1], вызвана локальными процессами, происходящими на региональном уровне. На территории субъектов РФ, в том числе и Саратовской области, зачастую происходят резонансные события, которые вызывают недовольство широких слоев населения и требуют оперативного вмешательства официальных представителей власти и поиска компромиссных решений. Медиаторами в подобных ситуациях могли бы выступать народные представители, избранные в том числе и в Государственную Думу от данного региона. Однако они далеко не всегда проявляют активность в урегулировании возникающих острых вопросов.

Исследование проводилось на примере Саратовской области, являющейся типичной с точки зрения протекающих политических процессов. В ходе него были изучены составы депутатов нижней палаты Федерального Собрания РФ четвертого и пятого созывов, избранных от Саратовской области [2; 3]. Внимание было уделено именно этим созывам в связи с тем, что при их формировании применялись различные системы подсчета голосов – смешанная и пропорциональная, которые представляют наибольший интерес при изучении. Репрезентативная деятельность депутатов, избранных по одномандатным округам, должна быть более активной в отношении жителей своего округа. Кроме того, к формальным характеристикам деятельности депутата были отнесены не только способ определения победителя, но и его профессиональная и политическая принадлежность, статусные позиции, проявляющиеся в возможности более активной поддержки избирателей при нахождении на руководящих постах в Госдуме. Так же был проведен комплексный анализ информации о деятельности народных избранников от Саратовской области.

Активность деятельности депутатов изучалась на основе контент-анализа региональных средств массовой информации. С учетом того, что парламентарии Государственной Думы являются значимыми политическими фигурами на областном политическом поле, их деятельность является публичной и находит отражение в медиапространстве. Это актуально как для провластных депутатов, так и для оппозиционных, политические партии которых также имеют доступ к лояльным СМИ. В качестве анализируемых источников использовались публикации 39 региональных печатных изданий, новостные передачи 13 радиостанций и 6 телеканалов, сообщения 11 новостных Интернет-агентств в период с 2003 по 2011 г. В ходе анализа не учитывалось количество повторений новости с упоминанием депутата, а подсчитывалось число сообщений по различным поводам упоминания народного избранника. Все информационные сообщения были распределены по четырем категориям: мероприятия, пресс-конференции,

интервью и упоминания. Несмотря на то что сообщения из каждой категории могут свидетельствовать о репрезентативной деятельности депутата, наиболее показательной является, в первую очередь, группа «мероприятия», затем «пресс-конференции» и в меньшей степени «интервью» и «упоминания».

В 2003 г. в национальный парламент от Саратовской области вошли девять депутатов: помимо четырех одномандатников (В. Володин, П. Камшилов, Н. Сухой и В. Третьяк), были представлены три члена «Единой России» (А.В. Бабошкин, Л.К. Слипка, С.Б. Суоров) и по одному от КПРФ (В.Ф. Рашкин) и ЛДПР (А.Г. Чернышов) [2]. Практически все народные избранники, кроме Суорова С.Б., отработали в Думе весь срок. На место Сергея Борисовича Суорова, назначенного ректором Саратовской государственной академии права, пришел депутат Тетерин от Краснодарского края. В результате «Единая Россия» имела семь представителей от Саратовской области.

По итогам голосования в 2007 г. в Государственную Думу вошли восемь парламентариев, все были избраны по пропорциональной системе [3]. «Единую Россию» представляли шесть депутатов (В.В. Володин, С.Ю. Захарова, Ю.Б. Зеленский, С.А. Овсянников, В.В. Панков, В.А. Третьяк). От коммунистической партии Российской Федерации прошел В.Ф. Рашкин, от «Справедливой России» К.А. Лукьянова. По сравнению с предыдущим созывом с 2007 по 2011 г. произошла существенная ротация депутатов «Единой России»: вместо трех парламентариев, досрочно сложивших свои мандаты (В.В. Володин, Ю.Б. Зеленский, С.А. Овсянников), были назначены другие представители региона (О.Е. Уварова, И.В. Архипов, А.А. Соловьев). Таким образом, за весь срок функционирования Государственной Думы Федерального Собрания РФ пятого созыва интересы жителей Саратовской области представляли 11 депутатов, избранных от региона. Также за Саратовской областью был закреплен представитель ЛДПР Ю.В. Коган, который являлся куратором также Самарской и Курганской областей.

Распределение депутатов по политической принадлежности принципиально не отличалось в двух рассматриваемых случаях: явное преимущество имели члены «Единой России», каждая оппозиционная партия была представлена в регионе одним депутатом. Однако, в 2003 г. партия власти набрала существенно меньше голосов в Саратовской области, чем в 2007 г. Увеличение числа депутатов было достигнуто за счет выдвижения сильных одномандатников, которые одержали победу каждый в своем округе.

В Государственной Думе четвертого созыва из девяти депутатов шестеро до избрания в 2003 г. являлись парламентариями регионального и федерального уровня. Среди остальных избранников есть представители чиновничества, руководители коммерческих и некоммерческих организаций (С.Суоров – министр образования Саратовской области, А. Чернышов – генеральный директор ЗАО «Международный интеллектуальный центр «Уникласс», В. Третьяк – президент фонда Спортивной академии В. Третьяка). С одной стороны, это свидетельствует о наличии определенного уровня профессионализма парламентариев, которые были знакомы с деятельностью в законодательной власти. С другой стороны, предыдущий профессиональный путь депутатов показывает их причастность к аграрному и промышленному секторам, а также государственной службе.

В пятом созыве из двенадцати народных избранников, представлявших интересы жителей Саратовской области, у восьми человек предыдущей была депутатская деятельность. Трое (В. Володин, В. Рашкин и В. Третьяк) продолжили представлять в Государственной Думе Саратовскую губернию. При этом если доля избранников, имевших опыт депутатской деятельности, была равной в четвертом и пятом созывах, то профессиональный состав был в большей степени представлен специалистами социальной (врачи, учителя, деятели искусства) и финансовой (банковское дело, поиск инвесторов) сфер, чем промышленниками. Аграрный сектор не был представлен вообще.

С точки зрения гендерного представительства жителей Саратовской области Государственная Дума была более репрезентативной: в ней присутствовали три женщины (С. Захарова, К. Лукьянова, О. Уварова), тогда как в предшествующем периоде деятельности парламента от Саратова была избрана только Л. Слипка.

Возрастная структура представителей интересов жителей Саратовской области в двух рассматриваемых созывах была фактически идентичной: основную долю составляли избранники в возрасте от 40 до 60 лет, а молодежь и пожилое поколение представляли по одному парламентария от Саратовской области как в Думе 2003 года формирования, так и 2007 г. Несмотря на отсутствие принципиальных отличий, налицо наметившаяся тенденция омоложения депутатского корпуса.

В Государственной Думе четвертого созыва депутаты от Саратовской области занимали большее количество руководящих постов, чем их коллеги по пятому созыву. С 2003 по 2007 г. в парламенте России два заместителя Председателя Государственной Думы представляли интересы Саратовской губернии (Л. Слипка и В. Володин), а также три народных избранника входили в состав руководства комитетов (В. Третьяк – председатель комитета по физической культуре, спорту и делам молодежи, Н. Сухой – зампред комитета по бюджету и налогам, А. Чернышов – зампред комитета по образованию и науке). В Думе 2007–2011 гг. только двоих избранников от Саратовской области можно отнести к руководящему составу: Н. Панков являлся зампредом комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, В. Третьяк – первым зампредом по физической культуре и спорту.

Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ от Саратовской области за период деятельности четвертого созыва упоминались 2389 раз в СМИ. С 2008 по 2011 г. вышли 2994 информационных сообщения о деятельности саратовских парламентариев, что свидетельствует о повышении медиа-активности народных избранников и может объясняться большим количеством депутатов по сравнению с числом представителей региона в Думе, сформированной в 2003 г.

В рассматриваемых созывах общим является наличие большого разрыва в показателях упоминания депутатов. И в четвертом, и в пятом созывах была небольшая группа народных избранников (3–4 человека), которые были гораздо заметнее в местных СМИ, чем все остальные. При этом важно, что к числу наиболее активных парламентариев относятся как раз те депутаты, которые присутствовали в обоих созывах. Определяющей не была ни партийная принадлежность представителя, ни способ его попадания в Думу (по одномандат-

ному округу или партийным спискам). Так, два из четырех депутатов, избранных в 2003 г. по мажоритарной системе, являются аутсайдерами по рассматриваемому показателю.

Среди всех депутатов Государственной Думы от Саратовской области выделяется В. Володин, у которого очень высокий показатель упоминаемости в парламенте и четвертого созыва, и пятого (с 2003 по 2007 г. из 2389 сообщений упоминаения о Володине составили 840, с 2008 по 2011 г. из 2994 – 833). В связи с этим отсутствует необходимость структурирования информационных сообщений о нем, так как очевидно его активное участие в жизни региона, а также оказываемая поддержка жителям области. Народные избранники, работавшие в Думе с 2007 по 2011 г., чаще упоминались в средствах массовой информации. Наличие среди них В. Володина не влияет на саму тенденцию, так как его показатели в двух разных созывах являются практически идентичными.

При рассмотрении показателей всех депутатов разных созывов по отдельным категориям («мероприятия», «пресс-конференции», «интервью» и «упоминания») стало понятно, что практически во всех из них увеличение произошло на одинаковую долю в процентном соотношении: если в целом по всем категориям рост составил 40%, то для группы «мероприятия» зафиксировано повышение показателя на 51%, «упоминания» – 49, «интервью» – 31%. Из всего списка выделяется только категория «пресс-конференции», в которой общее количество упоминаний уменьшилось на 16%. Очевидно, что при увеличении количества человек, представлявших Саратовскую область в национальном парламенте с 2007 по 2011 г., снижение числа проведенных пресс-конференций свидетельствует о снижении публичности депутатов и ухудшении информированности жителей региона о выполняемых ими функциях. Снижение показателей характерно не только для представителей «Единой России», которые сравнительно часто менялись в Государственной Думе, но существенное уменьшение зафиксировано и у представителей оппозиции. Более того, именно снижение частоты проводимых оппозиционными депутатами встреч со СМИ в первую очередь обуславливает общие низкие показатели по данному критерию.

Проведенный анализ позволяет заявить о том, что Саратовская область имела в Государственной Думе четвертого и пятого созывов одинаковое по количеству мандатов представительство. Но за счет происходившей с 2007 по 2011 г. ротации депутатов репрезентация интересов жителей региона была более диверсифицированной с точки зрения различных профессиональных групп. Также присутствовало большее количество женщин среди депутатов пятого созыва, более широко были представлены в нем социальная и финансовая сферы относительно аграрного и промышленного секторов в парламенте 2003 г. избрания. Одним из важных критериев представительства интересов граждан является присутствие депутатов на руководящих постах в Думе. По этому показателю бесспорное преобладание зафиксировано в Думе четвертого созыва, где саратовцы занимались руководством как самого органа законодательной власти, так и профильных комитетов. При этом идентичным осталось количество членов оппозиционных партий, большая доля избранников, имевших опыт депутатской деятельности, возрастная структура парламентариев от Саратовской области.

По итогам проведенного исследования было установлено, что депутаты Государственной Думы пятого созыва от Саратовской области были более активны в вопросах представительства интересов граждан. Однако это вряд ли связано со сменой избирательной системы, применяемой при формировании нижней палаты парламента, а вызвано, скорее, увеличившимся количеством депутатов, которые представляли регион за период функционирования Думы. Подтверждением данного предположения являются различные индикаторы. Во-первых, не все депутаты-одномандатники, прошедшие в Госдуму четвертого созыва от Саратовской области, являлись лидерами по количеству проведенных мероприятий и пресс-конференций и в некоторых случаях существенно уступали «списочникам». Во-вторых, при повторном избрании депутатов, независимо от того, были они одномандатниками или прошли по пропорциональной системе, принципиального изменения их активности не зафиксировано.

Исходя из того что повторно избранные депутаты демонстрировали наиболее высокие показатели активности при работе с населением в первом из рассматриваемых созывов, можно предположить, что качество репрезентативной работы является значимым, хотя не единственным фактором продолжения депутатской деятельности.

Среди выявленных фактов, свидетельствующих о региональных особенностях активности взаимодействия депутатов с жителями Саратовской области и представления их интересов, следует отметить, что у оппозиционеров при сохранении в двух созывах одинаковых показателей доли упоминаний в общей массе уменьшилась активность проведения мероприятий, пресс-конференций и опубликования интервью. Очевидно, что значения, зафиксированные у представителей оппозиции, во многом зависят от личных особенностей избранника, а не от партийной принадлежности, популярности той или иной партии, стратегии поведения ее лидера и системы голосования, по которой был избран депутат. Последний тезис справедлив не только для характеристики деятельности оппозиционеров, но и всех депутатов.

Выявленные корреляции позволяют предположить, что активность представительской деятельности депутатов мало зависит от формальных условий их функционирования. Формирование Государственной Думы по мажоритарной системе не гарантирует высокой активности народных избранников в работе с избирателями. Также и распределение мест пропорционально набранным голосам не исключает плодотворного взаимодействия парламентария с электоратом. Но для определения качества представительства интересов граждан не только по количественным показателям, а и по качественным необходимо детальное изучение деятельности каждого депутата и оценки проводимых им мероприятий на территории региона.

Библиографический список

1. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/messages>
2. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/history/convocations/4/>
3. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/history/convocations/5/>

M.N. Sergeeva
**Factors and Mechanisms
of Human Adaptation
to the Culture of Using
Information Resources**

Factors and mechanisms, as basic elements of the phenomenon of human adaptation to the culture of using information resources are considered. The structure of human adaptation culture in the modern information society is analyzed.

Key words and word-combinations: adaptation, personality, factors of adaptation, mechanisms of adaptation, information resources, culture.

Рассматриваются факторы и механизмы как основные элементы феномена адаптации человека к культуре использования информационных ресурсов. Анализируется структура адаптационной культуры человека в современном информационном обществе.

Ключевые слова и словосочетания: адаптация, личность, факторы адаптации, механизмы адаптации, информационные ресурсы, культура.

УДК 159.9:004:002
ББК 88.4:73

М.Н. Сергеева

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К КУЛЬТУРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

В настоящее время не существует сферы человеческой деятельности, которая не испытывала бы зависимости от рынка информации и не нуждалась в использовании новейших информационных достижений общества. Все это накладывает отпечаток на взгляды, поведение, образ жизни и мышление современного человека, предъявляя новые требования к жизненным ценностям [1, с. 34].

Адаптация к культуре пользования информационными ресурсами становится важным инструментом в условиях социокультурного развития общества, так как процессы познания нового в использовании современных производственно-технологических ценностей способствуют гармонизации внутреннего мира человека и достижению успехов в любой деятельности, в том числе и профессиональной. Адаптация человека затрудняется в связи с резко возросшим объемом информации, а также многообразием форм и видов информационных ресурсов, циркулирующих в социуме и воздействующих на личность. Сам феномен адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами в условиях современного общества по своей структуре достаточно сложен для восприятия. Рассмотрим его в соответствии со структурно-функциональным подходом.

Существуют и другие подходы к анализу данного явления. Социальный подход выде-

ляет основные типы адаптационного процесса: тип, характеризующийся преимущественно активным воздействием на социальную среду; тип, определяющийся приспособлением личности, самоизменением в соответствии с требованиями среды. Культурологический подход раскрывает сущность предмета адаптации. Психолого-педагогическое направление объединяет в себе несколько подходов: первый подход связан с медико-психологическими аспектами адаптации в стрессовых условиях; второй – с психолого-педагогическими особенностями – такими, как мотивация, интерес, уровень культуры пользования; третий – с приобретенными знаниями, умениями и навыками в обучении культуре пользования информационными ресурсами.

Адаптационные процессы человека предполагают взаимодействие различных комбинаций деятельностных, поведенческих и информационно-психологических, частных адаптивных направлений, вся совокупность которых направлена на реализацию определенных потребностей современного общества. Важными составляющими, определяющими эффективность адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами, являются конкретные факторы.

В.Г. Ананьев разделяет данные факторы на две группы: субъективные и средовые, которые могут успешно влиять на ход процесса адаптации. К субъективным факторам ученый относит демографические (возраст, пол), физиологические и психологические характеристики человека; к средовым – условия жизнедеятельности, режим и характер деятельности, особенности социокультурной среды [2, с. 40–41].

А. Маслоу, К. Роджерс считают, что основными условиями адаптации являются индивидуальные особенности, характеризующие самоактуализирующуюся личность; высокий показатель конгруэнтности «реального Я» и «идеального Я»; ценностные ориентации с точки зрения их нормативности в обществе. Л. Филипс утверждает, что на адаптацию влияют как внутриспсихические (личностные черты: целеустремленность, активность, самостоятельность), так и средовые факторы (условия воспитания) [3].

С.А. Ларионова в своем исследовании предлагает структурно-функциональную модель и выделяет факторы, детерминирующие адаптацию человека к культуре пользования информационными ресурсами [4, с. 93].

С точки зрения социально-психологической адаптации можно выделить следующие факторы: когнитивный, эмоциональное реагирование, практическая деятельность и мотивация личности [5, с. 92]. Нарушения адаптационных процессов и состояния равновесия в системе «человек – среда» могут вызываться различными факторами – биологическими либо социокультурными, в зависимости от аспекта. Комплексное влияние приводит к тому, что действие биологических и социокультурных факторов может быть опосредованным: «Можно с уверенностью утверждать, что такие факторы прогресса, как, например, ускорение темпов жизни, интенсификация производственных процессов, урбанизация, комплекс социально-психологических и культурно-исторических условий нашей эпохи, действуют на биологию человека не прямо, а опосредованно, преломившись через нейropsychическую сферу» [6, с. 43].

Немаловажным элементом изучения процессов адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами являются факторы образовательные, формирующие ее в информационной среде (знания, умения и навыки

в любых образовательных условиях) и влияющие на информационно-культурное становление и развитие. Такой концепции придерживается Н.И. Гендина [7]. На повышение культуры пользования информационными ресурсами человека влияют и индивидуальные факторы развития и поведения, по мнению Л.С. Выготского [8, с. 145].

Можно выделить основные группы факторов, влияющие на адаптационные процессы человека в сфере культуры пользования информационными ресурсами: информационно-образовательный, социально-экономический, психолого-педагогический факторы, профессиональная деятельность.

На наш взгляд, важную роль играют факторы психолого-педагогические, влияющие на более успешную адаптацию человека к культуре пользования информационными ресурсами. Информационно-образовательные и социально-экономические факторы могут способствовать или тормозить адаптационные процессы человека в процессе пользования информационными ресурсами.

К основным информационно-образовательным факторам в процессе адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами относятся следующие:

- ознакомление с многообразием информационных ресурсов как процесс непрерывный; личность должна самостоятельно ориентироваться в информационной среде для применения информационных ресурсов в повседневной жизни;
- приобретение основных навыков работы с любыми информационными ресурсами, с разнородными техническими характеристиками данных; формирование навыков самостоятельного поиска и анализа информации;
- систематическое получение знаний, умений и навыков в работе с информационными ресурсами самостоятельно или при помощи образовательных учреждений.

Процессы адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами тормозит также и социально-экономическая среда. Не всегда у людей имеются материальные средства для повышения уровня знаний в области работы с информационными ресурсами – приобретения их или посещения определенных курсов. Профессиональная деятельность тоже может как способствовать адаптации человека, так и тормозить ее – это зависит от самой сферы деятельности, в которой трудится человек.

Одним из основных направлений для успешного протекания адаптация человека к культуре пользования информационными ресурсами является интеграция. Интеграционные процессы человека с разными информационными ресурсами современного общества заключаются в систематическом контакте с производственно-технологической культурой общества, в частности с цифровыми и аналоговыми ресурсами. Это необходимо для приобретения умений ориентироваться в возрастающих потоках информации, циркулирующих в мире; использовать информационные технологии передачи, хранения, обработки информации; применять информационные ресурсы для развития творческих способностей; повышать уровень культуры пользования ими.

Интегрирующая совокупность адаптационных процессов человека позволяет ориентироваться в информационной среде, обеспечивать возможность получать, обрабатывать и актуализировать информацию и знания, проявлять в реф-

лекции информационной деятельности потребности в самореализации. Под самореализацией человека в информационном обществе понимается деятельность, направленная на развитие личностного «Я» с целью адаптации, индивидуализации и интеграции в обществе в условиях приоритета информационной деятельности его [9, с. 13]. В процессе самореализации личность овладевает такими основными видами деятельности, как ценностно ориентированными, познавательным, преобразовательным, коммуникативным [10, с. 83].

Процесс адаптации может осуществляться как активно, так и пассивно. Пассивная форма адаптации реализуется спонтанно, на уровне подсознания, причем главными механизмами являются физиологические и психосоматические. Такая форма приспособления соответствует тому, что человек – существо биологическое. Но поскольку личность является существом и общественным, пассивная форма адаптации протекает также под влиянием общекультурных факторов. Данные факторы организуют социокультурную среду так, что человечество, даже если оно не хочет включаться в информационный процесс развития современного общества, обеспечивает процесс принудительного внедрения новых информационных ресурсов, вытесняя ими старые.

Феномен адаптации к пользованию информационными ресурсами характерен для личности, находящейся в состоянии социального или эмоционального шока, и проявляется в стремлении сохранить неизменным обычный образ жизни, использовать отлаженные и ранее эффективные стереотипы взаимодействия с окружением и самим собой. Сущность механизмов адаптации личности к культуре пользования информационными ресурсами заключается во взаимодействии двух структурных систем личности и окружающих ее форм и видов информационного ресурса.

В основе понимания механизмов адаптационных процессов человека, согласно теоретическим представлениям Т. Парсонса, социокультуризация индивида осуществляется с помощью трех основных механизмов: познавательных; защитных психических, с помощью которых принимаются решения в тех случаях, когда между потребностями личности возникают конфликты; приспособленческих, тесно связанных с защитными механизмами. Механизмы приспособления, по мнению Т. Парсонса, сублимируют конфликты, связанные с внешними объектами. Такое приспособление приводит к интернализации элементов социального контроля, и в этом смысле оно имеет сходство с функционированием сверх «Я» [11, с. 270].

Для определения силы и продолжительности приспособленческих реакций человека, ряд ученых (А.И. Воложин, Д.В. Колесов, В.И. Медведев, Ю.К. Субботин) используют термин «реактивность», понимаемый как количественно-временная характеристика функциональных сдвигов в организме, происходящих в ответ на воздействие и лежащих в основе достижения того или иного адаптивного эффекта [12, с. 3].

Приспособленческие реакции могут быть разделены на два класса: быстро реализующиеся реакции срочной адаптации, для которых имеются готовые, вполне сформировавшиеся механизмы, и реакции долговременной адаптации. Долговременная адаптация включает в себя реакции, для осуществления которых у личности не существует готовых сформировавшихся механизмов, а есть лишь генетически детерминированные предпосылки. Постепенное формирование таких механизмов происходит при многократном включении реакций срочной адаптации [11, с. 35].

Одним из важных механизмов адаптации личности к культуре пользования информационными ресурсами может стать преодоление барьеров, в частности информационных и информационно-технологических. В.М. Ромм считает, что барьеры, тормозящие адаптацию, по их месту в адаптивном взаимодействии в системе «личность – общество» подразделяются на индивидуальные (характеризующие особенности адаптирующейся личности), информационноадаптивные (затрагивающие адаптивное инфовзаимодействие) и ситуативные (связанные с качественной спецификой социальной среды) [12, с. 62].

На наш взгляд, механизмы адаптации человека к культуре пользования информационными ресурсами можно разделить на три основные группы – деятельности, общения, самопознания, характеризующих его социальную сущность. Деятельность – ведущий специфический механизм в организации адаптации личности. Механизм деятельности включает в себя процессы общения, обучения, практического применения. Сам же механизм адаптации в деятельности личности имеет свои закономерные этапы, в основном свойственные остальным видам деятельности. Эта схема примерно такова: нужда индивида – потребности – мотивы принятия решения – реализация и подведение итогов – оценка. Далее этот механизм может повториться в зависимости от достигнутых результатов. Общение – важнейший механизм адаптации личности к пользованию информационными ресурсами, который основывается на обмене знаниями при вербальном или виртуальном контакте. Самопознание – это механизм, в котором личность самостоятельно повышает уровень культуры пользования информационными ресурсами.

Данные механизмы и факторы адаптационной культуры человека в сфере пользования информационными ресурсами представлены в виде определенной структуры:

адаптационная потребность, выраженная в стремлении человека получить определенные знания в рамках меняющихся норм общества;

адаптационные способности к рациональному познанию значимых материальных ценностей общества;

адаптационное поведение, выступающее как ответная реакция адаптации человека к изменяющимся ценностям общества, в частности к информационным ресурсам.

Активная форма адаптации к пользованию информационными ресурсами заключается в том, что человек стремится целенаправленно изменить свое сознание, действия, прежний образ жизни, социальное положение, с тем чтобы приспособиться к меняющимся социокультурным условиям. При этом он ориентируется на собственные внутренние резервы, готов и способен отвечать за свои действия и решения. В основе активной социокультурной адаптации, на наш взгляд, лежат реалистическое отношение к жизни, способность видеть не только негативные, но и позитивные стороны действительности.

Таким образом, адаптация человека к культуре пользования информационными ресурсами в современном обществе предполагает одновременное воздействие целого ряда факторов, включающих комплекс как субъективных (зависящих главным образом от самого человека), так и объективных (в большей степени зависящих от внешних обстоятельств) факторов: образование, профессиональная деятельность, психологическая характеристика, социально-экономические условия.

Библиографический список

1. Марков А.П. Основы социокультурного проектирования. СПб., 1997.
2. Реан А.А. Психология адаптации личности. СПб., 2002.
3. Кисенова Р.Х. К проблеме исследования факторов адаптации личности // Актуальные проблемы психологии личности: мат-лы межрегиональной заочной науч.-практ. конф., 20 авг. 2009 г. URL: <http://go.mail.ru/search?utf8in=1&q=%D0%9B.%D0%93.+%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D0%B5%D0%B2+%D1%84%D0%B0%D0>
4. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002.
5. Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
6. Философские проблемы теории адаптации / под ред. А.В. Петровского. М., 1970.
7. Гендина Н.И. Образование для общества знаний и проблемы формирования информационной культуры личности // НТБ. 2007. № 3. С. 40/48.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982–1984. Т. 3.
9. Иванова Е.О. Содержание образования: культурологический подход // Педагогика. 2005. № 1. С. 13/19.
10. Коган Л.Н. Человек и его судьба. М., 1988.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
12. Медведев В.И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л., 1984. С. 3–16.

S.N. Vladimirova
Organization of Sanatorium
Treatment at the Caucasian
Mineral Waters in the Early XX
Century

The development of sanatorium complexes in towns of the Caucasian Mineral Waters in 1917–1930 is assessed. The role of Soviet authorities in organizing sanatorium treatment at the Caucasian Mineral Waters is considered.

Key words and word-combinations: governance, resort towns, sanatorium development, organization.

Оценивается развитие санаторно-курортных комплексов в городах Кавказских Минеральных Вод в 1917–1930 гг. Рассматривается роль советской власти в организации санаторно-курортного лечения на Кавказских Минеральных Водах.

Ключевые слова и словосочетания: управление, города-курорты, санаторно-курортное развитие, организация.

УДК 61(091)
ББК 5г

С.Н. Владимирова

**ОРГАНИЗАЦИЯ
САНАТОРНО-КУРОРТНОГО
ЛЕЧЕНИЯ НА КАВКАЗСКИХ
МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Кавказские Минеральные Воды – один из самых уникальных курортных регионов нашей страны. Лечебный потенциал курортов – использование минеральных вод, лечебной грязи – складывался и развивался в течение многих лет. Возникновение, становление и развитие санаторно-курортного лечения на Кавказских Минеральных Водах произошло благодаря большой заинтересованности в этом властных структур государства.

В период революций и Гражданской войны был разрушен традиционный уклад жителей и гостей курортных городов Кавказских Минеральных Вод. Время формирования советской социально-политической системы – 1920–1930-е годы – стало началом создания нового образа курорта в сознании как местных жителей, так и курортников.

В марте 1918 г. в Пятигорске состоялся Второй демократический съезд народов Терека. В итоге были созданы местные органы власти – Советы депутатов (Совдепы) под руководством большевиков Г.Г. Анджиевского в Пятигорске, Д.И. Тюленева – в Кисловодске, А.М. Гончарова – в Ессентуках и А.И. Косякина – в Железноводске. В этом же году для управления здравницей Кавказских Минеральных Вод формируется большой Совет, первыми директорами которого стали архитектор И.И. Байков и врач Н.А. Орлов [1].

Около года города-курорты Кавказских Минеральных Вод находились под властью контрреволюции. 4 января 1919 г. 11-я и 12-я армии, образовав собой Каспийско-Кавказский фронт численностью до 200 тыс. человек, готовили решающий удар на станицу Невинномысскую с целью ее освобождения от белогвардейцев [2]. Но частям контрреволюционных формирований во главе с П.Н. Врангелем удалось захватить железнодорожный переезд Святой Крест – Георгиевск, парализовав подвоз свежих сил красноармейцам.

В это же время на Пятигорск и Минеральные Воды двигались отряды А.Г. Шкуро, что вынудило красноармейцев 19 января 1919 г. оставить Пятигорск. Города-курорты Кавказских Минеральных Вод превратились в большой лазарет белой армии А.И. Деникина. Однако даже в эти тяжелые для Страны Советов дни 1919 г. решались задачи развития курортного дела.

Так, 20 марта 1919 г. был принят Декрет Совнаркома «О лечебных местностях общегосударственного значения», согласно которому лечебные местности (курорты), «где бы таковые на территории РСФСР ни находились и кому бы они ни принадлежали со всеми сооружениями, строениями, движимостью, обслуживающими ранее курорт и находящимися на присоединенных и приписанных к курорту землях, составляют собственность Республики и используются в лечебных целях» [3].

В 1920 г., после освобождения Кавказа от белогвардейцев, В.И. Ленин подписал Декрет «О домах отдыха», где указывалось: «Дома отдыха организуются в целях предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодно отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях». В июне 1921 г. В.И. Ленин подписал третий Декрет, направленный на создание условий для массового курортного лечения трудящихся [4] и обязывающий освободить все помещения на Кавказе, пригодные для размещения в них здравниц, в том числе и помещения, занятые советскими и военными учреждениями.

Таким образом, в 1917–1921 гг. Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли огромную заботу в отношении оздоровления трудящихся. Данные декреты положили начало национализации курортов и предопределили основные принципы организации санаторно-курортного лечения и отдыха в стране на многие годы. Они впервые провозгласили право на охрану

здоровья в самые тяжелые для страны годы, в разгар Гражданской войны, разрухи, эпидемий и голода. С этого времени управление курортами возлагалось на Народный комиссариат здравоохранения. Указанные документы, последующие декреты Советского правительства и решения Народного комиссариата здравоохранения о принципах санаторно-курортного лечения стали основой государственной политики в организации советских курортов. В соответствии с этими документами определялись пути развития курортного дела: организация управления курортами, создание новой инфраструктуры, определение имущественных и финансовых условий работы, формирование новой, более совершенной правовой базы, регулирующей общественные отношения, связанные с деятельностью курортной системы.

К первым документам, определявшим положение Кавказских Минеральных Вод, помимо декретов и решений о статусе и назначении советских курортов, принадлежала и Охранная грамота СНК РСФСР, выданная Управлению КМВ 8 апреля 1920 г. Из «Охранной грамоты» следует: «Дана сия УКМВ (курорты Пятигорья: Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и Железноводск) в том, что названные курорты являются лечебными учреждениями общегосударственного значения, находятся в непосредственном ведении Народного комиссариата здравоохранения Р.С.Ф.С.Р. и призваны обслуживать широкие трудящиеся массы рабочих и красноармейцев...» [5].

Первым директором Управления курортов КМВ был назначен Г.Л. Куачидзе, а комиссаром – направленный из Москвы по мандату В.И. Ленина И.С. Франгу. В этом же году был открыт Бальнеологический институт – первый в стране научный государственный институт, сыгравший большую роль в развитии советских курортов. Он стал законным преемником Русского бальнеологического общества, которое передало институту научную библиотеку, химическую лабораторию и музей. В остальных городах Кавминводской группы были организованы его специальные клиники.

11 июля 1921 г. В.И. Лениным было подписано постановление Совета Народных Комиссаров об устройстве санаториев в курортных местностях общегосударственного значения Крыма, Кавказских групп, Кубано-Черноморского и Одесских лиманов. Постановление обязывало: «В целях создания санаторно-курортного хозяйства и условий для массового курортного лечения, в месячный срок освободить на Кавминводах и других курортах общегосударственного значения все помещения и здания, пригодные для устройства санаториев... и передать их в ведение курортных Управлений» [6]. Исполнение настоящего постановления на местах проходило под строгим контролем Народного комиссариата внутренних дел. Под дома отдыха передавались церкви, загородные дома, усадьбы помещиков, сегодня представляющие собой памятники архитектуры. Дачи национализировались и перестраивались в санатории.

Так, двухэтажное здание кофейни А.А. Гукасова в Пятигорске после национализации служило столовой рабочего кооператива, а затем диетической столовой под названиями «Парк» и «Солнечная». В 1918 г. был национализирован дом Н.А. Даркина, полковника, командовавшего вторым Хоперским полком Кубанского казачьего войска. С 1934 по 1937 г., когда Пятигорск являлся цент-

ром Северо-Кавказского края, там располагалась редакция газеты «Северокавказский большевик». «Дом Лесничества» официально стал домом отдыха для работников краевых организаций.

Сформировалась система лечебно-профилактических учреждений, получивших все пригодные частные помещения и здания. Таким образом, выдвинутый правительством лозунг «Курорты – для трудящихся» на деле проводился в жизнь. 9 января 1922 г. был принят декрет СНК, разрешающий открытие частных санаториев под контролем народного комиссариата здравоохранения, а декретом СНК от 24 января того же года была утверждена сдача Наркомздраву санаториев в аренду. 13 марта 1923 г. СНК издает декрет, который наряду с выделением из государственного бюджета специальных средств на гидрогеологические работы, устанавливал для курортов порядок перевода на хозрасчет и предоставлял им право получать ссуды и кредиты [7].

Для повышения рентабельности курортов значительная часть жилых помещений, санаториев, пансионатов и гостиниц, находящихся в распоряжении Управления КМВ, сдается в аренду различным трестам и ведомствам. Доходы курортов специализируются, им предоставляются ряд налоговых льгот. К лечению на курорте стали допускаться «платные больные» с «суточной оплатой за комнаты от 50 копеек до 5 рублей золотом по курсу котировочной комиссии».

Приток больных на курорты резко растет с каждым годом. Частные курортники давали значительную долю прибыли городам-курортам. По свидетельству Ессентукского горсовета, уже в 1925 г. полный курс процедур больные легко получали за наличный расчет, а больным по путевкам лечебных процедур не хватало [8]. Большая часть средств на поддержание курортной зоны в целом изыскивалась органами Управления КМВ из местных источников. В 1923 г. израсходовано на строительство и горно-технические работы 920 тыс., в 1924 г. – 1354 тыс., а в 1925 г. – 1346 тыс. руб.

К концу 1930-х годов города-курорты Кавказских Минеральных Вод превратились в благоустроенные здравницы всесоюзного значения с прекрасными санаториями, улицами, парками, скверами, лечебными учреждениями. Улучшилось обслуживание отдыхающих, их бытовые условия. Количество лечащихся во всех городах-курортах в 1939 г. составило уже более 200 тыс. человек. Быстрому росту курортов способствовало постановление Всесоюзного съезда Советов, состоявшегося в мае 1925 г. Признавая «большую роль курортного дела в области оздоровления трудящихся Союза Советских Социалистической Республик» и отмечая «неисчерпаемые курортные богатства», съезд считал необходимым «дальнейшее развертывание курортного лечения, еще большую доступность для трудящихся, в частности – расширение помощи крестьянскому населению».

Таким образом, проблемы становления советской санаторно-курортной системы на Кавказских Минеральных Водах в период 1917–1930-х годов отвечали общегосударственным социально-политическим и народно-хозяйственным задачам, среди которых одной из главных выступала задача восстановления физического и духовного здоровья граждан Советского государства. В то же время процесс становления советских курортов выявил специфические регио-

нальные особенности, связанные, в первую очередь, с развитием здравоохранения, поскольку даже в годы революций и Гражданской войны это направление государственной политики оставалось востребованным и удерживало городские курорты от разрухи, запустения и голода.

Кроме того, на курортах Кавказских Минеральных Вод всегда сохранялись рабочие места в области здравоохранения, социальной и хозяйственной сферы; продолжали развиваться предпринимательство и частная практика в различных учреждениях, в том числе и в государственных санаториях.

Библиографический список

1. Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003): страницы российской истории. Пятигорск, 2004.
2. Кавказские Минеральные Воды. Ставрополь, 1960.
3. Декрет СНК РСФСР от 20 марта 1919 г. / Постановления ЦК КПСС и Советского правительства об охране здоровья. М., 1958. С. 37–39.
4. Зеленский Н.М. Родники здоровья. Березовские Минеральные воды. Харьков, 1965.
5. ГАСК. Ф 1317. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.
6. Декрет ВЦИК и СНК от 23 июня 1921 г. «Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 52.
7. Ганитак М.И. Кавказские Минеральные Воды: справочник по курортам. Пятигорск, 1935.
8. ГАСК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

S.E. Channov
Intercollegiate Round Table
“Occupational Safety
and Protection of Labor Rights:
Current State and Prospects”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, May 22, 2013)

С.Е. Чаннов

**МЕЖВУЗОВСКИЙ
КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ОХРАНА ТРУДА
И ЗАЩИТА
ТРУДОВЫХ ПРАВ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»
(г. Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
22 мая 2013 г.)**

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 22 мая 2013 г. состоялся круглый стол «Охрана труда и защита трудовых прав: современное состояние и перспективы». В мероприятии приняли участие сотрудники и преподаватели саратовских вузов, представители Правительства Саратовской области, Государственной инспекции труда по Саратовской области, администрации города Саратова, профсоюзных организаций, торговых компаний, всего более 20 человек.

Модераторами круглого стола выступили: заведующий кафедрой служебного и трудового права института доктор юридических наук С.Е. Чаннов и профессор кафедры М.В. Пресняков. Открывая мероприятие, С.Е. Чаннов отметил, что охрана труда и защита трудовых прав работников является важной задачей властных структур. Вместе с тем требуется нахождение баланса между интересами работников, с одной стороны, и работодателей – с другой. Хорошо известен «хрестоматийный» пример, когда Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», направленный на защиту предпринимателей, существенно усложнил работу проверяющих структур, в том числе и Государственной инспекции труда. В связи с этим он призвал законодателей при разработке новых нормативных документов всесторонне «просчитывать» последствия их принятия. Так, в настоящее время в Государственной Думе на рассмотрении находится проект Кодекса административного судопроизводства РФ. Данным Кодексом, в частности, устанавливается, что суды общей юрисдикции в предусмотренном им порядке рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия), касающихся государственной службы. Тем самым споры, связанные с нарушением прав государственных служащих, будут выведены из-под общего порядка рассмотрения, предусмотренного ГПК РФ. Между тем анализ существующего проекта показывает, что он в некоторой степени нивелирует установленные в главе 25 ГПК РФ преимущества гражданина перед государственным органом по распределению обязанностей доказывания в административном деле.

Первая часть работы круглого стола была посвящена преимущественно вопросам охраны труда в Саратовской области и в г. Саратове. С докладом выступила министр занятости, труда и миграции Саратовской области Н.Ю. Соколова, которая отметила, что в настоящее время большинство нормативных актов, посвященных охране и защите труда, составлены 10–20 лет назад и во многом не соответствуют современным требованиям. Необходимо незамедлительное решение этой проблемы и внесение необходимых изменений в трудовое законодательство. Кроме того, Н.Ю. Соколова обозначила тот факт, что на сегодня главной причиной смертности, связанной с производственной деятельностью, являются профессиональные заболевания, уровень производственного травматизма в прошлом году потребовал принятия экстренных мер. Охрана труда и знание всех необходимых норм и требований – залог конкретного результата. Должна измениться культура труда, которая предполагает, что все участники производственного процесса в полной мере осознают, что главный приоритет – это жизнь и здоровье работника, которые важнее любого производственного результата.

Начальник управления по труду и социальному развитию муниципального образования «Город Саратов» С.И. Егоров в своем докладе представил статистику несчастных случаев на производстве и дал к ней необходимые пояснения.

Несмотря на проводимую работу, вследствие нарушений требований охраны труда в 2012 г. на муниципальных предприятиях и учреждениях города произошёл рост производственного травматизма со смертельным исходом. В связи с этим в 2013 г. тематика семинаров для руководителей и специалистов муниципальных предприятий и учреждений была направлена на профилактику производственного травматизма. В рамках Недели безопасности труда было проведено четыре семинара для 60 специалистов по охране труда муниципальных предприятий и учреждений города.

Для решения актуальных вопросов улучшения состояния условий и охраны труда в муниципальных учреждениях в 2013 г. была разработана Концепция долгосрочной целевой Программы улучшения условий и охраны труда в муниципальных учреждениях г. Саратова на 2014–2016 гг. (далее – Концепция). Концепция прошла все необходимые согласования с заинтересованными структурами администрации муниципального образования «Город Саратов». Принятие Программы позволит комплексно и более эффективно решать поставленные задачи, концентрировать финансовые и материальные ресурсы.

Помимо государственных и муниципальных органов важную роль в защите трудовых прав работников играют и профсоюзы. Об их деятельности в этой сфере речь шла в выступлении главного правового инспектора труда Федерации профсоюзных организаций Саратовской области Г.В. Лопатникова. Он отметил, что право контроля за охраной труда Федерации профсоюзных организаций Саратовской области и ее членских организаций в соответствии со ст. 370 ТК РФ в 2012 г. осуществляли 12 штатных технических инспекторов труда профсоюза. Ими проведены 593 проверки соблюдения законодательства по охране труда на предприятиях и в организациях области, в ходе которых выдано 421 представление, содержащие 5155 требований по устранению выявленных нарушений по охране труда и норм техники безопасности.

В ходе обследований технические инспекторы труда в отдельных случаях были вынуждены выдавать работодателям требования о приостановке работ при непосредственной угрозе жизни и здоровью работников. Всего за 2012 г. было выдано 45 подобных требований. В 39 случаях это было связано с нарушением норм безопасности при эксплуатации оборудования.

В частных областных и муниципальных бюджетных организациях имеется положительный опыт работы внештатных инспекторов по охране труда. Так, в областной организации профсоюза работников народного образования и науки осуществляют деятельность 48 внештатных инспекторов по охране труда (в каждом муниципальном районе области, а также в шести вузах), в организации профсоюза работников госучреждений – 31 общественный инспектор и т.д.

В 2012 г. была продолжена работа профсоюзного контроля за соблюдением выполнения работодателями обязательств по охране труда, предусмотренных коллективными договорами и соглашениями. Активно она велась в организациях Электропрофсоюза, в учреждениях здравоохранения, в организациях Росхимпрофсоюза, профсоюза госучреждений и общественного обслуживания, строительства и промышленности строительных материалов. Взаимные обязательства сторон, предусмотренные разделом «Охрана труда» коллективных договоров и соглашений по охране труда в основном выполняются.

Если в первой части круглого стола выступали преимущественно практики, то во второй – представители научного сообщества. В ней дискуссия шла по различным проблемам защиты трудовых прав работников.

Так, доцент кафедры служебного и трудового права института С.В. Колобова отметила, что одной из основ регулирования деятельности государственных инспекторов труда является Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Внеплановые проверки – это единственный вид проверки, при котором инспекция труда имеет возможность убедиться в реальном соблюдении работодателями требований трудового законодательства. Любая проверка с заблаговременным предупреждением почти не оставляет шансов выявить факты нарушений законодательства о труде.

По мнению С.В. Колобовой, между некоторыми нормами ТК РФ в этой сфере имеются противоречия. Согласно ст. 391 ТК РФ непосредственно в судах рассматриваются индивидуальные споры о восстановлении на работе. В ст. 373 ТК РФ вводится рассмотрение индивидуального трудового спора в административном порядке, предусматривается возможность обращения в Государственную инспекцию труда по делам об увольнении. Анализ ст. 373 и 357 ТК РФ (закрепляет обязательность выполнения работодателем предписания госинспектора труда, тогда как принудительные механизмы их исполнения отсутствуют) свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующее трудовое законодательство. В связи с этим С.В. Колобова предложила исключить из полномочий Государственной инспекции рассмотрение дел о восстановлении на работе.

Заведующий кафедрой трудового права Саратовской государственной юридической академии В.А. Абалдуев в своем выступлении остановился на проблемах компенсации за труд в особых условиях. Упущением российского трудового права в этой части он полагает отсутствие в нормах ТК РФ единой (универсальной) структуры понятия «труд в особых условиях». В разных статьях ТК РФ данный термин наполняется различным правовым содержанием (ст. 57, 117, 147–148, 210, 219 и др.). Кроме того, по мнению В.А. Абалдуева, необходимо наряду с общим определением особых условий труда (ст. 117 ТК РФ) единообразно определить характер следующих работ: тяжелые и особо тяжелые; работы с вредными и опасными, особо вредными и особо опасными условиями труда; горные; в зонах радиоактивного заражения и местностях с особыми климатическими условиями. Решение этого вопроса возможно в новой статье «Труд в особых условиях и компенсации работникам, занятым выполнением таких работ» (раздел X ТК РФ). В нормах данной статьи следует дать понятие и перечень видов таких работ, также установить систему компенсаций работникам, выполняющим их, полномочия работодателей по их применению.

На основе анализа норм об аттестации рабочих мест и о гарантиях работникам, занятым в особых условиях, позиций Минздравсоцразвития РФ, Минтруда РФ на этот счет, материалов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по данной категории дел, существующей практики констатируется безучастное отношение и непоследовательная позиция государства в регулировании указанных вопросов, что негативно отражается на правовом положении получателей

таких компенсаций. Эти проблемы можно устранить в постановлении Правительства РФ о порядке их предоставления, которое снимет неясности и позволит прекратить многолетнюю научную дискуссию о праве работников на компенсации за условия труда и правилах их установления работодателями.

Доцент кафедры конституционного и муниципального права Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского О.Н. Куренкова обратила внимание участников круглого стола на проблемы, возникающие в связи с исчислением срока обращения в суд для восстановления нарушенных прав работников. В соответствии с ч. 1 ст. 392 ТК РФ работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. Также у работника есть право обратиться с письменным заявлением о нарушении его прав, в том числе о незаконном увольнении или невыплате заработной платы, в Гострудинспекцию или прокуратуру. При этом действующим законодательством не предусмотрены сроки для обращения работника в контролирующие и надзорные органы. А в соответствии с положениями Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ государственные органы рассматривают обращения граждан не позднее 30 дней со дня их регистрации, в крайнем случае – в течение 60 дней.

Таким образом, даже если работник обратится с заявлением о незаконном увольнении в прокуратуру в течение недели после увольнения, то, вероятнее всего, до истечения месячного срока, если решит дождаться окончательного разрешения своих требований, он не успеет подать заявление в суд. Следовательно, установленные сроки для обращения в суд и отсутствие сроков для обращения в государственные органы за восстановлением нарушенных трудовых прав, к сожалению, препятствуют восстановлению прав работников как в досудебном порядке, так и в судебном, если работник предварительно обращался в Гострудинспекцию или в прокуратуру. В связи с этим О.Н. Куренкова предложила увеличить установленные ч. 1 ст. 392 ТК РФ сроки обращения в суд для работников до шести месяцев. При этом, если работник был уволен, установленные законодательством сроки во всех случаях должны исчисляться с момента его увольнения. Это позволит решить существующую в настоящее время проблему несоответствия этих сроков срокам рассмотрения заявлений контролирующими государственными органами в сфере труда, в результате чего работники нередко не успевают подать заявления в суд.

Профессор кафедры служебного и трудового права института М.В. Пресняков в своем выступлении привел анализ практики применения различных форм самозащиты трудовых прав работника. Он указал на эклектичность различных форм самозащиты трудовых прав и высказал идею о необходимости их унификации. Были отмечены различного рода пробелы действующего законодательства в данной сфере. В частности, до сих пор окончательно не решен вопрос об оплате самого периода приостановки работы. С одной стороны, согласно ст. 379 ТК РФ на время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством и ины-

ми актами, содержащими нормы трудового права. Это означает, что за работником сохраняется в том числе и право на оплату труда. С другой стороны, право на выплату заработной платы у работника возникает по общему правилу при выполнении норм труда. Любые исключения из этого правила должны быть прямо предусмотрены законом.

В настоящее время позиция Верховного Суда РФ о порядке оплаты времени приостановления работы в связи с невыплатой заработной платы сформировала единую и устойчивую судебную практику по делам подобного рода. Однако существующий правовой пробел в законодательстве подлежит устранению.

T.V. Milusheva, T.V. Kasaeva
Intercollegiate Round Table
“Topical Problems of Limiting
Public Authority in Modern
Russia” (Saratov, Stolypin Volga
Region Institute of
Administration of the Russian
Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
October 15, 2013)

Т.В. Милушева, Т.В. Касаева

**МЕЖВУЗОВСКИЙ
КРУГЛЫЙ СТОЛ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОГРАНИЧЕНИЯ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(г. Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
7 октября 2013 г.)¹**

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 17 октября 2013 г. состоялся тематический межвузовский круглый стол: «Актуальные проблемы ограничения публичной власти в современной России». Его инициатором выступила кафедра теории права, для которой тема функциони-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта РГНФ № 13-03-00352.

рования публичной власти в условиях формирования гражданского общества – одна из приоритетных.

В своем вступительном слове заведующий кафедрой теории права доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **О.И. Цыбулевская** отметила, что проблема ограничений власти находится в центре внимания юридической науки. Ее значимость обусловлена потребностями как теории, так и практики. Но вместе с тем многие аспекты проблемы до сих пор остаются неизученными. Динамичность общественной жизни требует постоянное обоснованное научное переосмысление как новых сторон и проявлений публичной власти, так и уже данных ей характеристик.

Заведующий кафедрой гражданского права и процесса доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Т.В. Милушева** выступила с докладом «Основания ограничения публичной власти: методологические аспекты», где, в частности, подчеркнула, что условием научной обоснованности результатов исследования является методологическая компонента. Принимая во внимание междисциплинарный характер проблемы ограничения публичной власти, на вооружение следует брать исследовательские парадигмы, разработанные различными отраслями научного знания. При этом методологический инструментарий зависит не только от особенностей объекта, но и от той среды, в котором исследуемый феномен функционирует.

Анализ понятий «предел государственной власти» и «ограничение государственной власти» с точки зрения этимологии позволяет прийти к выводу, что при всей смысловой близости их семантическое значение все-таки различно. Термин «предел» более разнообразен по содержанию, основное его смысловое значение – отделить одно от другого, часть от целого; пределы четко не определены. Понятия «граница», «ограничение» означают, во-первых, «всегда находиться в пределах»; во-вторых, «иметь четкие, рельефные очертания». В то же время вполне допустимо, рассматривая исследуемые понятия, использовать их как синонимы. В конечном итоге основное предназначение пределов (ограничений) выражается в том, что они выполняют важную роль по ограничению неоправданной свободы лица, а также ориентируют субъектов на социально полезное поведение.

Право очерчивает границы свободы в той мере, в которой она была бы совмещена со свободой других лиц, защищает свободу выбора, связанную с благом каждого человека, и ограничивает произвол, направленный на ущемление свободы других.

Осмысление данной проблемы через призму концепций понимания права и государства является весьма результативным. С позиций юридического позитивизма государство имеет правовую природу и самоограничивается им же созданным правом. Естественно-правовая доктрина исходит из первичности естественного права, неотчуждаемости прав человека, которые и выступают ограничителями всевластия государства. С позиций психологического подхода представления подвластных о государстве, отношении к праву, к личной и общественной свободе обуславливают соответственное ограничение государственной власти. Социологическая юриспруденция границей государственной власти

считает общественные интересы, общее благо, всеобщую пользу и благосостояние как цели власти. Структурой, ограничивающей власть, выступает само общество. Интегративный тип правопонимания, раскрывающий возможности права как важнейшего инструмента ограничения государства, является методологической установкой, позволяющей наиболее полно раскрыть единство правовой формы и содержания, придать социально оправданным ограничениям государственной власти четкую юридическую оболочку.

По мнению Т.В. Милушевой, особая роль в механизме правового ограничения государственной власти отводится юридической ответственности.

Дискуссию об ограничении публичной власти в аспекте юридической ответственности государственных служащих продолжила заведующий кафедрой теории и истории государства и права Саратовского государственного социально-экономического университета кандидат юридических наук, доцент **Т.В. Касаева**. В своем докладе «Ограничения в сфере государственной гражданской службы» она отметила, что ответственность властных субъектов обусловлена как объективными, так и субъективными предпосылками. Объективные предпосылки возникают из факта бытия и функционирования государства как организации политической власти. Субъективными предпосылками социальной ответственности чиновников является понимание своего социального предназначения, осознание профессионального долга, обязанности осуществлять свою деятельность как в интересах отдельной личности, так и общества в целом. Деятельность государства как публичного субъекта права материализуется в основном в деятельности его органов, должностных лиц, государственных служащих – так называемых публичных субъектов, специально создаваемых государством, наделенных властными полномочиями и вступающих в правоотношения от имени государства.

По мнению докладчика, получить целостное представление о юридической ответственности как инструменте ограничения государственной власти возможно исходя из широкого подхода к изучению этого социального феномена. Ответственность при этом понимается, во-первых, как единство позитивной и негативной сторон; во-вторых – как целостность экономической, нравственной, политической, культурной, психологической, юридической составляющих. Комплексное, многоаспектное содержание ответственности предполагает, что все ее части взаимосвязаны, взаимозависимы, обусловлены друг другом. В случае нарушения пропорций между ними механизм ответственности перестает работать, выполнять все свои функции – регулятивную, контролирующую, охранительную и другие.

Позитивный аспект особенно значим в процессе формирования кадрового состава государственной бюрократии. В силу специального статуса властные субъекты берут на себя больший, по сравнению с обычными гражданами, объем социальной ответственности: чем выше должность, занимаемая субъектом, тем ответственнее должно быть его отношение к порученному делу в настоящем и будущем. Очевиден постулат: мера власти измеряется мерой ответственности его носителя. Следовательно, при приеме на государственную службу в первую очередь у претендента необходимо выявлять его волю, сознание, убеждения,

определяющие ответственное отношение к службе, и, самое главное, развитость чувства ответственности, долга. В настоящее время широко применяется обязательное тестирование претендента на должность, что и позволяет все это выяснить.

Т.В. Касаева выделила те проблемы, решение которых не терпит отлагательства. Так, в частности, нуждаются в дальнейшей разработке вопросы отраслевой юридической ответственности государственных служащих. По ее мнению, следует поддержать точку зрения о необходимости принятия Дисциплинарного кодекса государственных гражданских служащих, а в дальнейшем разработать Основы дисциплинарной ответственности для всех видов милитаризованной службы с едиными критериями применения мер дисциплинарного воздействия. Формирование административной юстиции – значительный шаг по пути повышения эффективности государства и демократизации общества. Следует ускорить принятие федерального закона об административных судах в Российской Федерации, Административного процессуального кодекса и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Практически не урегулированным является такой важнейший вид юридической ответственности, как конституционная ответственность. До сих пор ждет своего часа принятие федерального закона «О конституционной ответственности в Российской Федерации». Осуществление перевода декларативной ответственности в реальную плоскость предполагает законодательное закрепление ответственности государства.

Кандидат юридических наук, доцент Саратовского государственного социально-экономического университета **А.А. Шаповалов**, продолжив дискуссию, сосредоточил свое внимание на политическом аспекте ответственности власти. С его точки зрения, проблему ответственности власти актуализирует то обстоятельство, что большинство должностных лиц государственной и муниципальной власти не вполне понимают и не желают понимать своей значимости в обществе. Содержание ответственности прежде всего обусловлено целями и назначением государства, вытекает из обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также права обладания властными полномочиями и необходимыми ресурсами для реализации этой обязанности. В настоящее время ответственность должностных лиц перед гражданами прописана только на уровне местного самоуправления, и лишь в некоторых случаях закреплена на уровне субъектов Федерации. Для исправления ситуации, по мнению выступающего, необходимо, во-первых, сформировать нормативно-правовую базу, регламентирующую политическую ответственность, а во-вторых, разработать систему критериев оценки эффективности функционирования всех ветвей власти.

Проблеме отдельных аспектов ограничений власти посвящено выступление кандидата юридических наук, доцента Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета **А.Н. Зрячкина**. Преодоление правового нигилизма, по его мнению, – одно из главных условий разумного ограничения власти. Именно ведомственная разновидность правового отрицания является наиболее вредоносной. Широкий круг полномочий при ограниченных основаниях привлечения к ответственности все чаще дает о себе знать. Между тем при неукоснительном пресечении правонаруше-

ний и злоупотреблений властными полномочиями могло бы значительно возрасти уважение к закону в рядах государственных служащих. Для преодоления ведомственного правового нигилизма принять «хороший закон» мало, – необходима его «правильная» реализация, иначе любые преобразования обречены на неудачу.

А.Н. Зрячкин солидарен с Т.В. Касаевой в том, что особо значимыми должны стать конституционные элементы ответственности в виде предупреждений и досрочного прекращения полномочий должностных лиц, после чего разумно использовать и иные меры в зависимости от тяжести совершенных деяний. Вместе с тем следует эффективно осуществлять поощрительную политику: стимулировать и поощрять тех управленцев, кто своей работой способствует упрочению авторитета закона, показывает пример надлежащего правового поведения, руководствуется в повседневной жизни как правилами нравственности, так и нормативно-правовыми актами.

Кандидат юридических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии **А.Е. Михайлов** в докладе «Основные характеристики и тенденции ограничения публичной власти современной России» отметил, что публичная власть способна не только на позитивные действия, создающие благоприятные условия для развития общества, но и на различные злоупотребления, негативные действия, чему существуют неоднократные подтверждения из юридической практики. В связи с этим в рамках решения одной из центральных задач современного этапа развития России – построение правового гражданского общества – вопросы ограничения публичной власти в настоящее время приобретают огромную значимость, выступая в качестве реального способа повышения эффективности реализации властных полномочий. Между тем применение средств правового ограничения в отношении государства, его органов и должностных лиц осуществляется не всегда системным образом.

По мнению А.Е. Михайлова, в России начала XXI в. организационные риски проявляются не только в неспособности публичной власти найти оптимальное соотношение между рынком и государственным регулированием, но и в коррумпированности аппарата управления, провоцирующей его криминализацию. Однако А.Е. Михайлов считает, что у высшей государственной власти России сегодня есть твердые намерения положить этому конец.

В формировании тенденций ограничения публичной власти в современной России выступающий выделил три основных направления: в качестве основного – ограничивающая деятельность гражданского общества; самоограничение власти; международные ограничивающие средства. В частности, можно использовать такие средства ограничения публичной власти, как повышение уровня правового воспитания и правовой культуры общества; принятие путем референдума нормативных правовых актов, определяющих статус государственных и муниципальных служащих; создание органа, контролирующего деятельность чиновников; использование современных электронных, интерактивных, технических средств для контроля за деятельностью отдельных категорий государственных служащих, а также для связи с общественностью; оптимизация кадрового состава органов государственной власти, ротация управленческих кадров; формирование системы ответственности должностных лиц и другие.

Таким образом, привлекая общественные организации к полноценному сотрудничеству при решении проблемы ограничения публичной власти, государство может завоевать доверие граждан и получить шанс на достижение цели – формирование Концепции правовых ограничений публичной власти в современной России.

Доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Ю.А. Подгорная** в своем выступлении акцентировала внимание на связь феноменов «правовое ограничение власти» и «законность».

Классическое определение законности, которого придерживаются большинство ученых, в полной мере соответствует представлениям об ограничении государственной власти. Но юридическая практика свидетельствует о том, что довольно часто формально-юридический режим строгого соблюдения правовых норм приходит в противоречие с общественным мнением, идеалами свободы, демократии, нравственности и справедливости и тогда неизбежно встает вопрос о легитимности самой законности. Он связан с пониманием сущности права и решается в соответствии с концептуальным видением пределов требований, которые может устанавливать государственная власть в форме юридических предписаний. С этими соображениями коррелирует дискуссионная проблема правозаконности.

Законность и ограничение власти – разнопорядковые категории. Законность охватывает все виды юридической деятельности, законосообразное поведение всех субъектов права. Ограничение государственной власти затрагивает организацию и функционирование лишь публичной сферы. Законность, с одной стороны, ограничивает государственную власть, устанавливая с помощью юридических норм пределы ее действий (негативный аспект законности), а с другой – с помощью юридических норм организует механизм государства (позитивный аспект законности). В ходе практической деятельности публичной власти возникает необходимость юридического закрепления и реализации ограничений властных субъектов в отношении самих себя (в частности, норм об обязанностях, юридической ответственности), а это во многом зависит от уровня правосознания власти.

Тему ограничения власти в аспекте ее взаимодействия с гражданским обществом продолжил кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **В.Е. Халиулин**, который обратил внимание на проблему согласования общественных интересов. Государство должно быть гарантом данного процесса. Отсутствие или «пробуксовка» механизма ответственного согласования интересов отчуждает посредников гражданского общества и государства (например, политические партии) как от гражданского общества, так и от государства, превращая их в элементы манипулирования властью и использования своего положения в личных интересах, что отрицательно сказывается не только на процессах становления гражданского общества, но и ослабляет государство, лишая его народной поддержки.

Однако, по мнению выступающего, в деле формирования механизмов взаимодействия гражданского общества и государства в рамках правореализационных процессов имеются серьезные подвижки, среди которых в зависимости от направления деятельности можно выделить несколько разновидностей: направ-

ленные на обеспечение общественного контроля за государственными органами; по предложению способов совершенствования организации государственной власти (например, в рамках обсуждений законопроектов в сети Интернет); правоохранные (дружинники, казацкие отряды и т.д.). В особую группу следует включить системы негосударственного разрешения споров, например медиацию, третейские суды.

Большинство подобных видов взаимодействия государства и институтов гражданского общества на уровне правореализации появились недавно и еще не прошли достаточной проверки временем, результатом чего становится их разнообразие и отсутствие единых подходов к концепции взаимодействия. Недостаточно развиты или отсутствуют совместные формы взаимодействия по организации предупреждения правонарушений, механизмы и гарантии учета мнения институтов гражданского общества в правореализационной деятельности (в лучшем случае они носят рекомендательный характер). Однако и в этом направлении уже делаются первые шаги. Следует отметить тенденции формирования данных путей в двух направлениях: общественный контроль за деятельностью государственной власти и общественный контроль за реализацией действующего законодательства силами институтов гражданского общества, то есть направление преимущественно на пресечение имеющихся нарушений.

Кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Т.Г. Даурова** в своем выступлении обратила внимание на ограничение власти в рамках ее взаимодействия с институтами гражданского общества. Бизнесу необходимо государство для охраны правопорядка, борьбы с преступностью, создания условий для беспрепятственной деятельности собственников, реализации ими своих прав и свобод, инициативы и предприимчивости, но не для получения от него бюджетных подачек, использования в качестве «крыши» при осуществлении хозяйственных махинаций или в целях нечестной борьбы с конкурентами. Опыт развитых экономик как Запада так и Востока доказано, что государство не только неэффективно как собственник и предприниматель – оно стоит на пути развития экономической свободы, делает институциональную среду неблагоприятной для экономического роста и, если даже не способствует напрямую коррумпированности отношений бизнеса и власти, то затрудняет борьбу с коррупцией, негативно влияя тем самым на экономическое развитие России.

Усиление роли государства должно происходить совсем в иных направлениях: стимулирование создания и развития на базе компаний, производящих и экспортирующих в настоящее время в основном сырье, высокотехнологичных и оснащенных современным оборудованием перерабатывающих предприятий; активное инвестирование в науку и образование, что предполагает активизацию внедрения научных разработок в производство, подготовку высококвалифицированных рабочих и инженерных кадров, передачу и распространение современных управленческих знаний; содействие развитию инфраструктуры товарных и финансовых рынков, способной оказывать положительное воздействие на многие отрасли хозяйствования.

Не только проблемы бизнеса, но и недостаточная эффективность и неконкурентоспособность современной России в целом лежат не в экономической, а в

политической сфере, и единственный выход из сложившейся ситуации видится в «переходе от идеологии “государства для государства” к политике “не вездесущее, а эффективное государство”». Россия должна стать конкурентоспособным демократическим государством с развитыми институтами гражданского общества, со священной и неприкосновенной частной собственностью в ней. И пока это не будет осознано и реализовано властью, российская экономика (и не только она) так и не сдвинется с «мертвой точки».

Преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Е.А. Кузьмина** развила тему об ограничительном потенциале правоприменительной деятельности структур гражданского общества. Она, в частности, указала, что в условиях децентрализации государственного управления элементы публичного права все глубже проникают в структуру частного права.

Значительное число теоретиков отмечают, что часть своих правоприменительных полномочий государство делегирует негосударственным структурам. В последнее время наряду с государственными учреждениями действует немало частных (нотариальные конторы, адвокатуры, всевозможные фирмы, бюро по оказанию услуг), объективно создающих здоровую конкуренцию и ограничивающих былой монополизм в указанных сферах. Сегодня значительно расширился субъектный состав правоприменения; активно, но не всегда, к сожалению, законно применяют право и негосударственные структуры – органы местного самоуправления, руководители частных фирм, банков, общественных объединений и т.п.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что институты гражданского общества имеют достаточный потенциал для ограничения государственной власти.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **П.А. Зеленский** одну из причин накопившихся проблем в рассматриваемой области увидел в неразвитости ограничительных механизмов власти.

Государство, соглашаясь передать отдельные управленческие функции частным субъектам, не принижает публичной значимости этих функций, а обязывает негосударственные субъекты действовать в соответствии с публичными интересами. При этом устранение некоторых средств непосредственного административного надзора (например, лицензирование) предполагает введение косвенного административного надзора, в рамках которого государство проверяет саморегулируемую организацию, а та, в свою очередь, осуществляет контроль над деятельностью своих членов. Саморегулируемая организация не обладает властными полномочиями по устранению последствий выявленных правонарушений и обязана сообщить соответствующую информацию в компетентный государственный орган. В связи с этим необходимо четко определить формы и методы административного надзора за деятельностью СРО.

Таким образом, передача функций публичной власти саморегулируемым организациям имеет как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, будучи неотъемлемым институтом гражданского общества, саморегулирование позволяет сконцентрировать инициативу и полномочия по регулированию и контролю определенной сферы общественных отношений в руках профессионалов. С

другой стороны, полная передача надзора непубличным субъектам не оправдана – государство в этом случае рискует потерять контроль над жизненно важными сферами. Очевидно, что саморегулирование следует оценивать с разных сторон, но частное начало в нем не должно оттеснять публичное. Правовое регулирование данных отношений необходимо развивать с учетом потребностей и интересов различных субъектов – государства, бизнеса, профессиональных сообществ, а также потребителей тех или иных услуг.

В докладе на тему «Этические ограничения публичной власти» **О.И. Цыбулевская** констатировала, что институт публичной власти должен соответствовать не только реальным условиям рыночной экономики, международной ситуации, но и нравственности.

Государственно-правовые процессы всегда имеют человеческое измерение, поэтому их осознание неразрывно связано с духовными ценностями, национальным правосознанием, общественными идеалами. Применительно к проблематике пределов государственной власти невысокий уровень правовой культуры и особенности менталитета российского общества препятствуют в определенном смысле построению правового государства, рыночных отношений и гражданского общества.

Границы власти формируются в результате ее устойчивого, длительного взаимодействия с факторами естественной и социальной среды. Последние двояко влияют на установление пределов государственной власти: рамки свободных действий государства определяются существованием экономической, культурной, нравственной, религиозной и иных сфер жизнедеятельности общества, но в то же время под воздействием этих сфер власть корректирует свою деятельность, ориентируя ее на реально сложившиеся общественные связи. Правовые пределы обладают особыми свойствами, обусловленными спецификой самого права, в котором находят свое опосредованное выражение множество других социальных регуляторов. Организуясь в единый правовой механизм, они осуществляют целенаправленное правовое регулирование властеотношений. Цель такого регулирования заключается в том, чтобы максимально сориентировать субъектов власти на выполнение государственно-служебных дел, а также предотвратить возможные злоупотребления с их стороны.

В целях повышения оптимизации не только правового, но и нравственного регулирования властеотношений необходимо, во-первых, законодательное закрепление правовых пределов ее деятельности, а во-вторых, неукоснительное соблюдение властью уже существующих как правовых, так и этических ограничений. Гармоничное воздействие права и морали на власть делает ее наиболее эффективной.

Кандидат юридических наук, доцент **М.Л. Воронкова**, продолжая тему моральных ограничений, рассмотрела вопросы благотворительности. Она, в частности, отметила, что в служении общественным интересам существует множество сфер, где взаимодействие государства и религиозных объединений может помочь нравственному оздоровлению общества, в частности сфера благотворительности. Для религиозных объединений, существующих в России столетиями, благотворительная деятельность является традиционной. До революции Русская Православная Церковь активно занималась благотворительностью, поскольку эта деятельность заложена в основу христианства.

В настоящее время благотворительная деятельность религиозных организаций возрождается. Действующее законодательство позволяет заниматься благотворительностью всем зарегистрированным конфессиям. Государство должно способствовать инициативам религиозных объединений при создании учреждений социального обслуживания граждан – домов престарелых, домов помощи инвалидам, детских приютов, ночлежек, богаделен, учреждений медицинского обслуживания. Увеличить объем социальной реабилитации Церкви мешает государственная монополия на попечение о детях-сиротах. Ведь механизмы, способные решать проблемы нуждающихся и оказывать содействие религиозным объединениям в сфере благотворительной деятельности, существуют только на уровне государства.

Кандидат исторических наук, доцент **И.Н. Протопопова**, продолжив дискуссию, отметила, что в связи с формированием частных капиталов произошло значительное расслоение населения. Данные экономические изменения привели к появлению разнообразных благотворительных фондов, так как именно они призваны сгладить социальные противоречия. Наиболее привлекательными сферами являются следующие: поддержка учебных и научных проектов, семей раненых и погибших военнослужащих; помощь больницам и детским домам; предоставление средств на дорогостоящее лечение и т.д. Вместе с тем роль государства в социальной сфере снизилась, сократилась государственная помощь предприятиям в финансировании их социальной инфраструктуры.

Продолжая тему ограничений государственной власти гражданскими инициативами, кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **М.И. Юркина** обратила внимание на то, что в современных условиях прослеживается смещение акцента с государственных средств, необходимых для достижения целей социальной политики, на финансовые средства внебюджетных социальных фондов субъектов РФ и органов местного самоуправления, населения, общественных, благотворительных, церковных и международных организаций. Иначе говоря, происходит перераспределение финансовых средств на социальные нужды с государственного бюджета на частные сбережения людей. Успешное осуществление социально компенсирующей роли благотворительности как социального института возможно при создании благоприятной системы налогообложения в России, формировании четкой позиции государства по отношению к благотворительности.

Институт благотворительности должен стать одним из важнейших рычагов управления в решении социальных проблем, а государство – быть заинтересованным в поддержании устойчивых социальных отношений.

В заключение **О.И. Цыбулевская** подвела итоги дискуссии. По мнению большинства ее участников, проблеме ограничения власти уделяется недостаточно внимания со стороны ученых-правоведов. Чтобы власть не выходила за пределы дозволенного, зона ее действий обозначается «красными флажками» посредством компетенции, юридических средств ограничительного характера, правовых принципов. В современных условиях потребность в формировании системы эффективных ограничений в отношении государственной власти многократно возрастает.

Идея ограничения власти – фундаментальный принцип правового государства. В условиях демократии, становления гражданского общества требуется

высокое качество власти. Власть должна демонстрировать результативность своей деятельности, быть организованной. В связи с этим необходимы действенные средства, способствующие оптимизации правового регулирования деятельности властных субъектов, среди которых определенное место занимают пределы и ограничения, обеспечивающие реализацию прав и свобод личности, развитие институтов гражданского общества. Лишь в условиях ограничения государство осознается не только как сугубо политико-правовое образование, но и как ценностно-смысловая система, способная обеспечить гармоничное сочетание интересов личности, общества и самого государства.

На заключительном этапе работы круглого стола была проведена презентация коллективной монографии, выполненной на базе кафедры теории права при финансовой поддержке РГНФ «Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение».

D.S. Veliyeva
We Present the Constitutional
and International Law Chair
of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
КОНСТИТУЦИОННОГО
И МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА**

***Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала Российской
академии народного
хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ***

В 2013 г. исполнилось пятнадцать лет с момента основания в Поволжском институте управления профильной для управленческого вуза юридической кафедры. Решением учебного совета академии от 8 июля 1998 г. путем выделения из существовавшей в то время кафедры правовых дисциплин была создана кафедра конституционного права. В 2011 г. она переименована в кафедру конституционного и международного права.

У истоков кафедры стояли профессор

Г.Н. Комкова (заведующий кафедрой, ныне заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, декан юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского), доценты О.В. Шудра и Ю.А. Крохина.

Изначально работа кафедры была ориентирована на решение теоретических и практических вопросов правового обеспечения деятельности органов публичной власти, анализ юридических механизмов защиты прав человека в Российской Федерации. В рамках исследуемых кафедрой проблем сформировалась научная школа, в результате чего за период существования кафедры ее сотрудниками, аспирантами и соискателями были защищены пять докторских и более сорока кандидатских диссертаций.

В разные годы на кафедре работали доктор юридических наук, профессор директор Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ Ю.А. Крохина; доктор юридических наук, доцент, депутат Саратовской областной думы, заместитель директора Института законодательства Саратовской государственной юридической академии М.А. Липчанская; кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Общественной палаты Саратовской области, директор института законодательства Саратовской государственной юридической академии А.С. Ландо; кандидат политических наук, доцент заместитель декана по работе с абитуриентами и выпускниками НИУ ВШЭ, директор Фонда правовых проблем федерализма и местного самоуправления О.В. Афанасьева; кандидат юридических наук, доцент заместитель директора по научной работе Поволжского (г. Саратов) юридического института – филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации К.А. Ишеков; доктор юридических наук, доцент заведующий кафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ К.В. Черкасов и другие.

Долгие годы с кафедрой тесно сотрудничает доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.Т. Кабышев – один из ведущих специалистов в области конституционного права России, яркий представитель и идейный вдохновитель саратовской школы конституционного права. Под руководством профессора В.Т. Кабышева подготовлено 43 кандидата наук, он выступал научным консультантом у семи докторантов. В 2011 г. под руководством В.Т. Кабышева была успешно защищена докторская диссертация Д.С. Велиевой на тему «Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации».

Сотрудники кафедры ведут активную учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность, постоянно повышают свой профессиональный уровень. Ведущие преподаватели кафедры являются авторами и соавторами монографий, научных статей, комментариев к федеральным законам, учебников, учебных и учебно-методических пособий. Более десяти работ рекомендованы УМО Министерства образования РФ в качестве учебников и учебных пособий для сту-

дентов специальностей «Юриспруденция», «Государственное и муниципальное управление», а также иных специальностей.

Комментарии преподавателей кафедры (А.С. Алихаджиева, Д.С. Велиева, О.В. Кузнецова, Ю.В. Капитанец) размещены на сайте информационно-правовой системы «Консультант», «Гарант». Труды преподавателей кафедры получают высокую оценку на конкурсах различного уровня. М.Л. Воронкова в 2011 г. стала лауреатом конкурса на лучшую книгу 2010 года за учебник «Правоохранительные органы», созданную в соавторстве с К.В. Черкасовым и К.А. Ишековым. Доцент кафедры А.С. Алихаджиева в 2010–2011 гг. была отмечена за лучшую научно-методическую работу в рамках цикла правовых дисциплин.

Профессиональная компетентность членов кафедры позволяет обеспечивать высокий уровень преподавания. Кафедра конституционного и международного права одной из первых в институте начала применять активные методы обучения. В учебном процессе используются деловые игры, тесты, фокус-групповые методики проведения занятий; организуются выездные занятия (А.С. Алихаджиева, М.Л. Воронкова, О.В. Кузнецова, Ю.В. Капитанец). В тематических лекциях и семинарах участвуют представители органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органов, общественных организаций.

Научно-исследовательская деятельность кафедры дополняется научными работами молодых ученых – будущих докторов юридических наук. Доценты кафедры М.Л. Воронкова, О.В. Кузнецова, А.С. Алихаджиева активно работают над докторскими диссертациями.

Преподавателями кафедры ведется активная научно-исследовательская работа со студентами. Под их руководством студенты принимают активное участие в международных и всероссийских научно-практических конференциях и конкурсах, по результатам которых ежегодно занимают призовые места.

В 2013 г. студентка 5 курса С. Юмаева заняла первое место в международном конкурсе научных работ «Конституции России и Украины глазами курсантов и студентов» (науч. рук. проф. Д.С. Велиева). Дипломом победителя награждена Е. Свиридова – студентка 2 курса заочной формы обучения по магистерской программе «Налоговое, банковское и страховое право» по итогам конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу молодых ученых, посвященного 20-летию Конституции РФ (науч. рук. проф. Д.С. Велиева). Студенты 2–5 курсов заняли второе место в отборочном туре Всероссийской юридической олимпиады, организованной Санкт-Петербургским государственным университетом при содействии Ассоциации юристов России, Саратовским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского (науч. рук. к.ю.н. О.В. Кузнецова). Почетными грамотами и серебряными сертификатами награждены студенты 2 курса А. Мальцева, К. Бражник, М. Кудинова, К. Тимофеев за участие в VI Межвузовском конкурсе среди студентов «ГАРАНТ» – «Знай свои права!», организованном ООО «Правовой центр «Гарант – Саратов» (науч. рук. к.ю.н. О.В. Кузнецова).

На кафедре успешно действуют научные студенческие кружки «Конституционное право» (рук. Д.С. Велиева, М.Л. Воронкова, О.В. Кузнецова), «Клуб молодых избирателей» (рук. Д.С. Велиева, О.В. Кузнецова). В рамках студенчес-

кого кружка «Клуб молодых избирателей» студенты не только изучают теоретические проблемы избирательного права, но и анализируют текущие избирательные кампании, знакомятся с работой избирательных комиссий, становятся участниками и призерами конкурсов ЦИК РФ и избирательной комиссии Саратовской области по вопросам избирательного права и процесса среди студентов и аспирантов высших юридических учебных заведений (юридических факультетов вузов) Российской Федерации.

Студенты, успешно занимающиеся научной деятельностью, могут продолжить свое обучение в аспирантуре по специальности 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право». На кафедре ведется активная научная работа с аспирантами и соискателями кафедры: они участвуют в международных и всероссийских конференциях, круглых столах; имеют публикации в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук («Вестник ПАГС», «Вестник СГАП», «Конституционное и муниципальное право», «Современное право», «Пробелы в российском законодательстве», «Закон и право», «Трудовое право»).

Кафедра конституционного и международного права является выпускающей по специальности «Юриспруденция» и руководит государственно-правовой специализацией которая ориентирована на подготовку будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления. В рамках специализации профессорами и преподавателями кафедры разработаны спецкурсы «Защита прав человека органами власти», «Избирательное право и процесс», «Конституционное право субъектов Российской Федерации», «Налоговое и банковско-страховое право». В ходе изучения дисциплин студенты не только изучают теоретические основы, но и знакомятся с практической деятельностью федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

С 2011 г. кафедра реализует магистерскую программу «Налоговое, банковское и страховое право».

Кафедра конституционного и международного права имеет значительный опыт сотрудничества с государственными и муниципальными структурами управления, что позволяет содействовать выпускникам, получившим специализацию на кафедре, в их трудоустройстве.

Д.С. Велиева выступает независимым экспертом – членом аттестационной комиссии аппарата губернатора Саратовской области, членом аттестационной комиссии государственных гражданских служащих Саратовской области. М.Л. Воронкова является экспертом конкурсной и аттестационной комиссии Управления по обеспечению работы мировых судей Правительства Саратовской области. Д.С. Велиева и О.В. Кузнецова входят в состав экспертного совета при Уполномоченном по правам человека Саратовской области. Ю.В. Капитанец является независимым экспертом – членом аттестационной комиссии ИФНС России по Заводскому району г. Саратова. Доцент кафедры О.В. Кузнецова совмещает научную и преподавательскую деятельность с практической деятельностью в качестве члена избирательной комиссии Саратовской области с правом решаю-

щего голоса, входит в состав конкурсной комиссии ИКСО по вопросам избирательного права и процесса среди студентов и аспирантов.

Преподаватели кафедры ежегодно повышают свою квалификацию путем прохождения соответствующих их профилю и научным интересам стажировок в федеральных и региональных органах государственной власти, органах местного самоуправления. Полученные таким образом знания и умения используются прежде всего в процессе научно-исследовательской работы, а также в преподавании в институте переподготовки и повышения квалификации, в обучении студентов, получающих второе высшее образование.

С 1999 по 2009 г. кафедра конституционного и международного права выступала организатором ежегодной научно-практической конференции «Конституционные чтения», в которой принимали участие саратовские ученые-юристы, а также юристы-практики из Казахстана, Москвы, Астрахани, Архангельска, Казани, Петрозаводска, Самары, Саранска, Пензы, Уфы и других городов.

В рамках этих традиций кафедрой с ноября 2008 г. ежегодно проводится межвузовский круглый стол «Конституционное развитие современной России», участниками которого являются аспиранты и студенты саратовских вузов. С 2010 г. совместно с Луганским государственным университетом внутренних дел имени Э.А. Дидоренко кафедра проводит международный конкурс студенческих научных работ «Конституции России и Украины глазами курсантов и студентов».

Преподаватели кафедры активно участвуют в профориентационной работе, ежегодно проводят занятия в школах и лицеях г. Саратова (Ю.В. Капитанец, М.Л. Воронкова, М.А. Колодезная, М.В. Плещева). О.В. Кузнецова с 2010 г. ведет курс занятий в активной форме в школах г. Саратова и Вольска на темы: «Права человека», «Защита прав человека органами государственной власти». С целью пропаганды правовых знаний кафедра выступает организатором ежегодного конкурса по конституционному и избирательному праву среди студентов и учащихся общеобразовательных учреждений совместно с компанией «КонсультантАлвентаПлюс».

Перспективными направлениями работы кафедры в ближайшие годы определены следующие: совершенствование научно-исследовательской работы, развитие инновационной научно-педагогической деятельности, укрепление и расширение взаимодействия с другими вузами, повышение качества подготовки научно-педагогических кадров, привлечение студентов к осуществлению научно-исследовательской деятельности.

Д.С. Велиева,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного и международного права*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Екатерина Сергеевна – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Басова Надежда Анатольевна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: salutnadia@gmail.com

Велиева Джамиля Сейфаддиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: jamilyavelieva@yandex.ru

Владимирова София Николаевна – аспирант кафедры истории Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Пятигорск)
e-mail: Sofiya-Nikolaevna@yandex.ru

Вядро Михаил Александрович – аспирант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: misha_vyadro@mail.ru

Гадисов Сеймур Рамазанович – аспирант кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Seymur01@bk.ru

Зубрилин Илья Николаевич – аспирант кафедры маркетинга Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: dzilya@rambler.ru

Исимбекова Зарина Аликовна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zarinaaaa@mail.ru

Касаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: kafedratigp@bk.ru

Керими Кира Мухамедовна – ассистент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: kirakerimi@yahoo.com

Козлов Вадим Олегович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: bad-k91@mail.ru

Кондратьева Мария Евгеньевна – аспирант кафедры экономики и финансов Марийского государственного университета
e-mail: murlinchik@mail.ru

Коротенко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института Внутренних войск МВД России
e-mail: Andreypooshka13@yandex.ru

Кузнецова Кристина Андреевна – аспирант кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Strekozozzza@mail.ru

Кузьмина Екатерина Михайловна – аспирант кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: katerina.r239mu@yandex.ru

Макарова Светлана Александровна – судья в отставке, доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: maktyp33@mail.ru

Милушева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mtv62@mail.ru

Муфаздалов Салават Ибрагимович – соискатель кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: Salavat1979@mail.ru

148 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Остапенко Сергей Николаевич – заместитель директора по производственно-технологической политике ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей»
e-mail: info@rosprom.ru

Сергеева Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры документо-ведения и архивоведения Тувинского государственного университета (г. Кызыл)
e-mail: mashaist@mail.ru

Сидорова Елена Юрьевна – доктор экономических наук, заведующий кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Тохиоров Тохиржон Исломжонович – ассистент кафедры «Автомобили и управление на транспорте» Политехнического института Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими
e-mail: tohirov.82@mail.ru

Утенков Геннадий Николаевич – кандидат политических наук, заместитель директора Балаковского института экономики и бизнеса (филиала) СГСЭУ
e-mail: ugn64@mail.ru

Федорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций ПИУ имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Хорольцева Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Чернышкина Нина Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, почетный профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafsoc@piuis.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Sergeevna Avdeeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the World Economics and Management of Foreign Economic Activity Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Nadezhda Anatolievna Basova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: salutnadia@gmail.com

Dzhamilya Seifaddinovna Veliyeva – Candidate of Law, docent of the Constitutional Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: jamiliavelieva@yandex.ru

Sofia Nikolaevna Vladimirova – post-graduate student of the History Chair, North-Caucasian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Pyatigorsk)
e-mail: Sofiya-Nikolaevna@yandex.ru

Mikhail Aleksandrovich Vyadro – post-graduate student of Stolypin Volga Region Academy of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: misha_vyadro@mail.ru

Seimur Ramazanovich Gadisov – post-graduate student of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Seymour01@bk.ru

Iliya Nikolaevich Zubrilin – post-graduate student of the Marketing Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: dzilya@rambler.ru

Zarina Alikovna Isimbekova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zarinaaaa@mail.ru

150 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Tatiana Viktotrovna Kasaeva – Candidate of Sciences (Law), docent, Head of the Theory and History of the State and Law Chair, Saratov State Social-Economic University

e-mail: kafedratigp@bk.ru

Kira Mukhamedovna Kerimi – assistant of the Tourist Business Management Chair, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.

e-mail: kirakerimi@yahoo.com

Vadim Olegovich Kozlov – post-graduate student of the Modern and Contemporary History of European and American Countries Chair, Historical Department, Lomonosov Moscow State University

e-mail: bad-k91@mail.ru

Maria Evgenievna Kondratieva – post-graduate student of the Economics and Finance Chair, Mari-El State University

e-mail: murlinchik@mail.ru

Andrey Vadimirovich Korotenko – senior lecturer of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia

e-mail: Andreypooshka13@yandex.ru

Kristina Andreevna Kuznetsova – post-graduate student of the Economic Sociology, Advertising and Public Relations Chair, Saratov State Social and Economic University

e-mail: Strekozzyzza@mail.ru

Ekaterina Mikhailovna Kuzmina – post-graduate student of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Academy of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: katerina.r239mu@yandex.ru

Svetlana Aleksandrovna Makarova – retired judge, docent of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: maktyp33@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Milusheva – Doctor of Sciences (Law), Head of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: mtv62@mail.ru

Salavat Ibragimovich Mufazdalov – competitor of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.

e-mail: Salavat1979@mail.ru

Sergey Nikolaevich Ostapenko – Deputy Director for Production and Technology Policy, Joint-Stock Company “‘Almaz – Antey’ PVO Concern”

e-mail: info@rosprom.ru

Maria Nikolaevna Sergeeva – senior lecturer of the Records Management and Archival Studies Chair, Tuva State University (Kyzyl)
e-mail: mashaist@mail.ru

Elena Yurievna Sidorova – Doctor of Sciences (Economics) Head of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Tokhirzhon Islomzhonovich Tokhirov – assistant lecturer of the Automobiles and Administration in Transport Chair, Polytechnic Institute of the Tajik Technical University named after M.S. Osimi
e-mail: tohirov.82@mail.ru

Gennady Nikolaevich Utenkov – Candidate of Sciences (Politics) Deputy Director of the Balakovo branch of the Balakovo Institute of Economy and Business
e-mail: ugn64@mail.ru

Anna Valerievna Fedorova – Candidate of Science (Philosophy), Docent at the Chair of Social Communications, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Elena Borisovna Khoroltseva – Candidate of Science (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Sergey Evgenievich Channov – Doctor of Science (Law), Head of the Official and Labor Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Nina Yakovlevna Chernyshkina – Candidate of Sciences (History), docent, Professor Emeritus of Stolypin Volga Region Academy of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafsoc@piuis.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Утенков Г.Н.

Идея гражданского общества и проблемы его развития
в контексте теории стратификации 4

Исимбекова З.А.

Технологии электоральной конкуренции партий власти
в парламентских кампаниях современной России
(на примере партии «Единая Россия») 10

Коротенко А.В.

Понятие военной культуры:
сущностные характеристики и итоговая дефиниция 15

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

21

Сидорова Е.Ю., Авдеева Е.С.

Модель стратегического партнерства стран в рамках ЕврАзЭС 21

Федорова А.В., Хорольцева Е.Б.

Управление рисками как особая практика регулирования миграционных потоков
евразийского пространства 30

Тохилов Т.И.

Развитие автотранспортной системы региона:
опыт Республики Таджикистан 38

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

43

Кузьмина Е.М.

Типы правового регулирования: современное измерение 43

Макарова С.А.

Мера пресечения в виде домашнего ареста:
проблемы теории и практики применения 48

Гадисов С.Р.

Трансформация института государства в условиях глобализации 53

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

59

Чернышкина Н.Я.

Трудоустройство выпускников вузов: опыт социологического анализа 59

Муфаздалов С.И.

Социальная трансформация профессионального сообщества сотрудников
правоохранительных органов 64

Керими К.М.

Формирование профессиональной идентичности специалиста
сферы туризма в условиях социального пространства города
(на примере Саратова) 69

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

74

Остапенко С.Н.

Методический подход и результаты оценки инновационности
промышленных предприятий
(на примере ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей») 74

Зубрилин И.Н.

Анализ положительных эффектов корпоративного управления 82

Кондратьева М.Е.

Планирование затрат
на стадиях жизненного цикла строительной продукции 87

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

92

Кузнецова К.А.

Развитие социологических концепций управления в Великобритании 92

Козлов В.О.

История возникновения американских концепций
научного менеджмента 97

Басова Н.А.

Методологические основания аналитики детства:
социально-философская рефлексия 104

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

111

Вядро М.А.

Корреляция формальных характеристик депутатов Государственной Думы
и активности их представительской деятельности
(на примере Саратовской области) 111

Сергеева М.Н.

Факторы и механизмы адаптации человека
к культуре использования информационных ресурсов 117

154 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Владимирова С.Н.

Организация санаторно-курортного лечения
на Кавказских Минеральных Водах в начале XX века 122

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
127**

Чаннов С.Е.

Межвузовский круглый стол «Охрана труда и защита
трудовых прав: современное состояние и перспективы»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, 22 мая 2013 г.) 127

Милушева Т.В., Касаева Т.В.

Межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы ограничения
публичной власти в современной России»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, 7 октября 2013 г.) 132

**Представляем кафедру конституционного и международного права
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ 142**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
147**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Utenkov G.N.

The Idea of Civil Society and Problems of Its Development
in the Context of the Stratification Theory 4

Isimbekova Z.A.

Electoral Competition Technologies of "Parties of Power" in Parliamentary
Campaigns of Modern Russia (by the example of the party "United Russia") 10

Korotenko A.V.

The Concept of Military Culture:
Essential Characteristics and the Final Definition 15

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

21

Sidorova E.Yu., Avdeeva E.S.

The Model of Strategic Partnership of Countries in the Frameworks of the Eurasian
Economic Community 21

Khoroltseva E.B., Fedorova A.V.

Risk-Management as a Specific Practice
of Migratory Streams Regulation in Eurasia 30

Tokhirov T.I.

The Development of the Transportation System in a Region:
the Experience of the Republic of Tajikistan 38

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

43

Kuzmina E.M.

Types of Legal Regulation: Modern Dimension 43

Makarova S.A.

Preventive Legal Measures in the Form of House Arrest:
Problems of Theory and Practice 48

Gadisov S.R.

Transformation of the Institution of the State
in Conditions of Globalization 53

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

59

Korotenko A.V.

The Concept of Military Culture: Essential Characteristics
and the Final Definition 59

Mufazdalov M.I.

Social Transformation of Professional Police Community 64

Kerimi K.M.

Forming Professional Identity of a Tourism Specialist in Conditions
of a City Social Space (by the example of Saratov) 69

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

74

Ostapenko S.N.

The Methodical Approach and the Results of the Industrial Enterprises'
Innovativeness Evaluation
(by the example of the JSC "Almaz – Antey" PVO Concern") 74

Zubrilin I.N.

Corporate Governance Positive Effects Analysis 82

Kondratueva M.E.

Cost Planning at the Construction Products Life-Cycle Stages 87

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

92

Kuznetsova K.A.

Management Sociological Concepts Development in Great Britain 92

Kozlov V.O.

The History of Scientific Management American Concepts Origin 97

Basova N.A.

Methodological Bases of Childhood Analytics: Socio-Philosophical Reflection 104

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

111

Vyadro M.A.

The Correlation between Formal Characteristics of the State Duma Deputies
and Their Representative Activities
(by the example of the Saratov Region) 111

Sergeeva M.N.

Factors and Mechanisms of Human Adaptation
to the Culture of Using Information Resources 117

Vladimirova S.N.

Organization of Sanatorium Treatment
at the Caucasian Mineral Waters in the Early XX Century 122

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

127

Channov S.E.

Intercollegiate Round Table "Occupational Safety and Protection of Labor Rights: Current State and Prospects" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, May 22, 2013) 127

Milusheva T.V., Kasaeva T.V.

Intercollegiate Round Table "Topical Problems of Limiting Public Authority in Modern Russia" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, October 15, 2013) 132

***We Present the Constitutional and International Law Chair
of Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*** 142

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

150

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 6 (39)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2013 г., п. № 856

Подписано к печати 20.12.2013 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500. Заказ 497.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>